Ежи Тумановский
ПОЕЗДА
ПЕРЕЕЗД
[ЛЕГЕНДЫ ЗОНЫ]
В ПЕТЛЕ

Annotation

Странные дела творятся с некоторых пор в Зоне. Пропадают целые территории, а вместо них появляются другие. В лесах все чаще замечают невиданных до этого мутантов. И за всем этим угадываются последствия неудачного научного эксперимента. Исправить все должна экспедиция, руководитель которой, учтя все сделанные ранее ошибки, готов к любым неожиданностям. Но в Зоне нельзя предусмотреть всего, даже если под рукой есть целый бронепоезд. И там, где в отчаянной борьбе сойдутся за свои интересы безответственные ученые, жадные бандиты и сталкеры, любая победа может оказаться пирровой.

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22

- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49

В петле

1

Странный это был бар. Непохожий на такие же, по основному назначению, заведения, каких было немало в разных концах небольшого городка, расположенного всего в нескольких километрах от Периметра. Или, говоря иначе, границы, отделяющей мир людей от мира, где человеческим существам было бы лучше вообще никогда не появляться. В этом баре обычно не было слышно общего гула голосов, хотя людей за столиками сидело предостаточно. А бутылки, в изобилии стоящие на столах, практически не пустели. Сюда приходили не столько отдыхать, сколько говорить о деле.

Хозяин бара, а по совместительству и бармен, не жаловался. Почти не имея доходов от спиртного, он, по слухам, неплохо наживался на еде, приторговывая попутно информацией, а может, даже и артефактами. Хотя не исключено, что грязные слухи распускали конкуренты, чтобы испортить жизнь одному из самых пристойных заведений в городе. Во всяком случае, так бармен и отвечал всякий раз, когда ему пытались задавать вопросы разные мутные личности, время от время появлявшиеся зачем-то в баре.

Поэтому, когда однажды после обеда сквозь открытую настежь дверь в бар уверенно вошла женщина в строгом деловом костюме, бармен отставил в сторону стакан, облокотился на отполированную тысячами посетителей барную стойку и приготовился с печалью в голосе рассказывать о невероятной подлости конкурентов.

Несмотря на то что женщине явно перевалило за тридцатник, выглядела она просто замечательно, двигалась энергично, а когда ее взгляд быстро скользнул по небольшому залу, бармен даже ощутил некоторое любопытство. Незнакомка не походила на тех страдалиц, что иногда забредали в бар в поисках мужей-выпивох.

– Здравствуйте, – вежливо сказала женщина, непринужденно облокачиваясь на барную стойку напротив бармена. – Я ищу одного человека. Мне сказали, что он бывает в этом заведении.

– Мадам, – галантно сказал бармен таким мощным голосом, что его было слышно, наверное, в каждом углу заведения, – у меня здесь бар, а не справочная служба.

Женщина внимательно посмотрела ему в глаза, и от ее пронизывающего взгляда бармену стало как-то даже не по себе. Но начатый им спектакль для постоянных посетителей следовало доводить до конца, и он вопросительно приподнял бровь, словно давая понять, что теперь свою реплику должна произнести незнакомка.

Женщина обернулась и медленно обвела взглядом повернутые в ее сторону лица. В баре не было уже ни одного человека, который остался бы равнодушным к предстоящему развлечению. Женщина снова повернулась в бармену, и в руке ее, откуда ни возьмись, появилась крупная купюра.

– А налей-ка мне чего покрепче, хозяин, – сказала она громко и отчетливо, явно адресуя свои слова и всем слушателям.

– Как скажете, мадам, – хитро улыбаясь, сказал бармен и снял с полки бутылку абсента.

В зале раздались редкие смешки, люди оживленно задвигались, предвкушая интересное зрелище.

Бармен тем временем поставил на стойку высокий стакан и доверху наполил его зеленой жидкостью. Так абсент никто не пил, и все об этом прекрасно знали. Но посмотреть, как приезжая дамочка будет давиться высокоградусным алкоголем, было интересно всем.

Женщина спокойно взяла стакан и повернулась лицом к залу, словно и правда выступала на сцене. Всякое движение немедленно затихло. Три десятка человек с напряженным любопытством смотрели на стакан, выпить который целиком рискнул бы здесь далеко не каждый.

– Я ищу сталкера по кличке Опер, – громко сказала женщина, небрежно покачивая стаканом, словно гипнотизируя собравшуюся публику. – По жизни его зовут Костя. И если он вдруг по какой-то счастливой случайности забредет сегодня или завтра в этот бар, счастливая случайность получит вот эту красивую бумажку у хозяина заведения.

Она повернулась к бармену и положила на стойку вторую купюру.

– Не откажите мадаме в любезности, голубчик, – сказала она насмешливо. – А за это сдачу от первой денежки можете оставить себе. Как и это мерзкое пойло.

Она поставила стакан и спокойно вышла из бара.

– Ну, чего уставились? – грубо спросил бармен, ловко убирая купюры в карман фартука. – Я сам скажу Оперу, что его какая-то красавица искала. Не напрягайтесь.

– Да ты его позже меня увидишь! – буркнул небритый мужичок с лицом пропойцы и заспешил к выходу.

– Вот идиот, – сказал ему в спину человек, сидевший совсем рядом с барной стойкой, вытащил из кармана сотовый телефон и быстро набрал номер. – Опер? Привет, братан. Да помаленьку, керогазим, да. Чего звоню: тебя тут баба какая-то искала. Ну как «какая»? Лет тридцать пять, шатенка стриженая, в пиджаке и брюках. И такая, знаешь, не из фифочек. Баба-мужик, а не баба. Я бы сказал, что она только что за двадцать секунд поимела весь этот чертов бар. Понял уже кто? Ну, вот и отлично. Сегодня вечером придет снова по твою душу. Давай, отбой.

– Эй, ты, – хмуро сказал ему бармен. – Для тебя сегодня выпивка по двойному тарифу!

2

Ближе к вечеру женщина в брючном костюме снова появилась рядом с баром, но войти в гостеприимно распахнутую дверь не успела. Темная фигура в мешковатой серой куртке с капюшоном отделилась от грязно-серой стены здания, крепко схватила женщину за руку и быстро потащила за собой по улице. Капюшон, наброшенный на голову, не давал разглядеть его лицо, и женщина испугалась.

– Отпусти, урод! – зашипела она. – Ты даже не знаешь, сколько наживаешь себе проблем!

Как раз в этот момент человек буквально дотащил ее до угла здания и дернул в густую тень раскидистого дерева.

– А по-моему, проблемы пока у тебя, Марина, – сказал он, снимая с головы капюшон.

Несколько секунд Марина всматривалась в смутно знакомое, хоть и заросшее густой бородой лицо, и только потом поняла, что нашла того, кого искала.

– Костя!

– Тихо, – прижал он палец к ее губам. – Это было очень неосторожно с твоей стороны искать меня здесь таким вот образом.

– Твой телефон перестал отвечать больше двух месяцев назад, – сказала Марина. – Как мне тебя еще было искать?

– Раз перестал отвечать – значит, были на то причины, – морщась, сказал Костя. – И значит, не хотел я, чтобы меня вообще искали.

– У меня проблемы, – просто сказала Марина.

– Я это первым сказал, – усмехнулся Костя.

– Рому похитили. И, судя по всему, утащили куда-то сюда, в Призонье.

– Какого Рому? – озадаченно спросил Костя.

– Я и забыла, что вы тут друг друга только по кликухам зовете, – с досадой сказала Марина. – У нас что, много общих знакомых Ром? Мужа моего, Романа Андреевича Рывко. То бишь, сталкера Топора.

– Топора? – удивился Костя. – Да кому он на х… То есть зачем его кому-то было похищать? Ты ничего не путаешь? Может, просто загулял мужик, устав от семейной жизни?

– Так загулял, что собутыльники его маски на головы от страха натягивать начали, – мрачно сказала Марина, выуживая из кармана смартфон. – Вот, гляди, что мне позавчера прислали.

Она провела несколько раз пальцем по экрану и вручила смартфон Косте.

На большом экране дорогого телефона видеоролик смотрелся настолько хорошо, что казалось, еще немного, и люди в масках полезут из него на улицу. Правда, через секунду стало ясно: никуда люди в масках не полезут, поскольку заняты очень важным делом. Методично и даже несколько устало они избивали человека, крепко-накрепко привязанного к стулу.

Избиваемый походил на сплошной синяк, покрытый к тому же длинными кровавыми царапинами, его изодранную рубаху покрывали бурые и ярко-красные пятна, при каждом ударе он едва слышно покряхтывал, но выглядел при этом на удивление невозмутимым. На опухшем от побоев лице не было заметно ни страха, ни даже злобы в адрес мучителей. Лишь рассеченные губы кривились в презрительной усмешке. Потрясенный Костя с трудом узнал в нем Топора – сталкера, с которого началась его собственная сталкерская жизнь.

Один из людей в маске повернулся в сторону камеры и с наигранным надрывом в голосе сказал:

– Год назад этот человек зачем-то приезжал в Зону. Покатался по ней пару часиков и решил, что достаточно знает, чтобы начать ее разрушение! Именно после его приезда все у нас стало иначе. Мы считаем, что именно он виноват в том, что в нашей Зоне начали происходить ужасные вещи. И поэтому… – Человек в маске сделал выразительную паузу. – …мы требуем за жизнь этого человека десять миллионов долларов!

– И мыла попроси, а то воняет от тебя, как от душного козла, – насмешливо прохрипел Топор у него за спиной.

– Если в течение двух недель денег не будет, мы убьем этого человека, а голову пришлем в подарок его супруге. Инструкция по передаче денег будет приложена к этому обращению. – Человек наклонился совсем близко к камере так, что стали видны лишь толстые губы в прорези маски и добавил: – Да, совсем забыл. Мы не рекомендуем обращаться в мусарню, но и ничего против не имеем.

Обращайтесь, сколько влезет. Можете даже журналистам сообщить. Немного известности нам тоже не помешает.

Он отпрянул назад и вдруг, ловко крутанувшись на месте, с разворота ударил Топора ногой в тяжелом ботинке по голове. Голова пленника мотнулась в сторону, и он завалился на пол вместе со стулом. На этом запись закончилась.

– Что это за клоун? – в полном недоумении спросил Опер.

– А вот это я и хочу узнать, – ответила Марина. – Но времени у меня не так и много. Всего десять дней осталось, если верить его инструкциям.

– Хорошо, давай пойдем куда-нибудь, где ты еще не успела поразить местный сброд своими манерами, – сказал Костя. – Там и поговорим.

3

– А ты здорово изменился, – сказала Марина, внимательно разглядывая бывшего напарника по работе сквозь клубы сигаретного дыма. – Возмужал. Загрубел.

Они сидели в почти пустой темной забегаловке, расположенной в полуподвале старого дома, куда Марина одна даже не решилась бы зайти. Мрачные, испачканные копотью стены, еще пахнущие недавним пожаром, небрежно очищенные от сажи столы, тусклые лампы в единственном светильнике под потолком. Костя сходил к стойке и принес две кружки пива и большую тарелку с мясом, от которого, впрочем, Марина отказалась.

– Ты тоже выглядишь совсем иначе, – сказал сталкер, безо всякого смущения беря с тарелки большой кусок мяса прямо руками. – Как женщина, которая ни в чем не нуждается, а не как замотанный по командировках репортер телевизионного канала. И мне кажется, что тебе это идет гораздо больше. А теперь рассказывай с самого начала.

Марина взяла кружку с пивом, отхлебнула, затянулась сигаретой.

Топор пропал по дороге с работы домой. Вечером, задержавшись в министерстве, он отпустил телохранителя, позвонил и обещал «почти успеть» к ужину. Но не пришел даже ночевать. Телефон его оказался выключенным. А уже ночью, когда Марина умудрилась «поднять на уши» не только всю министерскую охрану, но и самого министра, который уже по своим «каналам» подключил полицию, на ее телефон позвонил неизвестный. И предупредил, что Романа Андреевича Рывко искать бесполезно, поскольку этот заместитель министра уже давно, хоть и не по своей воле, покинул столицу. И в компании преданных поклонников едет куда-то очень далеко. Марине было велено успокоиться и ждать следующего звонка.

Полиция пыталась отследить местоположение звонившего, но следы звонка быстро потерялись в глубинах Интернета. Стандартный план по перехвату преступников в городе и области тоже ничего не дал. Супруге похищенного предложили отправляться домой и ждать хороших новостей, поскольку компетентные органы и без нее разберутся.

– Я тогда сразу поняла, что ничем толковым господа полицейские похвастать не смогут, – сказала Марина. – А уж когда мне прислали это вот требование и я пошла говорить про деньги…

– Можешь не продолжать, – сказал Костя, запивая мясо пивом. – Тебе сказали, что таких денег у полиции нет, но все будет согласовано в самое ближайшее время.

– Примерно так, – сказала Марина, закуривая новую сигарету.

– Ты стала больше курить, – отметил Костя.

– Вообще не курила. Представляешь, совсем бросила, – поморщилась она. – Два дня назад начала снова.

– Ну хорошо, хватит ходить вокруг да около, – проговорил Костя решительно. – Чем я могу помочь?

– Эти уроды, судя по их намекам, прячутся где-то за Периметром, в Зоне, – сказала Марина. – А ты, как я слыхала, здесь уже свой вполне человек. Давай соберем бригаду, поищем информацию, найдем и освободим Топора. Деньги – не проблема.

– Чего-то подобного я и ожидал, – со вздохом сказал Костя, – хоть и не столь резкого. Отвык я уже от общения с тобой.

– Что не так? – сразу оценила скептический тон напарника Марина.

– Много чего. Но прежде всего, я по уши в дерьме, – честно признался Костя, отводя глаза и вытаскивая сигарету из пачки Марины. – Тоже вот, видишь, закурил…

Хлопнула дверь. В зал ввалился уже заметно нетрезвый гражданин. Обвел всех присутствующих мутным взглядом, громко икнул и вышел обратно на улицу.

– Давай решим твои проблемы моментально, – напористо предложила Марина, – и займемся моими. Сколько ты задолжал? Или надо с кем-то из местных авторитетов договориться?

– Не все проблемы решаются баблом, – мягко заметил Костя. – Кровники у меня появились. Не так давно.

– У тебя? – поразилась Марина. – Это кого же ты грохнул, чтобы тебе хотели так отмстить?

– Никого я не грохал! – с досадой сказал Костя. – Но они думают, что именно грохнул.

– Рассказывай, – бросила Марина. – Мне в любом случае намного проще и быстрее работать с тобой, чем с неизвестными мне

сталкерами. А вдруг все-таки еще и твою проблему попутно решим?

Костя помолчал, словно сомневаясь, стоит ли изливать душу бывшей напарнице, потом посмотрел на нее в упор и спросил:

– А ты готова поверить в то, что будет выглядеть, как глупая сказка?

– Я столько слышала за свою жизнь глупых сказок, – ответила Марина, – что давно ничему не удивляюсь. И готова поверить во что угодно, если знаю человека, который эти сказки рассказывает.

– Ну хорошо, тогда слушай. Случилось это неделю назад…

Это была обычная ходка, каких Костя, а точнее сталкер по кличке Опер, сделал уже не один десяток. Разве что туристы были не совсем обычные, хоть и пытались казаться самыми заурядными любопытными богатеями. Семеро мужчин, крепких и подтянутых, точно спортсмены, вели себя развязно, громко смеялись по любому поводу и активно злоупотребляли спиртным. Только глаз у Опера был уже наметан. Мельчайшие особенности экипировки, движений, жестов в совокупности выдавали в «туристах» вполне профессиональных искателей приключений, а не обычных зевак.

Но клиенты платили хорошие деньги именно за то, чтобы проводник держал свои вопросы и догадки при себе. Ну и вел по маршруту, разумеется. Двух туристов из этой группы, похожих как две капли воды, в дорогу провожал третий, точно такой же. Если бы не разница в одежде, его легко можно было бы спутать с теми, кого он провожал. Опер впервые в жизни видел трех братьев, настолько неотличимых друг от друга.

Сперва все шло по плану. Туристы с удовольствием фотографировались на фоне аномалий, с аппетитом обедали сухими пайками и на удивление беспрекословно подчинялись каждой команде своего проводника. Вместо того чтобы радоваться столь гладкой ходке, Опер все больше ощущал какое-то неудобство, а потом и тревогу, причины которой не смог сам себе внятно объяснить.

Все очень быстро начало меняться в тот момент, когда туристы вдруг предъявили своему проводнику ультиматум. Они хотели свернуть с оговоренного маршрута к некоей точке на карте, куда Оперу соваться совершенно не хотелось. После короткого, но крайне эмоционального скандала, сталкер подчинился.

– Был бы на моем месте Топор, – сказал Костя, глядя Марине в глаза, – он бы, наверное, сумел развернуть ситуацию в свою пользу. А я не смог. За это и поплатился.

Несмотря на все опасения Опера, к месту, указанному на карте туристами, они вышли достаточно легко. Лишь незадолго до цели на них выскочила совершенно обезумевшая от страха дикая свинья. Костя еще только собирался подстрелить на всякий случай опасное животное, а туристы уже резво повытаскивали стволы и за несколько секунд буквально нашпиговали свинью свинцом. Причем выглядели при этом скорее азартно, чем испуганно, хотя животное весом центнера в три обладало весьма устрашающим набором клыков и рогов.

Разглядывая тушу, изорванную выстрелами в лохмотья, Опер окончательно утвердился в мысли, что команда его туристов сплошняком состоит либо из бывших военных, либо из ветеранов спецслужб. Хотя почему обязательно бывших?

Вскоре они вышли к заброшенному бункеру, подходы к которому выглядели так, словно здесь много лет не ступала нога человека. Бетонные плиты едва проглядывали из-под естественных наслоений земли, а вход больше напоминал яму, под углом уходящую в грунт. Тем не менее «туристы» сразу повеселели и начали говорить о том, что «пропажа на удивление легко нашлась».

– Потом мне велели тщательно осмотреть местность вокруг на предмет аномалий. Чтобы, значит, не было под землей сюрпризов, которые можно обнаружить сверху. После чего отвели в сторону и сказали ждать, пока они не закончат свои дела и не вернутся.

Костя замолчал, словно совсем забыв о своей собеседнице.

– А дальше? – спросила Марина, которой надоело ждать.

– А дальше ничего, – сказал Костя. – Прошло много времени, но они все не возвращались. А когда я через несколько часов пошел их искать, то не нашел никого. Мало того, бункера тоже не было.

– В смысле? Не поняла.

– Бункер и люди исчезли. Заблудиться там было негде. Вот и все. Я уже начал думать, что все это мне приснилось, пока не нашел вот это.

Костя положил на стол длинный нож с темной эбонитовой рукоятью, с кровостоком на блестящем лезвии и удобной изогнутой к

рукояти гардой.

– Нож одного из туристов? – с пониманием спросила Марина.

– Да. Причем его воткнули в дерево, словно знак оставили.

– Это ты на что намекаешь? – спросила Марина, закуривая новую сигарету.

– Ни на что. Просто констатирую. Странные люди приходят в странное место, где исчезают при странных обстоятельствах. Причем, насколько мне известно, подобные истории совсем не редкость сейчас в Зоне. Но это еще не все. Было еще кое-что странное.

– И что же? – с интересом спросила Марина.

– Серебристый туман. Я видел его там. Как раз перед тем, как отправиться на поиски.

Марина несколько секунд смотрела на него, глубоко затягиваясь. Потом сказала:

– Бронепоезд с установкой профессора стоит на приколе, я узнавала. Сам Ломакин – в тюрьме. Версоцкий и этот его подопечный юноша-монстр – надежно закрыты в какой-то суперсекретной «психушке» под землей. Думаешь, кто-то из ученых построил еще одну установку?

– Нет, все гораздо хуже, – со вздохом ответил Костя. – Мужики в масках на твоем видео сказали правду. После той нашей поездки в Зону здесь много чего начало меняться. А это значит, что профессор Ломакин не просто включил свою установку и проверил какие-то теории. Он запустил процесс, который после отключения установки не прекратился. И есть подозрение, что процесс этот только набирает силу.

– Ладно, – сказала Марина. – Я все поняла. Но можешь хотя бы посоветовать, к кому обратиться, чтобы не обманули?

– Я сделаю кое-что получше. Сам со всеми договорюсь и соберу тебе команду.

– Спасибо, Костя, – с чувством сказала Марина. – Ты настоящий друг. С деньгами…

– Я помню, проблем не будет, – улыбнулся Костя. – В нашем «хотеле» остановилась? В каком номере?

– В триста двенадцатом.

– Я постараюсь все уладить до завтрашнего обеда. Сиди в номере и никуда не уходи. Я сам приду к тебе.

Он легко поднялся из-за стола и стремительно исчез за дверью.

– Все-таки ты очень сильно изменился… – задумчиво произнесла Марина, глядя ему вслед.

4

Марина нервно ходила по номеру гостиницы. Скромное трехэтажное здание больше походило на слегка отреставрированный барак, чем на воплощение иностранного слова «Hotel», гордо красующееся на аляповатой вывеске. За окном давно стемнело, и городок укрылся плотным одеялом сумрака, лишь кое-где безуспешно отгоняемого слабыми уличными фонарями.

Это было настолько непривычно, что Марина вдруг ощутила странное чувство, хорошо знакомое ей когда-то очень давно, но почти забытое за давностью лет.

Беспричинный страх.

Ей ничего не грозило в этой хибаре, гордо именуемой «отелем», поскольку внизу, в фойе, рядом с жуликоватым хозяином, дежурило несколько здоровых амбалов, одним своим видом способных напугать кого угодно. Вокруг гостиницы лежала не Зона, по которой ей уже доводилось ходить, а обычный унылый городок. И на нее не охотились жаждущие кровной мести убийцы. Но мрак, выползший откуда-то из самых нехоженых уголков Зоны, таил в себе куда большую угрозу, чем какая-то там смерть.

Страх смотрел из темноты окна тысячами расширенных от ужаса глаз. Страх недобро скалился зарницами далеких вспышек где-то у горизонта. Страх обещал, что до того, как возьмет жизнь, заставить увидеть смерть тех, кто больше всего дорог. Страх не знал жалости, не оставлял надежд и ощущался так, словно был неотъемлемой частью этого места. И ему нельзя было показывать свою слабость.

Марина потушила свет, подошла к окну, всмотрелась в сумрак ночной улицы. Темнота была практически непроницаемой, но ей вдруг показалось, что из окна дома напротив кто-то смотрит прямо на нее. Страх, которому она сопротивлялась изо всех сил, вдруг разом затопил сознание. Она испуганно подалась назад и рывком задернула штору.

В этом маленьком грязном городке, наполненном бандитами и ненормальными сталкерами, она была совершенно одна. И даже Костя, обещавший прийти через пару часов, исчез без следа. А где-то там, в самом сердце чернейшего мрака, неизвестные страшные люди убивали

ее мужа. И не было ни малейших гарантий, что он все еще жив. Отчаяние, страх и ощущение полной безнадежности слились в один бескрайний океан, в темных водах которого смелая и сильная Марина вдруг ощутила себя маленькой, беспомощной и никому не нужной. Еще немного, и она потеряла бы контроль над собой, но каким-то невероятным усилием сдержалась, сжала зубы и присела на краешек кровати. По лицу ее текли слезы, но она так и не издала ни звука.

Вдруг в дверь номера кто-то тихо поскребся. Марина передернулась всем телом и рывком поднялась на ноги. В полной тишине было слышно, как что-то поскрипывает в перекрытиях старого здания.

Прошло несколько минут. Слабый скребущийся звук раздался вновь. И шел он явно со стороны общего коридора.

Марина на цыпочках, стараясь двигаться как можно тише, подошла к двери и прислушалась. Тяжелое сопение, словно под ее дверями стояла собака. Потом едва слышный шлепок, как от крупной капли воды, упавшей на пол. Слюна?

На мгновение Марине показалось, что она сошла с ума. Что нет никакой гостиницы и не было никакого удачного выхода из Зоны в прошлый раз, а есть ночь, Зона, тонкие стенки палатки и голодный мутопес, жадно тянущий воздух ноздрями в предвкушении беспомощной добычи.

– Марина, это я, открой, – тихий шепот из-за двери показался Марине громче, чем крик.

Чувствуя, как невероятный груз страхов и опасений вдруг уходит прочь, она быстро открыла дверь и едва успела подхватить падающее тело. Охнув, втащила Костю в номер и быстро закрыла дверь. Потом бросилась к окну, тщательно расправила штору так, чтобы ни малейшего кусочка окна видно не было, и только после этого включила свет.

Выглядел бывший напарник просто ужасно. Грязный, мокрый, с окровавленной головой и к тому же в полубессознательном виде. Лишь на мгновение открыв глаза, он прошептал что-то невнятное и «отключился». Наверное, в другое время Марина могла бы и растеряться. Но сейчас, когда появление старого товарища развеяло все звериные страхи, она чувствовала прилив энергии и уверенности в себе.

Первым делом расстегнув на Косте легкую куртку, она проверила, нет ли у него серьезных повреждений на теле. Для этого ей пришлось расстегивать и легкий бронежилет, наличие которого хоть и удивило ее, но не показалось чем-то совсем необычным. Ткань на бронежилете была изрезана и продырявлена в нескольких местах, но с другой стороны все было цело – судя по всему, предусмотрительность Кости спасла ему жизнь.

Потом, подложив под голову товарища подушку, Марина спустилась на первый этаж и отозвала в сторону хозяина гостиницы. Показав ему пачку наличных и «платиновую» банковскую карту, она осведомилась, можно ли найти в сей поздний час врача, способного осмотреть больного и забыть об этом немедленно после получения денег.

– Сударыня, – хитро улыбаясь, сказал хозяин, – вам необычайно повезло. В нашем городе практически у всех врачей невероятно плохая память. А кого нужно осмотреть? Вы не выглядите больной настолько, чтобы вызывать доктора. И я не видел, чтобы к вам кто-то проходил.

– И все-таки у меня гость, – после короткой паузы сказала Марина. – Кажется, его пытались ограбить, и при этом сильно ударили по голове.

– Опять на кухне черный ход повара закрыть забыли, – с досадой сказал хозяин гостиницы.

– Похоже, в вашем городе плохой памятью страдают не только врачи, – съязвила Марина. – Впрочем, меня это не касается. Мне нужен лучший врач из числа тех, кто сможет здесь появиться в течение двадцати минут. И пришлите кого-нибудь убрать в коридоре. Желательно тоже из числа забывчивых и глухонемых.

Она слегка потрепала хозяина по щеке пачкой банкнот и бросила ее на стол.

– Богиня! – с восхищением сказал хозяин, глядя на Марину снизу вверх.

К приходу врача Марина полностью освободила Костю от верхней одежды и перетащила его на диван. Пару раз он ненадолго приходил в себя, смотрел на девушку мутным взглядом и снова терял сознание.

Тщедушного телосложения мужчина с большим допотопным саквояжем, постучавший в дверь и бесцеремонно отодвинувший Марину в сторону, сперва вызвал у нее недоверие и подозрение.

Впрочем, оно быстро прошло при виде того, как быстро и профессионально он осматривает и ощупывает Костю. Марина успокоилась и устроилась на стуле в углу комнаты.

– Ничего страшного, – сказал наконец врач, собирая инструменты и перевязочный материал в свой саквояж. – Судя по характерным синякам, готов ручаться, что на парне был бронежилет, когда в него стреляли. А удар по голове прошел вскользь и только выглядит страшным из-за порванного уха. Хотя не исключаю и сотрясение. Смотрите по самочувствию. Повязку завтра можно снять. Ухо я заклеил, рану на голове промыл и залил лекарством. Все нужные уколы сделал. А теперь, извините, у меня еще два огнестрела впереди.

– Спасибо, – сказала Марина и вытащила несколько банкнот из сумочки.

– Благодарю, но мне уже заплатили, – улыбнулся врач и быстро вышел из номера.

Марина растерянно прошла следом, выглянула в коридор, но там уже никого не было. Идеально чистый пол уже почти высох, словно не полз здесь меньше часа назад окровавленный человек.

– Интересно, это у них традиция такая – уходить, не прощаясь? – неизвестно у кого спросила Марина, еще раз осмотрела коридор и закрыла дверь.

До утра больше делать было нечего, и Марина, потушив свет, не раздеваясь легла на кровать. Прислушалась. С дивана доносилось ровное дыхание Кости.

Сперва она думала, что не сможет заснуть до самого утра, но постепенно перед глазами поплыли картинки из прошлого, и Марина начала проваливаться в сон. При этом она вроде бы и не спала, продолжая понимать, что лежит на кровати в убогой гостинице где-то на окраине Зоны. Но одновременно ей казалось, что она сидит в большой чистой комнате с огромными окнами и листает старый альбом, фотографии в котором похожи на маленькие окошки, в которых показывают кино о прошлой жизни.

Вот они с Костей снимают митинг. Что собрало здесь всех этих людей – неясно, но судя по обилию флагов и напряженным лицам повод, собравший тысячи людей, скорее печальный, чем радостный. Вот съемочная группа «тринадцатого» работает в военной части. Солдаты ловко стреляют из гранатометов и автоматов, ходят

строем и поют песни, а Костя и Марина делают на основе всей этой военной показухи серию патриотических репортажей. Вот новые съемки в больнице. В детском доме. В тюрьме. Снова и снова, словно навязчивый мотив, она переворачивала страницы альбома, и отовсюду на нее смотрела ее собственная съемочная группа. Словно все эти старые изображения ее самой и оператора пытались подсказать ей какую-то мысль.

Громко застонал Костя, и сон рассыпался вдребезги цветными искрами.

– Пить, – внятно произнес сталкер.

Марина быстро поднялась, включила ночник, схватила со стола бутылку воды и стакан и опустилась на пол рядом с диваном. Костя повернул голову и, выхватив из рук Марины стакан, жадно выпил всю воду.

– Еще, – сказал он, буквально пожирая глазами бутылку с водой.

Одолев целый литр, он наконец удовлетворенно вздохнул и расслабленно откинулся на подушку.

– Как ты? – спросила Марина, щупая рукой лоб напарника.

– Я тебе там, кажется, наследил, – хриплым голосом сказал Костя.

– Забудь, все убрали, – отмахнулась Марина и, заметив, как напрягся Костя, добавила: – Никто ничего не видел, никто ничего не знает. У всех амнезия.

– Это хорошо, – почти сразу расслабившись, прикрыл глаза Костя. – А то негоже как-то мертвецам по гостиницам ползать…. Выключи свет, пожалуйста.

– Что случилось? – спросила Марина, щелкая выключателем.

– Люди моего «кровника» нашли меня быстрее, чем я думал, – поморщился сталкер. – И убили.

– В каком смысле «убили»? – растерянно спросила Марина, опускаясь рядом с диваном на пол.

– Напали в темном переулке и попытались связать, – пояснил Костя. – Я сломал одному из них нос, второму пальцы и сбежал. Они успели меня ударить несколько раз ножами, а потом бежали следом и стреляли, пока я не упал с причала в воду. Есть тут у нас озерко с лодками и причалом. Вот туда меня и занесло. Потом я сидел под причалом и слушал, как они обсуждали, стоит ли искать в воде

изрезанное и простреленное тело. На мое счастье решили, что не стоит. Что «и так все понятно».

– Ничего себе «погулял», – покачала головой Марина. – Ты не волнуйся, тебя врач осматривал, пока ты был в отключке. Ничего серьезного. Разве что сотрясение мозга.

– Да, – слабым голосом сказал Костя, – жизненно важные органы не пострадали. Зато я нашел для твоей будущей команды спасения хоть и не очень опытного, но честного и безотказного проводника.

– Да? – рассеянно спросила Марина. – И кто же он?

– Сталкер по кличке Опер. Или ты и правда решила, что я брошу свою напарницу и первого учителя из-за такой ерунды, как «кровник»?

– Ты серьезно? – удивилась Марина.

– Абсолютно. Более того, я нашел одного старого знакомого, который обещал подобрать надежных ребят не позднее завтрашнего вечера. Так что иди и спокойно спи до утра. И я посплю. Чтобы к утру гарантированно поправиться.

– Спасибо, Костя, – Марина накрыла его руку своей. – Я очень тебе благодарна.

Потом она перебралась на кровать и легла, незряче глядя на неразличимый в темноте потолок.

– Знаешь, пока мы работали вместе, – сказала она вдруг, – я никогда не задумывалась, что ты значишь для меня. Я счастлива замужем, но все это время меня не оставляло чувство, что с твоим отъездом сюда я потеряла что-то очень важное. – И услышав смущенное покашливание бывшего напарника, рассмеялась: – Да брось, ничего такого. Ты же для меня как младший брат. Вот этого твоего постоянного присутствия, дружеского плеча рядом мне и не хватало.

– Чуть не напугала, – с облегчением сказал Костя. – Кстати, у нас с тобой еще одна большая проблема осталась. Если похитители Топора решили «залечь на дно», найти их за несколько дней можно только случайно. То есть если очень повезет.

– Можно попробовать организовать слежку в момент передачи денег, – предложила Марина. – Вот здесь у меня лежит инструкция. Пресс фальшивых денег, думаю, найдем.

– Я не знаю, кто похитил Топора, – сказал Костя, – но если они не полные кретины, то уж наверняка обезопасили себя от такого

примитивного сценария. А если они в Зоне сидят, то уж тем более. Здесь кретины долго не живут. Надо что-то такое придумать, чтобы они сами тебя к Топору отвели. А уж за тобой бы следом подошел я со штурмовой группой.

– У меня же нет способа им посигналить, чтобы попросить о свиданке с мужем, – озабоченно напомнила Марина. – Слушай, а можно здесь слух распустить, что, мол, приехала жена похищенного чиновника, ищет возможность связаться с похитителями?

– Можно, – сказал Костя, – но вот лично я бы на такое не купился. Рассуждай логически. Вот, к примеру, я похититель. О чем мне с тобой разговаривать? Слушать твои причитания? Я лучше тупо подожду денег.

Они замолчали. И вдруг Марина вспомнила свой недавний то ли сон, то ли грезу о прошлой работе.

– Слушай, – сказала она, – а что, если в Зону приедет съемочная группа телевизионного канала? И предложит денег за интервью с похитителями на фоне пленника? Помнишь, похититель сам сказал, что известность им не помешает?

– Ты намекаешь, что мы с тобой изобразим эту самую съемочную группу? – удивился Костя.

– Ну да, – уверенно сказала Марина. – И тогда тебе останется придумать, как оставлять следы там, где мы пройдем с бандитами к заложнику. А по этим следам за нами уже будет двигаться та штурмовая группа, о которой ты говорил.

– Хм… Это вариант, конечно, – протянул Костя. – Но слишком уж неожиданный. И слабых мест многовато. Надо же распустить слух так, чтобы люди сразу поверили, что мы с тобой телевизионщики, а не переодетые сыщики. Да и знают меня здесь многие. А тебя видели в баре.

– А мы тебя побреем, причешем, в нормальную одежду нарядим. Да и кто обращает внимание на оператора? Что касается меня, то я же не говорила никому, кто я такая. Журналистка уже здесь – что такого?

– Ну, так-то – да, – согласился Костя. – В принципе можно. Значит, распускаем слух, говорим, что съемочная группа находится в гостинице, покупаем видеокамеру и ждем, пока к тебе кто-нибудь обратится? Не могу сказать, что этот план безупречен.

– А еще я только что придумала, как нам правильно распространить информацию, – сказала Марина. – Но уж это точно подождет до утра.

5

Утром Марина затребовала в номер завтрак на двоих, ножницы, машинку для бритья и станок.

– Интересный набор, – сказал Костя, крутясь перед зеркалом и разглядывая синяки на боках и спине, и осторожно трогая пальцем слипшиеся от крови волосы на виске. – Как же мне повезло надеть броник на прогулку. А ухо болит, зараза.

На ухе красовался пластырь телесного цвета, но кожа вокруг все равно выглядела устрашающе.

– Маскирующий набор, – сказала Марина, критически разглядывая бороду и неопрятную прическу напарника. – Ладно, садись. Будем из бомжа-сталкера нормального такого оператора делать.

К тому времени, когда принесли еду, Костя уже был коротко пострижен и гладко выбрит, разительным образом отличаясь от того человека, с которым Марина встретилась накануне. Пока он принимал душ, Марина попросила у горничной подобрать какую-нибудь чистую одежду взамен той, в которой сталкер накануне совершал ночной заплыв.

Они сидели за столом у окна, завтракали и думали каждый о своем. Костя, облаченный в широченную футболку не по размеру и спортивные штаны, по привычке проводил время от времени рукой по гладкому подбородку, удивленно отдергивал руку и, смущенно улыбаясь, поглядывал на Марину.

– Словно лет пятнадцать вместе с этой бородой сбросил, – сказал он, допивая кофе.

– А то, – сказала Марина. – Процент волосатости ты, конечно, потерял, но молодость украшает мужчин нисколько не хуже, чем свирепый нрав и устрашающий вид. Ну что, пора браться за дело?

– С чего начнем? – бодро спросил Костя.

– А вот с чего. – Марина вытащила смартфон и быстро набрала номер. – Але, Виталик? Привет, – сказала она совершенно расслабленным голосом, словно сидела не в номере дешевого отеля, а на берегу теплого моря. – Не узнал, что ли? Ха-ха, спасибо, буду

считать за комплимент. Все нормально у меня. Ты же знаешь, я все равно ничего другого не скажу. Слушай, такое дело, помощь твоя нужна. Нет, с деньгами порядок. Мне надо, чтобы ты нас с Костей снова объявил съемочной группой своего канала. Кто сошел с ума? Костя, ну-ка скажи нашему бывшему работодателю, что с моей головой все в порядке.

Марина протянула смартфон Косте и тот послушно сказал:

– Здравствуйте, Виталий… э-э-э, извините, не помню, как вас по отчеству. Марина совершенно здорова, просто у нас так сложились обстоятельства, что это жизненно необходимо.

– Дай сюда, – сказала Марина, забирая смартфон. – Не позорь своим косноязычием ремесло репортера. Короче, Виталя, не будь козлом, надо позарез. Ну ладно, ладно, не обижайся. Правда надо.

Она замолчала, слушая длинную тираду далекого собеседника, потом довольно улыбнулась и подмигнула Косте.

– Спасибо, дорогой, очень выручил. Объявить надо в прайм-тайм, сегодня вечером, и лучше, если ты это сделаешь сам. Только тебе верю, а то больше никого толкового и не осталось, как мы с Костей ушли. Нет, не завидую, что ты! Пытаюсь сделать тебе комплимент. Так вот, надо чтобы во время объявления шли слайды, где мы с Костей делаем разные репортажи. Ну, помнишь, делали набор промофотографий? Вот, его можно. Должно быть понятно, что мы с Костей такая съемочная бригада без подмеса. Ага. Знала, что ты все поймешь, умница. А сказать надо… Да-да, бери ручку и записывай!

Закончив говорить и бросив смартфон в сумочку, Марина несколько минут смотрела в окно, потом вздохнула и сказала:

– Теперь, пункт номер два. Мне нужна одежда для тебя и видеокамера. Сиди здесь и никуда не высовывайся. Я сейчас сниму с тебя мерку и пойду по местным лавкам. Нечего тебе лишний раз с таким ухом привлекать к себе внимания.

После ухода Марины Костя снова подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. Он уже и забыл, как выглядел когда-то без бороды и с короткой стрижкой. Молодой человек с темной блямбой, торчащей из-под пластыря на ухе, ни капли не походил на сталкера Опера, убитого вчера вечером неизвестными и утонувшего в небольшой местной луже, которую приезжие иногда и по недоразумению называли озером.

Самое же смешное заключалось в том, что, брось он сейчас Марину и попробуй сбежать из города, любая случайная проверка документов отразиться в милицейской базе. И может однажды всплыть там, где не надо. А вот если он уйдет в Зону и уже оттуда постарается выйти где-то в другом месте, про «кровника» можно будет забыть окончательно.

– Как все странно получается, – с кривой усмешкой сказал Костя своему отражению. – Словно и выбора у меня никакого нет…

С печальным хлопком перегорела лампочка в ванной. Костя вздрогнул, поежился и решил на всякий случай лечь спать. А когда через несколько часов проснулся, то обнаружил, что Марина уже вернулась и кружит по комнате, раскладывая пакеты и свертки. Следом за напарницей в номер ввалился один из охранников гостиницы, поставил на пол две тяжелые коробки, получил купюру и удалился, провожаемый очаровательной улыбкой.

– Смотри, чего я нам с тобой накупила, – похвасталась Марина, вытаскивая джинсы, тонкие свитера, куртки и открывая коробку с обувью.

– Вижу, у Топора не было проблем с подбором одежды, – неловко пошутил Костя, глядя на все это разнообразие.

Марина мгновенно помрачнела и уставилась в сторону. Костя мысленно обозвал себя бесчувственным болваном: напарнице и так было тяжело, но стоило ей отвлечься от печальных мыслей, как он снова напомнил о них самым безжалостным образом.

– Извини, – сказал он, присаживаясь рядом и кладя руку ей на плечо. – Я не хотел…

– Да я понимаю, – грустно сказала Марина. – Просто все время думаю: как он там? Что с ним?

– Да все будет нормально, – нарочито бодрым голосом сказал Костя. – Они же денег ждут. Значит, ничего пока предпринимать не будут.

Марина с усмешкой посмотрела на него и сказала:

– С логикой у тебя, конечно, напряженка, но спасибо за поддержку… Ладно, давай обновки смотреть и превращать тебя из бродяги в работника камеры и микрофона.

Вся купленная одежда пришлась Косте впору. Он с удовольствием покрутился перед зеркалом и удовлетворенно заявил:

– Хоть сейчас в любой ночной клуб.

– А это идея, – отозвалась Марина. – Не про клуб, конечно. А вот погулять будет нелишним. Чтобы вещички пылью немного покрылись, а то видно, что прямиком из магазина. Да и перед местными помаячим. А вот это тебе для маскировки.

Она распечатала одну из коробок и вытащила оттуда большие наушники.

– Будешь у нас меломаном, – сказала она, аккуратно пристраивая большие амбушюры у Кости на голове.

– Класс! – только и смог сказать он, разглядывая отражение модного молодого человека, не расстающегося с любимыми наушниками ни на минуту.

– Сейчас я приведу себя в порядок, поменяю кое-что в имидже и можем выдвигаться. Заодно и камеру тебе поищем.

Правда, найти в маленьком городке профессиональную камеру им не удалось, а на доставку под заказ требовалось не менее трех дней. Посмотрев же те бытовые модели, что продавались в местных магазинчиках, Костя заявил, что более правдоподобно будет изображать оператора с помощью черной коробки из-под обуви.

Марина очень внимательно на него посмотрела и принялась куда-то названивать.

– Будет тебе камера ближе к вечеру, – сказала она со смешком. – Качественной картинки и звука не обещаю, но выглядеть будет лучше, чем коробка.

Потом Костя позвонил человеку, с которым договаривался накануне о силовой поддержке. Объяснил, что сумел спастись, но сразу же потребовал, чтобы информация об этом никуда не расходилась. А потом попросил еще об одной маленькой услуге. Надо было, чтобы все бары вечером в одно и то же время смотрели по телевизору один канал.

Тринадцатый.

Ближе к вечеру, когда уставший Костя лежал на диване в номере и прислушивался к пульсированию крови в голове, в дверь громко постучали.

– Костя, открой, это камеру, наверное, привезли! – крикнула Марина из ванной.

За дверью обнаружился неприятный тип в мятой клетчатой рубахе и неопрятных штанах на матерчатых лямках. Тип неприятно ухмылялся, но держал в руках самую настоящую камеру. Во всяком случае, так Косте казалось первые три секунды. Потом опытный взор заметил странности, при ближайшем рассмотрении превратившиеся в нелепости.

– Здрасте, – сказал тип, неприятно помаргивая жабьими глазами. – Камеру заказывали?

– Камеру заказывали, – твердо сказал Костя. – Но это не камера.

– Как это не камера? – обиделся тип. – Вы что, не видите?

– Костя, забирай, – сказала Марина из комнаты. – Это муляж из цирковой студии.

– У нас что, цирковая студия здесь есть? – изумился Костя.

– Не у вас, – поправил тип, – а в более культурных населенных пунктах. Я, между прочим, восемьдесят километров проехал.

– Мы все оплатим, – сказала Марина, появляясь за спиной Кости и протягивая типу деньги.

– Вот это уважаемое дело, – сразу подобрел тот. А когда Марина ушла вглубь номера, заговорщицки наклонился к Косте и сказал: – А вот тут, гля, в середке потайной лючок есть. В нем удобно чекушку держать. Смотри.

Он что-то нажал, панель в боковой части камеры открылась и там действительно обнаружилась стеклянная бутылка-фляжка с коньяком.

– Камера ваша, а этот реквизит, извини, не продаю, – сказал тип, вытащил бутылку и только после этого отдал камеру Косте.

– Классная штука, – одобрил Костя. – Сам придумал?

– Сам, – гордо сказал тип. – А то пока представление закончится, никакого терпежу не хватит дождаться пятьдесят грамм…

* * *

Вечером Марина и Костя спустились в маленький бар, расположенный на первом этаже гостиницы. Здесь почти не было посетителей, но зато был большой телевизор, который Марина тут же попросила переключить на тринадцатый канал.

Директор канала появился в кадре перед самым показом какого-то фильма. И начал говорить. Через несколько секунд Костя понял, что директор тринадцатого не ограничился текстом, что надиктовала ему по телефону Марина. Причем отсебятину он нес столь красочно и

вдохновенно, что скоро Костя сидел красный от смущения, как в раннем детстве. По словам директора тринадцатого канала, он отправил чуть ли не в логово к фашистам свою лучшую команду мегапрофессионалов. Эпитетами, которых в изобилии удостоились и Марина, и Костя, можно было смело покрывать любой надгробный памятник самого выдающегося человека на планете.

Минут через пять бармен во все глаза смотрел на Марину и Костю, а в телевизоре уже вовсю мелькали кадры, где отважная съемочная группа пробивалась сквозь все преграды и брала любые препятствия без разбега, лишь бы доставить новости своим зрителям. Пояснив в конце своей речи, что отважные профессионалы из тринадцатого поехали в призонный город, чтобы попытаться взять интервью у повстанцев, похитивших важного чиновника, директор не без самолюбования раскланялся и уступил место американскому фильму.

Повернув голову, Костя обнаружил, что у входа в бар собрался почти весь персонал гостиницы. Впереди всех стоял хозяин с маленьким телевизором в руке и, открыв рот, пялился на Марину.

– Мда, – сказала та. – Отжег Виталя так, что нас теперь в Зону на руках понесут.

Не прошло и двух часов, как телефон в номере зазвонил и уверенный мужской голос сказал поднявшей трубку Марине:

– Мы те, кого вы ищете. Если вы еще не передумали, запоминайте наши условия. Мы готовы дать интервью и показать пленника завтра утром…

6

В тишине раннего утра спецбаза при институте изучения аномальных явлений могла показаться примером незыблемости и спокойствия. Ее тяжелые двухэтажные корпуса, выложенные из массивных бетонных блоков и кирпича, пулеметные вышки, нескончаемые ряды колючей проволоки, ангары, склады и бесчисленные вентиляционные трубы, намекающие на обилие подземных помещений, на первый взгляд могли выдержать не просто всплеск аномальной активности Зоны, но и ядерную войну, причем находясь в самом ее эпицентре. Казалось, что эту базу, расположенную в непосредственной близости от Периметра, не сможет потревожить даже танковая армия.

Тем удивительнее показались охране гулкие удары, идущие откуда-то изнутри тюремного блока, и громкие крики, по всей видимости, одного из заключенных. От этого шума проснулся даже дежурный надзиратель блока, а уж часовые на вышках и подавно подняли тревогу: доложили в караульное помещение о нештатной ситуации на территории базы, включили дополнительные прожектора и приготовились стрелять на поражение.

– Ну чиво, чиво расшумелся? – недовольно ворчал старый надзиратель, тревожно прислушиваясь к доносящимся с улицы звукам. – Вон, аж караул поднялся по тревоге. Да прекрати же ты стучать, профессор!

Он остановился перед тяжелой дверью единственной занятой сейчас тюремной камеры, в которую изнутри методично долбили чем-то тяжелым.

– Ну хватит уже, – спокойно, но громко сказал надзиратель. – Чем больше стучишь, тем дольше будешь сидеть в карцере. Феоктист Борисыч, ты меня слышишь, нет?

– Я наконец все понял! – заорал из-за двери тот, кого надзиратель назвал Феоктистом Борисовичем. – Во всем виновата ошибка в расчетах! Мне срочно нужен любой начальник! Зовите командира базы!

Звоните директору института! Информация сверхсрочной важности!

– Да ты што, совсем с ума сошел? – удивился надзиратель. – Время – пять утра. Все начальство спит еще. И долго еще спать будет. И тебе советую лечь и подремать. А после завтрака – поговорим.

– Да ты что, не понимаешь, тупая башка?! – закричал Феоктист Борисович. – Речь идет о вещах колоссальной важности! Каждый час промедления увеличивает объем энтропийных явлений! Впереди катастрофа!

– Профессор Ломакин, – строго сказал надзиратель, – если не перестанешь буянить, я тебя поутру лишу пирожка на завтрак! Или вообще – чай без сахара налью!

– Что за бревно! – буквально взвыл за дверью Ломакин. – Слушай, ну один звонок моему знакомому можешь сделать? Не начальнику, просто хорошему человеку! Ну, пожалуйста!

– Ну, если потом обещаешь не шуметь, – с некоторым сомнением в голосе протянул надзиратель, оглядываясь на свою каморку, где раздавались тревожные трели внутреннего телефона.

– Не обещаю! Клянусь! Сразу замолчу! – крикнул Ломакин. – Смотри, в моем списке дозволенных абонентов телефон под номером два. Господин Кудыкин. Звони немедленно. Скажи ему следующее: «Ломакин знает, что происходит в Зоне. Ломакин знает, как это исправить». Запомнил?

– Запомнил, – буркнул надзиратель. – Ложись спать.

– Нет, я буду ждать результатов, – сказал Ломакин. – Непременно вернись и скажи, чего он скажет!

– Ладно, – буркнул надзиратель и порысил к разрывающемуся от возмущения телефону.

Успокоив дежурного по базе и начальника караула, надзиратель открыл тетрадку с телефонами, нашел нужный номер и, подслеповато щурясь, принялся нажимать кнопки на телефоне.

Через пять минут он, порядком испуганный, прибежал к двери камеры и принялся выговаривать своему заключенному:

– Ты что? Ты зачем сказал, что это простой человек? Это же целый полковник! Я разбудил полковника Кудыкина!

– Что он сказал?! – нетерпеливо закричал Ломакин.

– Известно что! – возмущенно закричал в ответ надзиратель. – Рассердился, что его разбудили, и сказал, что скоро приедет. Не иначе, чтобы по шее мне надавать. Ох и нагорит мне из-за тебя! Чтоб я еще раз доброе дело сделал!

– Спокойной ночи! – с облегчением сказал Ломакин, а следом заскрипела панцирной сеткой койка.

Через три часа к базе подъехал военный «уазик». Заключенного Ломакина начальство потребовало отвести в кабинет командира базы. И обратно в свою камеру, к огорчению надзирателя, он уже не вернулся.

7

– Здравствуйте, Феоктист Борисович, – сдержанно сказал полковник Кудыкин, поднимаясь из кресла навстречу Ломакину.

Облаченный в новую камуфляжную форму, перетянутый портупеей, полковник смотрелся, как и год назад, практически безупречно. На резко очерченном, словно высеченном из камня лице застыло вежливое выражение, по которому было нелегко догадаться об истинных чувствах его владельца.

В кабинете командира базы, помимо самого хозяина кабинета и Кудыкина, расположились двое гражданских. Все они с любопытством смотрели на прибывшего под конвоем заключенного.

В отличие от Кудыкина, Ломакин здорово похудел и постарел, но задорный блеск в его глазах, казалось, стал только ярче.

– Здравствуйте, полковник. Здравствуйте, господа, – раскланялся Ломакин. – Вы позволите мне присесть? А то все сижу да сижу, а присесть давно никто не предлагал.

– Конечно, профессор, – вежливо улыбнулся полковник, жестом предлагая Ломакину занять большое мягкое кресло рядом с журнальным столиком.

– Я не профессор, сколько раз вам говорить, – рассеянно сказал Ломакин, оглядываясь по сторонам. – Давным-давно не занимаюсь профессорской деятельностью. А вы позволите немного коньячку? Вижу, вон стоит в шкафчике.

– Вы большой ученый, Феоктист Борисович, – все также сдержанно сказал Кудыкин, – поэтому все и привыкли звать вас профессором. Правда, раньше вы, кажется, не злоупотребляли алкоголем…

– А я и сейчас не злоупотребляю, – сказал Ломакин, подошел к шкафчику и вытащил из него бутылку.

Внимательно изучив этикетку, он вдруг, словно опомнившись, повернулся к хозяину кабинета и, потрясая бутылкой, выразительно спросил:

– Вы позволите?

– Балуешь ты моего зэка, Кудыкин, – с ухмылкой сказал командир базы, но возражать не стал.

Все терпеливо ждали, пока человек в униформе заключенного нальет себе в бокал коньяк, блаженно принюхается, развалится в кресле и с наслаждением пригубит ароматный напиток. Все понимали, что раз Кудыкин не постеснялся их собрать в такое время здесь, речь идет о чем-то слишком важном, чтобы на фоне этого нагловатая выходка ученого имела хоть какое-то значение.

Наконец Ломакин довольно улыбнулся, огладил рукой скромную бородку и, отставив бокал в сторону, сказал:

– Благодарю вас, господа, что не проявляете нетерпения. Это говорит о том, что здесь собрались ответственные люди. Понимающие, что серьезное дело не терпит суеты. Как вы, наверное, знаете, я не бросил научную работу после того, как меня посадили за решетку. Более того, не имел права ее бросить после всего случившегося.

В полной тишине Ломакин обвел всех присутствующих торжественным взглядом.

– Сегодня ночью я закончил свои расчеты. И могу вам сказать, что теперь прекрасно понимаю, к чему привело включение моей установки на борту бронепоезда почти год назад.

– Это мы и сами знаем, – поморщился Кудыкин. – Что дальше?

– О, я не собирался мериться с вами осведомленностью, полковник, – усмехнулся Ломакин. – Но для того, чтобы вы мне поверили, я должен продемонстрировать, что расчеты мои верны. Итак, я не получал никакой информации о происходящем в Зоне. Врать не буду, слухи до меня иногда доходят, но они порождены чудовищно необразованным сбродом, которой просто не понимает сути происходящего.

– А вы, значит, понимаете? – спросил один из гражданских.

– Да, – просто сказал Ломакин. – Я прекрасно знаю, что происходит, не имея источников информации за пределами этой тюрьмы. И сейчас вам это докажу.

И он рассказал. В чем-то Ломакин, конечно, ошибался, но в целом ситуация, описанная им, выглядела абсолютно достоверно, словно на зэка-ученого работал целый штат осведомителей.

Уже год в Зоне происходили странные вещи. Даже по меркам Зоны.

Участились пропажи целых групп сталкеров. Нельзя сказать, чтобы такого не происходило раньше, но теперь люди исчезали без малейшего следа и все разом. Стали появляться новые разновидности мутантов, хотя и года не прошло, как ученые защитили ряд докторских диссертаций, в которых убедительно доказывалось, что скоростные мутации в Зоне прошли некий рубеж, за которым живые организмы полностью адаптировались к местным условиям и перестали изменяться. Но что самое удивительное, стали пропадать целые скопления аномалий. И появляться в самых неожиданных местах. Собственно, именно на этот эффект пока и списывали все пропавшие группы сталкеров.

– Я уверен, – сказал Ломакин, – что Зона начала переход в нестабильное состояние. И с каждым днем нестабильность только нарастает. До точки невозврата осталось не больше месяца. Может быть, меньше. Запросто может оказаться, что эта точка уже пройдена. А уж чем это все закончится, я даже сказать не возьмусь.

– Вы не сказали главного, профессор. – Кудыкин потер виски. – Я верю, что вы все верно рассчитали. Сразу поверил, как только мне позвонил этот ваш надзиратель. Ситуация выходит из-под контроля, и все, что бы мы ни делали, оказывается бесполезным. Что нужно предпринять, чтобы остановить этот процесс?

– Все очень просто, – с торжеством в голосе сказал Ломакин. – Запустить мою установку снова. В том же месте. Но с другими параметрами.

Несколько минут все молчали, пытаясь осознать услышанное. Потом один из гражданских сказал:

– Это невозможно.

– Вы что, демонтировали с бронепоезда мою установку? – испуганно спросил Ломакин.

– Нет, установка на месте, – быстро ответил Кудыкин, бросая настороженный взгляд в сторону гражданских. – Тут вроде как политический больше вопрос. Не техника. Политика.

– Как политика? – удивился Ломакин. – Вы что, с ума сошли? Зона идет вразнос. Еще две-три недели, и вам придется проводить массовую эвакуацию населения с огромных территорий. Просто потому, что целые гектары земли со всеми постройками будут исчезать в одном месте и появляться в другом. Вы можете представить, к чему

приведет появление городского квартала со спящими жителями прямо посреди Зоны?

Гражданские переглянулись.

– В качестве альтернативы я предлагаю вам короткое путешествие по старому, хорошо известному маршруту, короткое включение моей установки и скорейшее возвращение обратно, – авторитетно сказал Ломакин. – За пару часов со всей этой угрозой управимся!

– А если вы просчитались? Если не поможет ваша установка? – спросил один из гражданских.

– Тогда мы ничего не теряем, – пожал плечами Ломакин. – Повернуть процесс вспять моя установка еще может, а ускорить текущий – нет. Он и так идет на максимально возможной скорости.

Гражданские вновь переглянулись, после чего один из них сказал:

– Нам необходимо посовещаться и проинформировать руководство страны.

– Могу предложить вам соседний кабинет, – сказал командир базы, поднимаясь со своего места. – Там у нас раньше «секретчик» сидел, пока ему отдельное здание не построили.

Через минуту в кабинете остались только он и Ломакин.

Профессор залпом допил остатки коньяка в бокале и потянулся за бутылкой.

– Признаюсь честно, – сказал Кудыкин, – что испытываю смешанные чувства от встречи с вами. С одной стороны, я рад вас видеть. Кроме того, всегда был уверен, что вы сможете закрыть тот ящик Пандоры, который сами же и открыли. С другой – вы для меня по-прежнему убийца и беспринципный любитель проводить эксперименты за счет чужих жизней.

– Полковник, голубчик, – сказал Ломакин уже слегка пьяным голосом. – Я бы и рад быть только хорошим и всем нравиться. Но у меня это никогда не получалось, извините. Более того, сейчас я вам дам еще больше поводов меня невзлюбить. Поскольку планирую сам принять участие в новой экспедиции, чтобы самостоятельно взнуздать и вернуть в стойло Зону.

Несколько секунд Кудыкин обдумывал слова Ломакина, а затем сказал:

– Не вижу причин, почему бы мне вам отказывать в таком вопросе. Лучше вас все равно никто с установкой этой не справится.

Съездим, запустим вашу установку, вернемся обратно и будете досиживать срок.

– Признаться, я рассчитывал на некоторое смягчение приговора, если все пройдет удачно, – вкрадчиво сказал Ломакин.

– Вы убили человека, профессор. Подобные поступки обычно наказываются тюремным сроком. Тот факт, что вы исправите собственные ошибки в чудовищном эксперименте, лишь смягчит вашу вину по отдельному делу, которое все еще расследуется.

– Я готов остаться на этой базе, – предложил Ломакин, – которая мало чем отличается от моей камеры. Просто потребую свободного перемещения и небольшую лабораторию. С точки зрения закона все условия будут соблюдены – я буду изолирован и лишен свободы.

– Давайте сперва дождемся решения по вашему предложению, – сказал Кудыкин, – а уже потом станем торговаться. Хотя с вашей стороны подобный торг как минимум неуместен.

– Повторюсь: я не рупь, чтобы всем нравиться, полковник, – уже совсем пьяным голосом сказал Ломакин, успевший допить еще одну порцию коньяка. – Что же касается убийства этого несчастного сержанта, то вы сами прекрасно знаете, что я выстрелил рефлекторно, когда он бросился на меня. Я не желал его смерти, это профессор Версоцкий заставил его кинуться на меня с помощью своего слюнявого мутанта-телепата.

– Версоцкий получил свое наказание сполна, – чуть резче, чем хотел, ответил Кудыкин. – Его, как и Зюзю, закрыли в спецкарантине, расположенном в подземном бункере еще одного филиала института. И он оттуда уже точно никогда не выйдет. Поэтому, может быть, и к лучшему, что он сошел с ума и не осознает происходящего.

– Кто в подземном бункере? – пьяно удивился Ломакин. – Вы что-то путаете, полковник. Я его вот только видел. В окошке соседнего корпуса. Он там, конечно, в смирительной рубахе был, но ни в каком не подземном бункере.

– Это невозможно, профессор, – мягко сказал Кудыкин. – Версоцкий и Зюзя признаны людьми с критическими мутациями в области телепатии. Они слишком опасны, чтобы их выпустили из подземного бункера А-Двенадцать. У охраны есть приказ стрелять на поражение при малейшей попытке любого из тамошних обитателей

выйти за пределы первого контура защиты. А этих контуров там – пять штук.

Дверь открылась, и в кабинет вошел сперва командир базы, а следом и двое гражданских.

– Полковник Кудыкин, – провозгласил один из них. – Под вашу ответственность правительство готово на те шаги, что предложил господин Ломакин. Вы готовы лично отвечать за ход операции и все риски, которые с ней связаны?

– Я готов, – сказал Кудыкин, поднимаясь со своего места. – Но мне нужны полномочия.

– Мы дадим вам полный карт-бланш на любые действия, – заверил один из гражданских.

– Тогда я намерен прямо сейчас забрать отсюда профессора Ломакина, поскольку он будет принимать участие в новой экспедиции.

– Как решите, полковник, – сказал гражданский. – Командир базы здесь, сейчас все формальности и уладим. Так что можете забирать своего зэка прямо сейчас. А что это с ним, кстати?

Все посмотрели на Ломакина. Захмелевший профессор мирно дремал, устроившись в кресле, и слабо улыбался во сне.

8

В ночной тишине шаги охранника в коридоре звучали как навязчивый метроном. Биологический материал с длинным инвентарным номером, носивший в прошлой жизни фамилию Версоцкий, сидел, как обычно, в центре своей крошечной комнатки и, раскачиваясь из стороны в сторону, смотрел немигающим взглядом в центр двери. Вот шаги охранника раздались совсем рядом и стихли. Неприятно скрежетнула металлическая заслонка, прикрывающая глазок. Убедившись, что человек-растение продолжает свою бесконечную медитацию, охранник двинулся дальше по коридору.

Затуманенный взгляд сумасшедшего начал проясняться. Опустились и поднялись вновь тяжелые веки. Склонилась на грудь голова. С губ перестала сходить тягучая слюна. Человек глубоко вздохнул и медленно поднялся на ноги.

Если бы в этот момент биологи подземного бункера А-12 увидели своего пациента, они бы не поверили своим глазам. Ведь судя по всем данным профессор Версоцкий получил тяжелейшую ментальную травму, после которой его шансы вернуться к обычной человеческой жизни ненамного отличались от нуля.

Но биологи из подземного бункера, где почти год содержался бывший научный преступник, превратившийся в «растение» из-за собственного тщеславия и самонадеянности, не могли оценить метаморфозы своего подопечного, поскольку уже трое суток были мертвы. И около пяти часов как перестали двигаться, предварительно наглухо забаррикадировавшись в одной из лабораторий спецбазы.

– Зюзя, – тихо прошептал Версоцкий, скорее для того, чтобы услышать собственный голос, чем надеясь, что его подопечный сможет что-то услышать ушами.

Мысленный ответ пришел практически мгновенно. Версоцкий с облегчением перевел дыхание и прислушался. Шаги охранника удалялись. Минут двадцать можно было ни о чем не беспокоиться.

«Зюзя, – позвал он уже только мысленно. – Помнишь дядю с пистолетом, которого ты обыграл в поезде? Я, кажется, видел его недавно в окне напротив. Поищи его и попробуй к нему прислушаться.

Я очень хочу знать, что он здесь делает и почему выглядел таким радостным».

Уже через несколько минут Версоцкий глазами Ломакина вглядывался в торопливые строчки формул, избороздивших листок обычной клетчатой тетради. Несмотря на то что его собственные ментальные возможности тоже были достаточно велики, до телепатической мощи Зюзи ему все еще было достаточно далеко. Да и гораздо проще было воспользоваться умением Зюзи создавать каналы телепатического подключения между Версоцким и любым другим человеком.

– Гениально, – шептал Версоцкий, следя за математическими выкладками, которые Ломакин торопливо писал страницу за страницей, позабыв про сон. – Ах, Феоктист, как жаль, что ты не понял моего грандиозного замысла!

А когда под утро Ломакин сделал окончательный вывод и кинулся стучать в дверь тяжелым табуретом, Версоцкий, поддавшись чужой эйфории, чуть было не выдал себя, возбужденно вскочив на ноги, когда охранник подходил к его камере. По счастью, за последние месяцы Версоцкий научился быстро принимать позы, характерные для тела, необремененного рассудком. Поэтому охранник увидел лишь вставшего зачем-то психа, записал это мини-происшествие в специальный блокнот и пошел себе дальше по своим охранным делам.

А Версоцкий снова уселся на пол и благодаря посредничеству Зюзи видел глазами Ломакина и появление полковника Кудыкина, а ушами своего старинного коллеги-противника слышал весь разговор о новых планах отправить бронепоезд с научной установкой в Зону.

«Зюзя, это наш шанс, – мысленно сказал Версоцкий своему безвольному товарищу. – Оказывается, установку не разобрали. Более того, она скоро отбывает в Зону к тому самому месту. Воистину, если судьба существует, то она благоволит к нам с тобой сегодня. Ко мне утром придут делать укол первому. Больше не надо блокировать действия лекарства в моем организме. Ты просто обездвижишь санитара. А потом я приду за тобой, и мы попробуем отсюда сбежать».

Вскоре после отъезда полковника Кудыкина с бывшим заключенным Ломакиным и двумя гражданскими чинами командиру базы доложили, что в одной из лабораторий происходит что-то странное. Целая научная группа, прибывшая недавно из бункера А-12

с некоей секретной миссией, распоряжение о запуске работы над которой должно было прибыть только сегодня с фельдъегерской связью, закрылась в одной из наиболее защищенных комнат и перестала подавать признаки жизни.

Вскрыть помещение, построенное с максимальным уровнем защиты, сразу не удалось. Взрывать было опасно для находящихся внутри, да и слишком сильный взрыв мог бы повредить строения наверху. Командир базы с головой ушел в решение этой проблемы, а потому не сразу отреагировал на сообщение с КТП о том, что топливозаправщик базы ушел в обычный рейс раньше, чем должен был по расписанию.

А когда отреагировал, то не сразу понял, что речь идет о самом настоящем ЧП, и просто приказал по возвращении машины объявить водителю взыскание. Только вот к этому времени водителя не могло огорчить подобное наказание – он лежал, присыпанный хворостом, недалеко от собственной машины в глубоком овраге, а в его раскрытых глазах навсегда застыл бесконечный ужас.

9

Утро встретило Марину и Костю пронизывающим холодом и тяжелым липким туманом. Узкие кривые улочки, обставленные двухэтажными домами, подозрительно косились десятками облупленных окон на двух человек в легкомысленных коротких курточках, что неосмотрительно шагали прямо посреди дороги. Обычно здесь так никто не ходил. Даже туристы, проинструктированные бывалыми проводниками, выдвигались в свою первую ходку размеренно и чинно, даже несколько торжественно, стараясь двигаться вдоль стен и не открывать лицо. Но этим двоим, похоже, что писаные, что неписаные законы были нипочем.

Они пришли к назначенному месту на четверть часа раньше, но оказалось, что проводник уже ожидал их. Это был высокий худой человек в длинном темно-зеленом плаще из старой брезентовой ткани. Его небритое лицо выглядело так, словно человек накануне очень много выпил, но Костя знал, что ни один адекватный сталкер в Зону с похмелья не сунется.

– Я должен убедиться, что на вас нет «жучков» и что вы не прячете оружие, – сказал проводник унылым голосом. – Иначе не поведу.

– Пожалуйста, – спокойно сказала Марина, поднимая руки.

Бесцеремонно ощупав женщину, проводник тщательно проверил и Костю, а потом потребовал открыть кофр. Костя пожал плечами и вытащил камеру. Проводник заглянул в каждый карманчик кофра и лишь после этого успокоился.

– Теперь вижу, что вы настоящие телевизионщики, – сказал он с явным облегчением. – А то ходили слухи, что вы можете быть «мусорами».

– Что, даже я? – кокетливо спросила Марина.

Проводник смерил ее тяжелым сумрачным взглядом и пожал плечами:

– В ментовке бабы тоже служат…

– Что дальше? – спросил Костя. – Когда уже пойдем в Зону?

– Не торопись, – насмешливо сказал ему проводник. – Еще успеешь насмотреться на местную экзотику.

– Ничего, если я буду грызть вот эти шарики? – заметно нервничая, спросил Костя. – Волнуюсь что-то, а эти витаминки меня успокаивают.

Проводник презрительно посмотрел на избалованного городской жизнью оператора, протянул руку к пластиковой прозрачной коробочке, потряс ее, разглядывая, как прыгают желтые горошины внутри.

– Грызи, – сказал он как сплюнул. – Но больше никакой самодеятельности. Глубоко в Зону идти не придется, но наша база расположена в достаточно опасном месте. И если не будете слушать, что скажу – быстро копыта откинете. Меня называйте Колыч, а как вас звать – мне неинтересно. Что насчет денег, кстати? Предпочитаю получить на руки прямо сейчас.

– Э, нет, так не пойдет, – сразу же сказала Марина. – Откуда нам знать, что вы тут же не удерете с деньгами? Ведите нас на свою базу, показывайте чиновника. Там отдам треть суммы. Вторую треть я уже перечислила на указанный счет, как велел ваш человек вчера. А по возвращении выдам оставшуюся. Нам деньги зажимать смысла нет – они все равно не наши.

Колыч ничего не сказал – лишь зыркнул на Марину недовольным взглядом.

Потом они долго сидели в развалинах какого-то старого здания, ожидая, пока проедет армейский патруль. Колыч дремал, а Костя и Марина обменивались тревожными взглядами, и время от времени выбирались ненадолго за пределы здания, благо проводник не возражал. Ведь за ними на некотором расстоянии шел буквально по пятам небольшой, но хорошо подготовленный отряд из десятка опытных сталкеров. И теперь эти люди сидели неподалеку, ведя наблюдение за подающими успокаивающие сигналы Костей и Мариной.

Вскоре появился армейский грузовичок с опознавательными знаками подразделения охраны Периметра на борту. Из него вылезло несколько человек, походили для проформы по округе, не особо пытаясь даже имитировать осмотр подступов к стене Периметра, затем погрузились в кузов и поехали дальше.

Все это время Колыч и Марина с Костей лежали, распластавшись на старых битых кирпичах. Проводник яростными жестами запретил даже головы поднимать и лишь сам время от времени осторожно посматривал наружу через большую дыру в стене.

Еще немногим позже они совершили короткий марш-бросок к Периметру, ограждавшему Зону от остального мира, и под руководством Колыча быстро сделали подкоп под бетонной стеной. Вскоре все трое двинулись туда, где Костя бывал довольно часто, но теперь был вынужден изображать из себя новичка и ротозея.

Углубившись в лес на пару сотен метров, Колыч велел «господам телевизионщикам» ждать, а сам нырнул в подлесок и около получаса шарил зачем-то по кустам. За это время Костя и Марина успели два раза перекурить, причем, вопреки опасениям Кости, Колыч не обратил на резкий запах сигарет ни малейшего внимания. Вскоре проводник вышел, неся за спиной небольшой мешок. На плече у него висел автомат, а на груди – коробка мультидетектора аномалий.

Такая беспечность Костю удивила: получается, что Колыч только что на глазах у случайных попутчиков вытащил вещи из схрона. «Засветить» схрон перед чужаками мог только законченный дурак. Или? Правильно, человек, уверенный, что ведет за собой дураков-туристов, которые в жизни больше ни разу не сунуться в Зону.

– Ух ты, а что это за коробочка? – спросил Костя, с любопытством пялясь на мультидетектор.

Любопытство пришлось изображать со всем старанием, поскольку такое барахло ни Костя, ни те временные кланы, в которых он успел побывать, никогда не использовали.

– Это – определитель аномалий, – важно сказал Колыч. – Идите теперь строго за мной. Лучше вообще след в след. А то раз – и нет ноги!

Марина, наконец, тоже «вспомнила», что не имеет ни малейшего понятия о Зоне, аномалиях и сталкерах. Вот у нее восхищение на грани с обожанием и страх перед неведомыми аномалиями получались гораздо лучше.

– Ах, дорогой Колыч, главное, не оставляйте нас больше одних в этом страшном лесу! – затараторила она, подкрепляя свою речь просительными жестами. – Мы и так напугались до чертиков, когда вы ушли, а теперь еще все эти аномалии кругом!

– Не боись, – покровительственно сказал проводник и даже игриво шлепнул Марину пониже спины. – Со мной не пропадете. Только слушайте внимательно, если чего командовать стану.

Колыч сразу стал словно бы на голову выше и посматривал теперь на Костю с насмешливым превосходством. А тот отвечал ему почти раболепными взглядами, мысленно поражаясь, как легко Марина превратилась из обеспеченной и холеной жены большого чиновника в обычного репортера, умеющего работать «на земле» предельно эффективно.

Несмотря на явные признаки близости «ловушек», лес выглядел на удивление обычным. В этой части Зоны Костя еще не бывал и теперь удивлялся тому, как огромные сосны сумели приспособиться к жизни рядом с аномалиями. Разумеется, ни одно дерево не могло нормально расти рядом с «колотушкой» или «тянучкой», но там, где аномалий не было, деревья и кусты собирались в плотные «островки» вполне нормальной растительности. И чем дальше они шли, тем больше становилось таких вот «островков».

Глядя на плотную зелено-коричневую стену очередного «островка», Костя отчетливо осознал, что Марина оказалась права, решив добраться до логова бандитов под видом журналистов. Ведь спрятать в таком лесу можно было хоть целую дивизию. Плотные скопления деревьев и кустов не просматривались насквозь, а проверять каждое из них выглядело практически непосильной задачей. Поэтому, если Топора спрятали в одном из таких естественных убежищ, для его поисков потребовалась бы не одна сотня сталкеров. И то никаких гарантий успеха никто бы не дал.

Сейчас же один из бандитов сам вел их в свое логово.

А Костя время от времени «случайно» ронял «витаминки», каждая из которых содержала специфический радиоактивный изотоп. Теперь, имея на руках достаточно простой детектор, настроенный определенным образом, группа силовой поддержки могла идти следом, оставаясь незамеченной.

Колыч достаточно уверенно шагал впереди, явно двигаясь по этому маршруту не в первый раз. И то, как небрежно он посматривал на экранчик своего мультидетектора, нравилось Косте все меньше и меньше. Весь его сталкерский опыт буквально вопил, что такой проводник того и гляди сам угодит в ловушку, а заодно и утянет за

собой «клиентов». Но сделать замечание Колычу было просто немыслимым. Поэтому сталкер положил руку на плечо идущей перед ним Марины и придержал ее, давая Колычу отойти подальше. На вопросительный взгляд напарницы, Костя показал на проводника и покрутил пальцем у виска.

– Ну где вы там? – недовольно заворчал Колыч, оборачиваясь.

– Вы так быстро ходите, – заныла Марина, – что мы просто не успеваем. Да и устали уже.

– С чего уставать-то? – удивился Колыч. – Мы идем всего ничего.

Он с подозрением уставился на обоих, и Костя ощутил легкий страх, глядя, как шевельнулась рука проводника, придерживающая автомат.

– Вам хорошо, вы человек привычный, – жалобно сказала Марина.

С удивлением покачав головой, Колыч двинулся дальше, а Костя тихо шепнул Марине на ухо:

– Не перегибай. Как сталкер мужик фуфло, но со здравым смыслом у него все в порядке. Просто держись от него метрах в пяти позади.

Вскоре начали попадаться и самые настоящие аномалии. Заранее договорившись, как себя вести в такой ситуации, Марина и Костя остановились перед первой же «скакалкой» и с восхищением таращились на нее, пока Колыч не прикрикнул на них. Если у него были до этого какие-то сомнения, теперь они должны были полностью испариться – ведь не могли же сотрудники силовых структур под прикрытием вести себя настолько по-детски рядом с обычной аномалией. Во всяком случае, Косте хотелось в это верить.

Чем дальше они углублялись в Зону, тем медленнее двигался проводник. Наконец, он вытащил из кармана горсть рубленых гвоздей с привязанными к ним ленточками и принялся кидать их прямо перед собой. Будь воля Кости, он заставил бы Колыча дополнительно проверять ими тропу значительно раньше.

Бросив несколько таких меток, проводник двинулся вперед, даже не трудясь их собирать, чем снова удивил Костю. Судя по всему, «сталкерил» Колыч только рядом с Периметром, и, хоть все эти небрежности были Косте с Мариной только на руку, мысленно сталкер Опер был возмущен подобным разгильдяйством. И конечно, он не мог

спокойно пройти мимо гвоздиков с ленточками. Воровато посматривая на проводника, он принялся их подбирать и складывать в карман.

10

Очнулся Ломакин в знакомом интерьере штабного вагона бронепоезда, на котором ему уже доводилось неоднократно посещать Зону в недалеком прошлом. Он лежал на диване, а вагон, судя по коротким толчкам, перемещался по станционным путям маневровым тепловозом. Приподнявшись на локте, Ломакин осмотрелся, окончательно убедился, что ему не показалось, и с блаженной улыбкой растянулся на диване.

Лязгнула дверь тамбура, и в вагон вошел полковник Кудыкин.

– Ну что, проснулись, Феоктист Борисович? – спросил он, проходя мимо дивана к своему рабочему месту.

– Когда вы все успели сделать? – спросил Ломакин. – За несколько часов экспедицию невозможно собрать, уж я-то знаю. Или вы просто поместили меня в вагон как в передвижную тюрьму?

– Нет, рассиживаться некогда, – покачал головой Кудыкин. – Сейчас состав соберут, и через несколько часов уже будем в Зоне. Вон, на перроне строится усиленная рота охраны.

– Тогда повторю свой вопрос, – Ломакин сел на диване и пригладил рукой растрепанные волосы. – Неужели логистика и штабная работа за последний год развились до такого уровня, что вы можете подготовить экспедицию за считанные часы?

– Все гораздо проще, профессор, – сказал Кудыкин, открывая папку и начиная быстро перебирать лежащие в ней бумаги. – Мы собирались выезжать до того, как вы сообщили о своих расчетах. Поскольку в Зоне творятся вещи хоть и не сильно заметные, но по масштабу просто колоссальные. А ваши бывшие подчиненные обещали попробовать что-нибудь придумать для обуздания процесса… ну какой-то там осцилляции. В общем, новая экспедиция готовилась последние полтора месяца. А вы просто удачно успели на подножку уходящего поезда. Сотрудники ваши расширяли какую-то оснастку излучающего элемента, но больше ничего не трогали, насколько я знаю.

– Вот молодцы! – обрадовался Ломакин. – Могу ли я осмотреть установку немедленно?

Кудыкин оставил на столе бумаги, повернулся к Ломакину и несколько секунд неподвижно смотрел на него.

– Профессор, – сказал он наконец, – боюсь, что сразу недостаточно внятно объяснил вам ваш статус. Вы все еще заключенный, а не прежний свободный ученый Феоктист Борисович Ломакин. Поэтому ответ отрицательный. Вы не можете перемещаться по составу, когда и как вам вздумается. Но я разрешаю вам свободно перемещаться вот по этому вагону. Все равно мне одному слишком жирно такие площади иметь, а старшие вагонов, которые по новому штатному расписанию теперь все мои прямые заместители, обязаны находиться на своих местах.

– Забавно, – сказал Ломакин, задумчиво почесывая куцую бороду. – А как же мы узнаем, работает ли моя установка вообще?

– Ваши бывшие сотрудники ее второй месяц тестируют, – терпеливо сказал Кудыкин. – И докладывают, что все в порядке.

– Мои бывшие сотрудники понимают в ее работе ровно столько же, сколько вы, дорогой полковник, в тонкостях физических процессов горения пороха во время выстрела из пистолета, – парировал Ломакин.

– Но выстрелить-то я смогу и без этих знаний.

– А предсказать с точностью до сантиметра, как далеко пролетит пуля?

Озадаченный Кудыкин смотрел на Ломакина немигающим взглядом.

– В конце концов, чего вы боитесь, полковник? – спросил Ломакин, обезоруживающе улыбаясь. – Я все равно буду допущен к установке, верно? Что случится страшного, если я осмотрю ее сейчас?

– Вы убили человека, профессор, – напомнил Кудыкин. – И после этого я опасаюсь ваших неконтролируемых мною действий. Мы находимся в населенной местности, а ваша установка уже показала, что может оказывать на нее серьезное воздействие.

– Помилосердствуйте, полковник! – вскричал Ломакин. – Вы что же, из-за того несчастного случая уже сделали меня в своем представлении кровожадным негодяем? Я же вам все объяснил! Да вы и без моих пояснений должны понимать, что не хотел убивать я вашего сержанта!

– Дело не только в сержанте Козлове, хотя у него и осталась семья без отца, – голос Кудыкина перестал звучать вежливо и больше

походил на оглашение приговора. – Думаете, я забыл, кто стоял за нападением бандитов на поезд? Не только сержант Козлов – все, кто погиб в той экспедиции, на вашей и только на вашей совести.

– Послушайте, полковник, – с отчаянием в голосе сказал Ломакин. – Попробуйте поверить не только органам следствия и показаниям сталкера, что общался с главарем бандитов, с этим Хантером. Я действительно организовал, но не нападение, а имитацию нападения на поезд. Имитацию, понимаете? И нанимал не бандитов, а вольных сталкеров. Откуда же мне было знать, что мой заказ попадет к Хантеру, а он, в свою очередь, решит воспользоваться ситуацией, чтобы захватить бронепоезд?

Кудыкин с непроницаемым лицом разглядывал ладони.

– Ну поймите, полковник, я вовсе не хотел никаких неприятностей! – чуть ли не взмолился Ломакин. – Вы знаете, что такое мечта всей жизни? Я вел исследования много лет, а потом этот карьерист-мракобес Версоцкий буквально украл мою мечту у меня из-под носа. Но я не опустил руки и начал свои работы с нуля. И вот когда дело всей моей жизни было завершено, оказалось, что я не имею права рисковать бронепоездом и заезжать в Зону глубже, чем на несколько километров. Я все исследовал на обкатанном участке. Если бы там обнаружилась необходимая аномалия, я бы поставил свой эксперимент, и об этом никто бы даже и не узнал! Но нужные аномалии находились гораздо дальше, а начальство все не давало разрешения на более глубокую разведку. Вспомните, ведь вы тоже предлагали увеличить протяженность маршрута до двадцати километров.

Кудыкин упрямо молчал, видимо, не желая поддерживать этот разговор, а Ломакин расходился все сильнее, словно выплескивал все напряжение, накопившееся за год тюремного заключения.

– А теперь поставьте себя на мое место. Каждый день на протяжении многих месяцев я проезжал совсем рядом с целью всей моей жизни, но не мог, не имел права провести окончательный, все объясняющий эксперимент. Я сходил с ума от близости желанной цели, но она была от меня по-прежнему так же далека, как пять, десять лет назад. А потом я, наверное, просто сошел с ума. Нет, не подумайте, я не пытаюсь оправдать свои действия. Я был абсолютно вменяем, отдавал себе отчет в каждом своем поступке. Но вот оценивал я все это

совсем не так, как должен был. И ничто не казалось мне преступным, если оно вело к желанной цели. В таком состоянии я был готов, наверное, вообще на любые преступления, но сумел взять себя в руки и позволил себе только небольшое представление…

Дверь из тамбура открылась, и в штабной вагон вошел молодой подтянутый парень.

– Товарищ полковник, сержант Ложкин по вашему…

– Выйди, подожди за дверью, – махнул ему рукой Кудыкин и сержант послушно шагнул обратно в тамбур.

– Я нашел одного ловкого человека, и он пообещал все устроить, – сбавляя тон, сказал Ломакин. – Мне даже в голову не пришло, что он может быть связан с настоящими бандитами. Даром, что я почти всю жизнь провел рядом с Зоной, где таких типов просто пруд пруди. А Хантер – это вам не простая бандитская шавка. У этого человека отлично работает голова плюс огромное количество нереализованных амбиций. Мало кто рискнул бы даже представить себе такое – напасть на целый бронепоезд. А Хантер не только представил, но разработал целый план.

– А химия? Откуда у Хантера боевая химия? – поднимая голову, спросил Кудыкин.

– А откуда у меня боевая химия?! – буквально взвился Ломакин. – Почему мне упорно навязывают передачу бандитам этой химии? Я что, в химвойсках служу? Я обычный ученый, который провел последние годы своей жизни будучи одержимым идеей проверить гипотезы возможности существования темпоральных каналов. Или, если хотите, туннелей. Все должно было закончиться в течение двух часов. Мы бы проехали, испугавшись атаки бандитов, вызвали бы подмогу, а пока спецназ искал бы нас, я спокойно провел бы все свои эксперименты, после чего мы спокойно вернулись бы обратно. Ведь бандитов к тому времени там уже не должно было быть!

– Мы и так путешествовали всего два часа, – произнес с издевкой Кудыкин.

– Ах, полковник, – ответил Ломакин, – если бы вы знали, сколько бессонных ночей я провел, решая этот темпоральный ребус-парадокс. Но без дальнейших экспериментов я могу только гадать. У меня есть десяток гипотез, и поверьте, что мне тоже не по себе от мысли, что мы могли запросто встретить самих себя. Это отрезвило меня

окончательно. Я понимаю теперь, как глубоко заблуждался, как сильно был не прав.

– Я готов прямо сейчас допустить вас к установке, – немного помолчав, сказал Кудыкин, – но с одним условием. Вы ничего не будете трогать руками.

– Как вам будет угодно, полковник, – поднявшись, Ломакин сделал иронический полупоклон. – Ведь у вас есть пистолет, а у меня только мой ум.

– Надеюсь, вы не откажетесь отобедать со мной прежде, чем я допущу вас к вашей лаборатории? – спросил Кудыкин.

– Извините, полковник, для меня дело всегда превыше личных потребностей. И хоть в тюрьме меня не баловали разносолами, я бы предпочел как можно быстрее оказаться в своем вагоне-лаборатории.

– Хорошо, – сказал Кудыкин, беря в руки портативную рацию и нажимая тангенту. – Сержанта Ложкина ко мне.

– У меня будет собственный телохранитель? – иронично спросил Ломакин.

– Да, он будет защищать от вашего мирного гения людей на бронепоезде. Вас самого в том числе.

– Я всего лишь однократно включу систему, чтобы прекратить случайно запущенные в прошлом году процессы. И мы сразу уедем обратно. Если я ошибусь, то погибну вместе с вами. Зачем мне в таких условиях делать что-то еще, помимо необходимого?

– Вагон-лаборатория все равно еще не прицеплен.

Дверь из тамбура открылась, и молодой сержант снова вошел в вагон.

– Я поднимусь на обзорную площадку, – тут же сказал Ломакин. – Хочу посмотреть, как собирается состав, да и вообще – насладиться пусть и условной, но свободой.

– Не возражаю, – сказал Кудыкин и кивнул на узкую лесенку в дальнем углу.

– И теперь, раз вы понимаете, что я не более опасен, чем лабораторная мышь, – сказал Ломакин, делая первый шаг, – скажите сержанту Ложкину, что в его присмотре я не нуждаюсь.

– Нет, – спокойно ответил Кудыкин, снова погружаясь в какие-то бумаги.

Ломакин расплылся в улыбке.

– Ах полковник, полковник. Опять я попался на вашу вежливость. Решил было, что вы меня простили.

– Идите, профессор, – сказал полковник. – Вашу лабораторию уже, наверное, подгоняют к составу.

Покачав головой, Ломакин тяжело поднялся по лестнице и открыл потолочный люк.

Маленькая обзорная площадка на крыше штабного вагона позволяла оценить перемены, произошедшие со станцией за прошедшее время.

По обе стороны от путей выросло множество строений складского типа. Станция обзавелась собственным многорядным ограждением из колючей проволоки, с блокпостом и караульными вышками. Количество путей заметно прибавилось, а на них появилось множество самых разных вагонов, сделанных, очевидно, под разные задачи, но схожих явно бронированными бортами, узкими окнами с бронеставнями, бойницами и станками под пулеметы на обнесенных перилами крышах.

На перроне стояло подразделение солдат, и молодой капитан проверял у каждого оружие и снаряжение. В сером по-осеннему небе кружили птицы. Легкий порыв ветра разогнал тяжелый запах машинного масла и креозота, бросил в лицо мелкую дождевую пыль и помчался вдоль вагона, кружа над металлическими крышами одинокий желтый лист.

Ломакин вдохнул полной грудью чистый воздух, зажмурился на мгновение, но тут же, вспомнив, зачем он поднялся на обзорную площадку, принялся высматривать самый важный вагон.

Свою лабораторию он увидел почти сразу. Знакомый профиль, над созданием которого он и сам трудился вместе с конструкторами, медленно двигался по соседнему пути вслед за маневровым тепловозом. На крыше лаборатории добавились новые антенны, на боковых стенках появились какие-то пластины, несущие, очевидно, защитную функцию, но в остальном это была все та же самая восьмиосная лаборатория на колесах, позавидовать которой могли бы многие ученые на всех континентах.

11

По проселочной дороге в сторону маленькой военной станции медленно шагали два странных человека. Один, высокий и худой, облаченный в маленький бушлат явно не по размеру, мешковатые брюки и растоптанные в бесформенные ботинки, выглядел как жилец дома престарелых. Измученное худое лицо, седые спутанные волосы и шаркающая старческая походка выдавали в нем человека, немало пожившего и много повидавшего на своем веку. Второй, молодой парень, под серым рабочим халатом которого просматривалась белая майка, судя по отсутствующему выражению на пустом лице, был то ли пьян, то ли находился под действием наркотического дурмана.

Пока они брели вдалеке от станции, на них никто не обращал внимания. Но стоило часовому на вышке заметить, что двое гражданских направляются к режимному объекту, как навстречу странной парочке выехала караульная машина с «группой встречающих».

Тентованный грузовик остановился в десятке метров от Версоцкого. Из кабины неторопливо вылез офицер в звании старшего лейтенанта и ленивой походкой двинулся навстречу незваным гостям. Точно так же медленно и неторопливо из кузова выбрался солдат с автоматом за спиной, сонно огляделся по сторонам и нехотя потащился вслед за офицером.

На пыльной дороге ковыляющий старик с едва переставляющим ноги наркоманом и двое скучающих до зевоты военных выглядели одновременно дико и естественно.

– Ну и куда мы такие галопируем? – спросил старлей, с трудом подавляя зевок.

Версоцкий медленно поднял голову и посмотрел тяжелым взглядом на остановившегося в нескольких шагах офицера.

– Идем по своим делам, молодой человек, – с трудом разлепив губы, прохрипел он. – Надо же, говорить почти разучился.

– Забирай своего малахольного внучка, дедуля, – все так же лениво сказал старлей, – и проваливай, покуда цел. А то неровен час

залезешь под пулеметный огонь – отскребай вас потом от инженерных ограждений.

– Не гони нас, добрый человек, – просительно сказал Версоцкий. – Нам бы на поезд.

– Те поезда, что здесь ездят, – хохотнул лейтенант, – тебя старик в такое место завезут, где ты ни в жизнь пенсии не дождешься. Все, разговор окончен. Ты ошибся адресом, тебе совсем не сюда надо.

Солдат к этому моменту догнал офицера и встал у него за спиной.

– Это ты ошибаешься, – ласково ответил Версоцкий. – А мы пришли туда, куда нам надо.

Офицер хотел было что-то сказать, но в этот момент Зюзя словно впервые заметил его и заинтересованно уставился куда-то в район портупеи. Глаза старшего лейтенанта расширились, словно в безмолвном удивлении, руки безвольно опустились, а изо рта на подбородок потянулась тонкая нитка тягучей слюны.

– Ах ты мой хороший! – насмешливо сказал Версоцкий. – Ну-ка забирай нас в свою машину и вези разбираться в караульное помещение. А то уж больно мы подозрительные.

– Ну что встал? – резко оборачиваясь к ошеломленному солдату, сказал офицер. – Быстро подозреваемых в машину!

– А что это он такое странное сейчас говорил? – робко спросил солдат, тыча пальцем в Версоцкого. Тот с веселым изумлением приподнял бровь.

– Ты что, совсем охренел, рядовой?! – с неожиданной яростью взревел старший лейтенант. – Неисполнение приказа? На «губу» захотел?!

– Я… Товарищ старший лейтенант, я… – испуганно забубнил солдат.

– Исполнять!!! – заорал офицер.

В караульном помещении тоже все прошло как по маслу. Единственное, что беспокоило Версоцкого, прохаживающегося мимо строя застывших в оцепенении солдат, это необходимость смены караула. Обезвреживать всех подряд он не мог, чтобы не поднять раньше времени тревогу, а сил держать под контролем такое количество людей, да еще и в разных местах, у Зюзи могло и не хватить. Поэтому, после коротких раздумий, Версоцкий взял за негнущуюся руку начальника караула и, подведя к пульту связи,

надиктовал короткий текст. Вскоре потерявший способность к самостоятельному мышлению офицер звонил на посты и объяснял каждому часовому, что в силу непредвиденных обстоятельств замены им не будет до вечера, но они должно стойко выдержать это испытание.

Версоцкий дважды выходил во дворик караульного помещения и видел, как маневровый тепловоз принялся перетаскивать в одно место расположенные в разных местах станции знакомые бронированные вагоны. А на третий раз увидел на крыше одного из этих вагонов своего старого коллегу по работе, товарища, соперника и врага в одном лице, – Феоктиста Борисовича Ломакина. Глазами которого, благодаря телепатической мощи Зюзи, разглядывал накануне математические выкладки, а ушами – подслушивал разговор о новой экспедиции вместе с заветной установкой. Факт присутствия Ломакина на бронепоезде одновременно и разозлил, и успокоил Версоцкого. Ведь несмотря на то, что в данный момент Феоктист Борисович мог в любой момент распорядиться установкой по своему усмотрению, скоро все должно было измениться, и тогда…

Версоцкий вернулся в караульное помещение как раз вовремя, чтобы подсказать правильные ответы старшему лейтенанту, только что принявшему звонок из штаба части. Да, караул несет службу согласно уставу караульной службы и дополнительным инструкциям. Да, все в порядке. Нет, топливозаправщик не приезжал на вверенную территорию, и двух беглецов странного вида никто не видел. Есть задержать и доложить, если таковые появятся. Есть быть осторожными и применять оружие на поражение при первых признаках ментальной атаки. Так точно. Так точно. Служу Родине!

Судя по всему, твердая и уверенная речь офицера успокоила армейское начальство, и больше караул никто не тревожил. Поэтому, когда через несколько часов технические службы принялись лихорадочно загружать в почти сформированный состав бронепоезда провизию и боеприпасы, никто не обратил внимания на двух солдат, рысцой перебежавших от караульного помещения к зданию станции, а потом и к одному из бронированных вагонов.

В складском вагоне Версоцкий быстро разгреб груду мелких свертков на одном из стеллажей и буквально запихал туда Зюзю, сказав напоследок не только мысленно, но и голосом:

– Постарайся лежать неподвижно, чтобы тебя не заметили. А если кто-то заметит – пускай ему туман прямо между глаз. Хорошо?

Зюзя так активно закивал, словно пытался избавиться от головы. Потом неловко скрючился и полез на стеллаж. Версоцкий быстро завалил его лежащими рядом тюками с легкими бушлатами, припасенными явно «на всякий случай», и отправился искать место для себя.

До того момента, как они окажутся в Зоне, их не должны были обнаружить. Или все планы по восстановлению справедливого положения дел могли пойти насмарку.

12

Они все шли и шли вперед. Несколько раз проводник забирал то влево, то вправо, словно пытаясь запутать своих подопечных, но скорее следуя проложенному когда-то маршруту и боясь отойти от него даже на несколько метров, не говоря уже о том, чтобы «спрямить». В результате Костя перестал ориентироваться, в каком направлении они движутся, да и серое небо над головой, мелькающее среди верхушек деревьев, не способствовало удачному ориентированию на местности. Но радиоактивные метки-«витаминки» продолжали падать на землю, и поэтому было неважно, куда в итоге заведет их проводник.

К удивлению Кости, они так и не свернули ни к одному «островку» из деревьев, а вышли к большому открытому пространству, за которым вдалеке снова виднелся лес.

– Здесь у нас будет перекур, – объявил Колыч и первым уселся прямо на землю. – Дальше пойдем через целое поле аномалий. Будет трудно и страшно. Поэтому садитесь и тоже отдыхайте.

Костя в недоумении смотрел на зеленое пространство, которое им предстояло пересечь, и пытался обнаружить ту опасность, о которой с таким почтением говорил Колыч. Неожиданно проводник вытащил пачку сигарет и закурил. Костя в панике осмотрелся по сторонам. С тех пор как Топор вполне доходчиво объяснил им с Мариной, почему сталкеры не курят в Зоне, ему неоднократно доводилось убеждаться, как прав был его первый учитель. Но Колыча это, казалось, совсем не волновало. Он сидел перед огромным полем, заросшим высокой, по пояс человеку, травой, и совершенно не волновался, что на запах табака здесь может собраться немало самых разных мутантов, не испытывающих ни малейшего почтения ни перед человеком, ни перед автоматическим оружием. И при этом боялся пустякового перехода через поле, где каждую аномалию и без детектора прекрасно видно по кругам и полосам обугленной или выбитой травы. Хотя с выводами Костя не торопился, с каждой минутой становилось все очевиднее, что как сталкер Колыч не стоит практически ничего.

Марина стояла рядом и смотрела на далекий лес. Несмотря на то что выражение ее лица не изменилось, а сама она не сказала ни слова,

Костя понял, что напарница думает в этот момент о муже, которого, скорее всего, увидит уже совсем скоро. И которого придется каким-то образом вызволять. Команда силовой поддержки шла где-то позади, но сколько времени ей потребуется, чтобы выйти к базе похитителей? Переход через поле явно придуман не просто так. Будь Костя одним из тех, кто прятал свою стоянку, непременно посадил бы на другой стороне человека с биноклем. И тогда о внезапной атаке бандитов не может быть и речи.

Колыч повернул голову, посмотрел с удивлением на продолжающих стоять журналистов, изменился в лице и поднялся на ноги. По выражению его лица Костя читал мысли проводника как открытую книгу. Какие-то столичные хлыщи не стали отдыхать, когда сам проводник устроился на отдых. В этом Колыч усмотрел унижение своего достоинства. Как он умудрялся с таким набором комплексов до сих пор оставаться живым, понять было решительно невозможно. Костя мысленно пожал плечами, а вслух сказал:

– Долго еще идти? А то мы так устали, что даже садиться боимся. Вдруг потом не встанем?

Лицо Колыча разгладилось, и он самодовольно сказал:

– Не боись, уже недолго. Вот поле перейдем, еще маленько по лесу и, считай, пришли.

Правильно истолковав реплику Кости, Марина закатила глаза:

– Как же еще далекооо!

– Давай-давай, красавица. Журналиста, как и волка, ноги кормят. Только внимательно смотри, что я делаю. И слушайся моментально любой команды!

Колыч решительно потряс мультидетектор, словно проверяя, не отвалилось ли что-нибудь у него внутри, и медленно двинулся прямо к центру поля. Костя, с беспокойством уже присматривающийся к проводнику, придержал Марину, обошел ее и показал, чтобы она шла следом за ним. Он очень жалел, что у него нет при себе автомата и пары гранат, и надеялся лишь на одно: послав такого оболтуса за журналистами, похитители были уверены, что никакая живность здесь на них не нападет. Но как в чем-то можно будет уверенным, когда дело касается Зоны?

Колыч между тем вел себя самым идиотским образом. Он не смотрел по сторонам, не пытался выявить закономерности по участкам

земли, где не росла трава, и даже про гвозди свои с ленточками забыл. Вцепившись в мультидетектор, как подросток в джойстик от приставки, он шагал по прямой и лишь иногда останавливался, чтобы повернуть под прямым углом, пройти десятка два шагов и вернуться на прежний курс. На своих подопечных он даже не оглядывался. Костя с Мариной могли бы попасть в любую из десятка серьезных аномалий, которые они миновали, а Колыч узнал бы об этом, наверное, только на другом конце поля.

Но хуже всего оказалось идти за горе-проводником и смотреть на то, как он подолгу мнется перед самыми очевидными аномалиями, принимает неверные решения при обходе, а главное – продолжает сверлить глазами проклятый детектор. С каждым шагом Костя нервничал все сильнее, почти забыв, что сейчас гораздо важнее не выдать себя с потрохами.

Нервы сдали в тот момент, когда Колыч задумчиво поднял ногу, собираясь шагнуть прямиком в едва заметную «костеломку». Он все еще смотрел в свой детектор, когда Костя одним ловким движением подобрал и тут же бросил в аномалию ком сухой земли. Все так же стоя на одной ноге, Колыч с удивлением проводил глазами темный комок и через мгновение получил в лицо фонтан сухой земли от разрядившейся аномалии.

Несколько секунд он продолжал пялиться на то место, куда только что собирался поставить ногу, а потом медленно повернулся к Косте.

Это был полный и абсолютный провал. Положение надо было спасать немедленно и любой ценой. Еще не уверенный до конца, что Колыча не следует просто толкнуть в ближайшую «жуй-траву», Костя скривил лицо в жалобной гримасе и буквально взмолился:

– Простите меня, пожалуйста! Я просто хотел тоже попробовать, но вы бы мне точно не дали что-нибудь кинуть! А мне очень хотелось стать похожим на вас!

Колыч побагровел от злости, но в итоге лишь крепко выругался, помянув родню всех журналистов мира до седьмого колена. Потом несколько минут тщательно отряхивал одежду и, лишь приведя себя в порядок, неожиданно заорал на Костю:

– А ну, марш туда, куда я тебя поставил!

Марина с улыбкой проследовала на свое место, но, видимо, памятуя Костины намеки, близко к Колычу не подходила.

Пока проводник восстанавливал душевное равновесие и тщательно изучал показания мультидетектора, Костя спокойно осмотрелся по сторонам. Место, где они оказались, можно было запросто считать очень большой поляной в лесу, поскольку зеленые верхушки деревьев были видны теперь со всех сторон, хоть и находились на очень приличном расстоянии. Трава разных оттенков зеленого и бурого выглядела настолько густой, что формировала свой собственный рельеф, образующий небольшие «холмы», «плоскогорья» и «долины». Судя по всему, этот травяной «рельеф» не совпадал с настоящим рельефом, поэтому трава, сквозь заросли которой медленно пробирались люди, то не поднималась выше середины голени, то становилась выше пояса.

Несмотря на всю показную монолитность, трава все же прогибалась то ли под легкими порывами ветра, то ли под невидимыми всплесками силы тяжести из-за гравитационных аномалий, и тогда по склонам «холмов» бежали небольшие волны, создавая причудливую и даже сюрреалистическую картину. Над травой, усиливая ощущение нереальности происходящего, иногда поднималась синяя дымка и разряжалась в трескучих разрядах фиолетовых молний. А когда Костя обнаружил здоровый пень, весь покрытый мхом, и забрался на него, глазам открылась еще более фантастическая картина.

Выбитые и выжженные аномалиями в траве круги и овалы создавали неповторимый узор, словно на гигантском зеленом холсте кто-то пытался нарисовать желто-коричневой краской нечто сложное и непонятное. Вместе с травяными «холмами» и случайно вспыхивающими там и тут аномалиями «картина», испещренная таинственными символами, выглядела загадочно, страшно и притягательно. Несмотря на то что в Зону сталкер Опер ходил уже почти год, ничего подобного он раньше не видел. Тем удивительнее ему показалось, что такая неописуемая красота находится настолько близко от Периметра. Как могло случится, что на это место сталкеры не водили падких на красивую экзотику туристов?

– А ну слезь! – заорал не своим голосом Колыч.

Костя поспешно спрыгнул с пенька и в несколько прыжков догнал Марину.

– Я тебя сейчас обратно отправлю! – брызгая слюной, завопил Колыч, и неясно было, испугался ли он за журналиста, которого ему доверили привести, или просто отыгрывает роль бывалого сталкера, поучающего новичка.

– Я больше не буду! – испуганно вскрикнул Опер. – Просто здесь так красиво!

Колыч, яростно сверкая глазами, смотрел на Костю, вцепившись в свой мультидетектор. Потом черты лица его смягчились, и он рявкнул:

– Последний раз прощаю! Еще одна такая выходка – и не будет вам никакого интервью. А деньги – заплатите полностью!

– Я его накажу! – пообещала Марина. – Он у меня полгода без премии работать будет!

– Я же сказал: идти за мной след в след, – заметно успокаиваясь, сказал Колыч.

На другом краю поля, как и предполагал Костя, их действительно встречал человек с биноклем в руках. С любопытством посмотрев на Марину и кивнув Колычу, он, не говоря ни слова, поднял бинокль к глазам и принялся осматривать открытое пространство. Этот наблюдатель ставил весь план операции под удар, но поправить все равно уже было ничего нельзя. Костя решил, что не станет волноваться попусту, а постарается исходить из того, что прибытие подмоги будет обнаружено бандитами заранее.

Лес здесь был совсем другим. Стволы деревьев поблескивали, точно опутанные паутиной, а воздух казался намного более прохладным и влажным, чем по другую сторону поля. Отличался подлесок, другими были кусты и совсем иначе выглядел даже мох. Колыч больше не смотрел на мультидетектор, а уверено шел по едва заметной тропинке, вытоптанной в низкорослой ярко-зеленой траве. Вопреки здравому смыслу, все вокруг казалось безопасным.

Тропка едва заметно шла под уклон. Костя задрал голову. Высокие сосны создавали впечатление, что даже обычное серое небо Зоны здесь было как будто бы выше.

– Не боись, не боись, уже недолго осталось, – громко сказал Колыч, даже не поворачивая головы.

В просвете между величественными деревьями мелькнула водная гладь. Вслед за Колычем и Мариной Костя вышел к берегу идеально круглого озера не больше пары сотен метров в поперечнике. Не было

заметно ни малейших следов аномалий. В воздухе не пахло озоном и гарью, а от воды не тянуло перегретым паром, который иногда давали подводные аномалии. Все это место целиком выглядело совершенно нормальным, а значит – совершенно ненормально для Зоны. Костя в испуге замер на месте. Вколоченный наставниками и полученный собственными трудами опыт говорил, что умиротворение и спокойствие маленького озера несут смертельную угрозу.

Колыч обернулся и внимательно посмотрел на странного журналиста. Подозрения терзали проводника, но их причину он понять никак не мог.

– Туда, – показал он пальцем направление и сам пошел первым вокруг озерка.

Пройдя сквозь плотную стену из высокого кустарника, они вышли на небольшую полянку, один край которой уходил песчаным пляжем в озеро, а второй зарос камышом и осокой. Посреди полянки весело журчал ручеек. Чистая вода, миновав несколько крохотных порогов и покружившись в метровом омуте, убегала в озеро.

13

Поезд, постукивая колесами на стыках рельсов, неторопливо катился по безлюдным просторам Зоны. Несмотря на все увещевания Кудыкина, Феоктист Борисович почти не появлялся в штабном вагоне. Осмотрев свою установку и пообщавшись с персоналом лаборатории, он снова поднялся на обзорную площадку и замер, вцепившись руками в поручень ограждения.

Всего год назад профессор ехал по этому же маршруту, чувствуя себя почти на вершине счастья. Что, впрочем, не мешало ему любоваться окрестностями. Поэтому теперь он отчетливо видел изменения, что произошли с этими землями за такой короткий срок.

Сплошной некогда ковер из пожухлой темно-зеленой и бурой травы был похож теперь на рисунок сумасшедшего художника. Повсюду виднелись разбросанные в хаотичном порядке ярко-зеленые пятна совсем нехарактерных для Зоны растений, нелепые вытянутые островки высоких кустов, которым неоткуда было взяться в чистом поле, и даже цветы. В Зоне, где практически не встречались летающие насекомые, цветы не росли. А теперь Ломакин собственными глазами видел желтые и белые полянки с яркими, хоть и мелкими цветами. Причем тут же, совсем рядом, росла и обычная бурая трава Зоны.

Деревья, проплывавшие мимо то близкими, то далекими массивами, похожими на крепостные стены, тоже выглядели довольно странно. Зачастую они столь сильно отличались друг от друга высотой и обхватом, что лес, который раньше можно было назвать древесным воинством, теперь напоминал скорее безалаберную неорганизованную демонстрацию.

Даже аномалии теперь были натыканы как попало, не создавая впечатление обычного для Зоны порядка расположения даже среди таких разрушительных объектов. Имелась масса и других отличий, которые глаз замечал, но сразу понять, что изменилось, не получалось. Все было не так, как прежде.

Прежнюю Зону Ломакин не особо жаловал, относясь к ней всегда как к уникальному природному полигону, на котором можно ставить прелюбопытнейшие эксперименты и получать подтверждение самых

смелых идей. Но то, что он видел сейчас, не нравилось ему категорически. И самым неприятным был тот факт, что он точно знал, кто виноват во всех этих переменах.

Поезд начал замедлять ход. Вдалеке показались руины, оставшиеся от стоявшей здесь некогда железнодорожной станции. Это означало, что бронепоезд подошел к тому самому месту, где год назад бандиты ложной железнодорожной стрелкой отправили экспедицию по старым путям, далеко в сторону от основного маршрута. Сейчас задача заключалась в том, чтобы повторить тот самый маршрут, предварительно восстановив стрелку. А добравшись до того места, где установка неоднократно включалась на полную мощность, – совершить серию пусков со строго заданными параметрами.

Вагоны резко качнуло, и поезд остановился. Из первых двух вагонов высыпали техники в черных робах и отправились к тому месту, где бандитами раньше была сделана стрелка, зачем-то разрушенная позже военными. На крыше соседнего вагона появились трое солдат из охраны бронепоезда и закурили, опасливо поглядывая на Ломакина, беспокоясь видимо, что он донесет на них начальству за нарушение дисциплины.

Несколько минут ничего особенного не происходило, и Ломакин просто наслаждался моментом, подставляя лицо прохладному ветру и любуясь окрестностями. Затем люк в полу площадки приоткрылся, и в нем мелькнуло лицо сержанта, приставленного к Ломакину в качестве надзирателя.

– Господин профессор, – сказал он молодым, почти подростковым голосом. – Полковник Кудыкин просит вас спуститься в штабной вагон для участия в совещании.

Тяжело вздохнув, Ломакин подчинился. К его удивлению, в штабном вагоне кроме Кудыкина никого не было.

– Совещание у меня только с вами, профессор, – сказал полковник. – Рабочие, вышедшие на восстановление стрелки, докладывают, что восстанавливать ее нет смысла.

– Что вы имеете в виду, полковник? – спросил профессор. – Разве у нас недостаточно средств и инструментов, чтобы…

– Вы не поняли, профессор, – сказал Кудыкин. – Стрелку восстанавливать не надо потому, что ее уже кто-то восстановил до нас. Можно ехать дальше прямо сейчас.

Ломакин с удивлением воззрился на полковника:

– Э… Вы говорите удивительные вещи. И кто же, по-вашему, мог ее восстановить? Ведь вы же сами возмущались действиями подразделений Министерства обороны, которые все разрушили.

– Возмущался. Стрелка была капитально уничтожена по приказу одного дурака. С выдергиванием шпал и распиливанием рельсов. Тем не менее сейчас она полностью восстановлена и находится в рабочем состоянии. Так мне доложил бригадир ремонтной бригады, которому я доверяю в этих вопросах абсолютно. Вот и не знаю, что подумать.

– Неужели бандиты снова решили захватить наш бронепоезд и заново построили стрелку? – рассмеялся Ломакин. – Вы нашли, где они держали свой тепловоз? Ведь это еще как минимум одна ветка должна была сохраниться.

– Через два дня мы организовали налет на базу бандитов и выжгли там все дотла. В том числе насовсем вывели из строя их тепловоз и подорвали в нескольких местах рельсы, ведущие от стрелки же к базе бандитов. Чтобы не возникало больше ни у кого соблазнов.

– Фонил тепловоз, я полагаю? – риторически спросил Ломакин.

– Просто кошмарно, – подтвердил Кудыкин. – Те, кто на нем ездили, были настоящими смертниками. Но вернемся к нашему вопросу. У вас нет гипотезы, откуда бы могла взяться эта стрелка? Люди говорят, что земля вокруг выглядит странно. И что такого воздействия на грунт со стороны аномалий они еще не видели.

– Нет, у меня пока никаких гипотез нет, полковник. Полагаю, что это сейчас и неважно. Раз мы можем проехать – надо ехать. Решить главную задачу, а уже на обратном пути строить гипотезы вокруг этого полезного происшествия.

– Я на всякий случай пущу вперед разведывательную дрезину, – словно рассуждая с самим собой, сказал Кудыкин.

– Как вам будет угодно. Вы разрешите мне вернуться на обзорную площадку?

Лишь оставшись в одиночестве, Ломакин позволил себе полностью погрузиться в размышления. Намеки Кудыкина он прекрасно понял и даже мог определить процент вероятности того, что возникшая ниоткуда стрелка могла появиться здесь в результате действия темпоральной аномалии. Но важнее самого факта появления железнодорожной стрелки из прошлого, так же как и чересполосица в

растительном мире, и хаос в строении аномальных полей, были те выводы, которые можно было сделать уже прямо сейчас. И если Феоктист Борисович все понимал правильно, то выводы эти были, мягко говоря, пугающими.

Еще прошлой ночью он считал эту цепочку возможных последствий не слишком вероятной. А теперь видел воочию результаты, которые подтверждали именно ее.

Тонко свистнул тепловоз, готовясь отправиться дальше по маршруту в глубь Зоны, но Ломакин даже не обратил на него внимания. Ведь совсем недалеко от бронепоезда, прямо из воздуха, как во время какого-нибудь фокуса, во все стороны расползались клубы серебристого тумана.

14

Место выглядело просто волшебным, и даже заболоченная часть верхней части ручья нисколько не портила общую картину. Судя по всему, здесь когда-то была маленькая речка, которая со временем обмелела, распалась на омутки и бочажки, заболотилась, но не заросла окончательно и продолжала питать озеро чистой водой.

У того края полянки, что примыкал к стене деревьев, стояло несколько хижин, срубленных из жердей и крытых камышом. Чуть дальше, между озером и крайним домом, горел костерок, возле которого сидел человек в камуфляже.

Заметив Колыча и журналистов, он неторопливо поднялся с места и двинулся им навстречу. Марина быстро посмотрела на Костю и тут же отвернулась, но в одном этом взгляде было столько эмоций и оттенков чувств, что Косте показалось, будто он успел неторопливо переговорить с напарницей обо всем. Ему вдруг подумалось, что, наверное, именно после таких моментов люди начинают верить в телепатию безо всяких чудес Зоны.

– Ну, здравы будьте, господа репортеры, – сказал человек, бесцеремонно разглядывая Марину.

На его абсолютно лысой голове не было и следа волос, а брови выглядели настолько блеклыми и редкими, что казалось, будто их нет вовсе. Правый глаз затягивало бельмо, а на левой руке не хватало двух пальцев. Но левый глаз бандита смотрел так пронзительно, что Костя ощутил легкий озноб, когда тот лишь скользнул по нему взглядом. На Марину, впрочем, пронзительный взгляд, казалось, возымел прямо противоположное действие. На лице ее появилась снисходительная усмешка, плечи развернулись, и вся она внезапно стала похожа на ту прежнюю Марину, которую Костя знал в прошлой жизни.

– Здрасте, – сказал он бандиту, испытав внезапно приступ непонятной ревности и желая отвлечь одноглазого от разглядывания напарницы.

– Добрый день, – вежливо сказала Марина, и одноглазый, лишь на секунду отвлекшись на Костю, снова вперил в нее взгляд. Репортерша

явно чем-то поразила бандита, и с каждой секундой эта мысль становилась Косте все неприятней.

– Давайте знакомиться, – сказал лысый. – Раз уж вас принесло сюда брать у меня интервью, а я почти готов прославиться, будет в корне неверным остаться для всех неизвестным героем. Многие сталкеры слышали обо мне. Многим будет интересно увидеть такого легендарного робингуда, как я.

– Вас так и звать – Робингуда? – уточнила Марина.

– Нет, гораздо чаще я фигурирую под именем Хантер, – почти галантно осклабился одноглазый.

– Ну что ж, будем знакомы. Я Марина, репортер «Тринадцатого», а это мой оператор – Константин. Не могу сказать, что ехала сюда с удовольствием, уж больно здесь страшно. Но в окружении таких смелых и сильных мужчин начинаю чувствовать себя в безопасности.

Напарница так очаровательно улыбнулась Хантеру, что Костя против воли ощутил приступ раздражения. Фоном в голове зудела беспокойная мысль: ему казалось, что он уже слышал это имя – Хантер.

– Ну что, показывайте вашего пленника, – абсолютно беззаботным голосом сказала Марина, и Костя ощутил, как раздражение тает без следа – каким-то шестым чувством он вдруг понял, чего стоит подруге это напускное равнодушное веселье.

– А куда торопиться? – удивился Хантер. – Давайте сперва сядем, отобедаем, я вам расскажу нашу программу и причину, заставившую вытащить из кожаного кресла этого зажравшегося хомяка и притащить его сюда. Здесь, как видите, безопасно. Аномалии начинаются вон в том болоте и расходятся широким веером дальше, в глубь Зоны. А вокруг этого чудесного озерца тишь да гладь, да божья благодать.

– Отличная идея, – быстро сказал Костя, опасаясь, что Марина начнет настаивать и вызовет ненужные подозрения, а то и враждебность со стороны бандитов. – А то нам так долго идти пришлось, что с ног падаем от усталости и умираем с голоду.

– Столичные птенчики, – с легким презрением и превосходством, но довольно добродушно сказал Колыч.

– Прошу к нашему костерку, – скривился в попытке сделать вежливую гримасу Хантер, отчего его лицо немедленно покрылось многочисленными морщинами.

На звук голосов из дверного проема одной из хижин показалась взлохмаченная голова. Заспанный человек проводил недоуменным взглядом странных гостей, зевнул и спрятался обратно.

– Садитесь, – коротко пригласил, как приказал, Хантер. – Колыч, сообрази репортерам пожрать.

– А че сразу Колыч? – возмутился тот. – Я их вообще-то через Периметр тащил, по Зоне сопровождал, на костяном поле оберегал – мне отдых положен.

– Что тебе положено, то я решаю, – грубо сказал Хантер. – Ты их привел – ты и бегаешь вокруг, пока другого приказа не получишь. Жратва сварена, надо просто в тарелки накидать.

Колыч с ворчанием удалился в ближнюю хижину и принялся греметь там металлической посудой.

– Приступим? – предложила Марина, безо всякого стеснения опускаясь на одно из бревен возле костра, выполняющее роль скамейки. – Можно все снимать или что-то предпочитаете утаить от наших зрителей?

– Снимайте, не жалко, – щедро разрешил Хантер.

Костя, перехватив взгляд Марины, поставил кофр на землю, открыл его и вытащил камеру. Макет был добротной копией настоящей профессиональной техники. Такой же удобный, тяжелый и со всеми необходимыми «горящими» светодиодами при включении.

Хантер задумчиво смотрел на Костю, пока тот готовился к съемке, потом встряхнулся, словно сбросив наваждение, и сказал:

– Около года назад в Зоне произошло странное событие, о котором вы, разумеется, не знаете. Да и откуда вам знать, если касалось оно очень ограниченного круга лиц. Ученые дурачки вместе с военными дуболомами решили показать властям, что и от них бывает польза. Пригласили очень важного хомяка из столицы, погрузили на поезд всякие прибамбасы и поехали в Зону творить самое настоящее безобразие.

– Вы что-то путаете, Хантер, – неожиданно сказала Марина, и Костя с удивлением посмотрел на свою напарницу. – По Зоне можно ходить исключительно пешком. И очень медленно. Это всем известно.

– Эх, красавица моя, – с развязной улыбкой сказал Хантер. – Если что-либо «всем известно», считайте, что никто и ничего в этом толком не соображает. Убийцы в белых халатах узнали, что по рельсам ездить

можно даже в Зоне. И отправили специальный поезд для особой миссии. Замахнулись они на саму Зону. Решили выпить из нее всю ее жизненную силу. И убить.

Хантер сделал драматический жест рукой и прикрыл глаза. Контраст между устрашающим видом и почти театральным движением выглядел настолько забавно, что Костя едва не засмеялся, но вовремя сумел сдержаться.

– Вы люди посторонние и вам не понять, что значит для нас, сталкеров, Зона. А этим тварям, этим ненасытным паразитам, им все равно кого убивать. Ради денег, ради пошлой наживы они готовы на любую низость!

– Очень трогательно, – с легким сарказмом сказала Марина.

– Мы не могли сидеть сложа руки, – сказал Хантер. – И смело выступили навстречу этим негодяям.

Хантер! Теперь Костя вспомнил, где слышал это имя. Так звали главаря бандитов, который организовал нападение на бронепоезд год назад, после чего вся экспедиция чуть было не закончилась полной катастрофой. И теперь виновник тех драматических событий, человек, пытавшийся устроить бойню и лишь каким-то чудом избежавший возмездия, сидел перед Костей и рассуждал о возвышенных материях.

– Мы собрали команду из самых отважных сталкеров и устроили горячую встречу незваным гостям, – Хантер явно вошел в раж, и у Кости даже зародилось подозрение, что главарь бандитов и сам начал верить во все, о чем говорит. – Но силы были неравны. Что может сделать горстка плохо вооруженных бродяг против неограниченной огневой мощи целого бронепоезда? Эй, оператор, не спи! Все записываешь? Ты хоть конспектируешь, красавица?

– С высочайшим качеством, – изобразив на лице глубокое почтение, сказал Костя. – Звук двенадцать-один, суррaунд, долби три дэ супер. Икс пятьдесят три. Сорок шесть.

После «параллельной реальности» Хантера нести псевдотехническую чушь оказалось совсем нетрудно.

– Пишу каждое слово, – с профессионально честным взглядом ответила Марина, демонстрируя в блокноте массив закорючек, которые всегда рисовала, когда ей было скучно или тревожно. – Вы же наверняка знаете, что журналистов учат особой стенографии.

В это время к костру подошел Колыч, поставил перед Костей и Мариной по миске гречневой каши с тушенкой и устроился здесь же благодарным слушателем. Судя по всему, рассказ Хантера ему очень нравился, и он был готов внимать ему снова и снова.

Со стороны озерка потянуло ветром, в котором угадывались запахи свежей воды и водорослей. Костя на несколько мгновений отвлекся, заметив, как по воде бежит красивая гребенка из абсолютно ровных и одинаковых волн. Достигнув песчаной отмели, волны резко набирали амплитуду и падали на пологий берег со всей свирепостью, доступной для цунами высотой по колено.

– Мои парни, настоящие герои, не жалели своих жизней, чтобы остановить жадных толстосумов и безжалостных потрошителей в белых халатах. Но не сумели. Проклятые убийцы запустили свою адскую машину и нанесли смертельные раны Матери-Зоне. А значит, воткнули нож в сердце каждому настоящему сталкеру!

– Что за «адская машина»? – видимо, на репортерском инстинкте включилась в разговор Марина.

– Это мы и пытались узнать у человека, интерес к судьбе которого привел вас сюда, – с пафосом сказал Хантер. – Поскольку не без оснований считаем именно его ответственным за все, что происходит с тех пор в нашей Зоне.

Хантер посмотрел на самую дальнюю хижину, обмотанную по периметру колючей проволокой, с таким выражением, что никаких сомнений у Кости не осталось: Топора держат именно там. Марина тоже повернула голову и несколько секунд смотрела на тюрьму, в которой бандиты держали ее мужа, но справилась с собой и снова посмотрела на Хантера.

– И что же он вам сказал? – участливо спросила она.

– Он настолько туп, – презрительно сказал Хантер, – что кроме глупых ругательств и оскорблений даже сказать ничего толком не может. Ну, вы еще сами увидите, до чего деградировала наша так называемая власть. Эти чванливые идиоты, эти жирные коты на золотых унитазах – они совсем страх потеряли. И потому с каждым из них мы поступим точно так же, как и с этим обнаглевшим уродом!

– Вернемся к «адской машинке» и бронепоезду? – вежливо предложила Марина.

– Молодец, – одобрительно кивнул Хантер. – Сразу видно профи. Не даешь мне утечь мыслями в самые горькие мои страдания. Короче. Яйцеголовые умники придумали какую-то хрень, включили ее и что-то повредили в природе самой Зоны. Они все время думают, что могут изучить все в этом мире, сперва раздробив на мельчайшие кусочки, а потом склеив обратно. Но мы еще докажем им, что так ничего изучить не получится. И будем использовать для этого их собственные тупые бошки!

– Точно! – горячо поддержал Колыч. – Хороший ученый – мертвый ученый.

– Вот, – поднял вверх палец Хантер. – Народ поддерживает. Народ все понимает. Народ не обманешь.

– Не обманешь, – подтвердил Колыч.

– А что же такого случилось в Зоне, что вы все время говорите о смертельных ранах, которые ей нанесли ученые «адской машинкой»? – спросила Марина.

– Зона умирает, – трагическим голосом поведал Хантер. – И на сколько ей еще хватит сил – никто не знает.

– И чего же вы хотите добиться, похитив важного правительственного чиновника? – спросила Марина.

– Справедливости! Только справедливости и ничего больше, – заверил Хантер. – Мы отправили его родственникам требование. Они должны компенсировать нам, вольным сталкерам, тот ущерб, который был нанесен этим человеком.

– То есть вы хотите получить выкуп и разделить его между всеми сталкерами? – с восхищением в голосе спросила Марина.

– Мне кажется, мы уклонились от главной задачи интервью, – нахмурился Хантер. – Конечно, все деньги пойдут сталкерам, что за вопрос!

Костя время от времени прислушивался, но ни один лишний звук не тревожил умиротворяющий покой, царящий вокруг. Хотя по времени наблюдатель бандитов уже должен был обнаружить группу силовой поддержки и поднять тревогу. Могло, конечно, оказаться, что группа еще не пыталась пересечь открытое поле, предположив, как и Костя, наличие наблюдателя. Мог и наблюдатель отойти куда-то с поста и не заметить большую группу вооруженных людей. Могло случиться что угодно, но любая причина лишь ненадолго задержала

бы подмогу – и только. Поэтому Костя чувствовал, как растет в нем напряжение от ожидания начала скоротечного боя. Благо, судя по всему, бандитов здесь было не так уж и много.

Словно прочитав его мысли, Марина вдруг спросила:

– А вы не боитесь, что вас может случайно обнаружить группа сталкеров, не посвященных в ваши планы? Или разведчики, которые ищут чиновника по заказу правительства? Ну что вы сделаете вдвоем-втроем против группы вооруженных людей?

– Не боюсь, – с превосходством усмехнулся Хантер. – Нас здесь не двое и не трое. Сейчас увидите, как раз время поднимать отряд. Колыч, буди людей. А вы, господа журналисты, пока откушайте нашей походной еды.

Костя послушно отложил камеру и взялся за тарелку. Немного помедлив, его примеру последовала и Марина.

Тем временем, разбуженные громкими криками Колыча, из хижин наружу стали выбираться люди. Судя по всему, часть домиков находилась дальше в лесу, поскольку вскоре по полянке сонно бродило не меньше трех десятков людей. Они с любопытством таращились на репортеров, но не подходили и разговоров не завязывали.

Оценив число противников, Костя приуныл. По всему выходило, что силовая поддержка, которая должна была подойти с минуты на минуту, была менее многочисленной, чем отряд, который ей предстояло перебить. Внезапно весь план по освобождению Топора оказался на грани срыва.

Судя по всему, те же мысли терзали и Марину. Она посмотрела на Костю тревожным взглядом и уткнулась в тарелку с кашей.

15

Как только состав миновал злополучную стрелку, Ломакин спустился в вагон и решительно потребовал допуска к установке, которую последние полчаса готовили к работе сотрудники лаборатории.

– Как и вам, полковник, мне не хочется задерживаться в Зоне дольше необходимого, – сказал он, потрясая для убедительности рукой, точно оратор на многолюдном митинге. – Те научные сотрудники и лаборанты, которые сейчас готовят установку к пуску, могут сделать все идеально, но допустить мельчайшую ошибку, элементарный недочет, и вместо предотвращения катастрофы регионального масштаба мы получим его усиление и ускорение.

– Я вам почти верю, профессор, – спокойно ответил Кудыкин, поворачиваясь к собеседнику вместе с креслом, – но хочу также напомнить: далеко не все ваши коллеги склонны драматизировать ситуацию и считать происходящее чем-то изрядно вон выходящим. Эта экспедиция начата по моему настоянию, и у меня нет причин принимать на веру каждое ваше слово. Не говоря уже о том, чтобы выполнять каждое ваше требование.

– Это какие коллеги? – насмешливо уточнил Ломакин. – Расторопко? Или, может быть, даже сам великий Горпье? – Голос Феоктиста Борисовича буквально сочился ядом. – Кого вы слушаете, полковник? Этих болванов? Этих недоумков, недостойных пробирки протирать в школьной лаборатории юннатов? Я всю жизнь занимаюсь физикой Зоны и, помимо научных знаний, имею за плечами богатый опыт наблюдений. И говорю вам предельно отчетливо, артикулируя каждое слово: если в течение недели моя установка не будет запущена строго в том же месте, где я ее активировал год назад, и не отработает все положенные циклы под моим наблюдением, через две недели у вас появится шанс увидеть в этих лесах что угодно: от трилобитов и динозавров до монгольской конницы и солдат Наполеона. Аутентичных, замечу, солдат. Что в переводе на доступный вам язык означает «настоящих».

– Хотите правду, Феоктист Борисович? – резко спросил Кудыкин, поднимаясь из кресла и сразу оказываясь выше Ломакина на голову. – Мне иногда кажется, что вы просто бредите. И если бы не то дичайшее путешествие, никогда бы не допустил вашего присутствия на этом бронепоезде. Мы едем проверить вашу гипотезу и не более того. И не надо меня пугать динозаврами. В этот раз у меня два артиллерийских орудия под бронеколпаками и осколочно-фугасные снаряды к ним. А также вдвое больше солдат и тяжелых пулеметов. На всех трилобитов свинца и стали хватит.

– Вы решительно не понимаете, что я хочу вам сказать, полковник! – рассердился Ломакин. – Я вас не пугаю монстрами из другого времени, а объясняю механизм распада пространственного континуума…

– Так, хватит, – оборвал его Кудыкин. – Идите в свою лабораторию и занимайтесь, чем посчитаете нужным. Но мое условие остается в силе – все действия с установкой будут выполнять только ваши сотрудники, опираясь на ваши устные указания. И только после того, как сами оценят их правильность. Ложкин!

С дивана поднялся молодой сержант, которого Ломакин в пылу спора даже не заметил.

– Сопровождаешь профессора и соблюдаешь тщательно каждый пункт инструкции. Если Феоктист Борисович не будет слушаться, разрешаю применить силу. Все понятно?

– Так точно! – звонко ответил сержант.

– Силу! – всплеснул руками Феоктист Борисович, с умилением глядя на почти мальчишеское лицо молодого сержанта. – Вот чему вы учите юное поколение! Стариков обижать!

– Ох, и правда. Об этом-то забыл сказать. Спасибо, профессор, за напоминание. Смотри, сержант Ложкин, и запоминай. Вот этот милый старичок прекрасно стреляет из пистолета и при этом совершенно не мучается угрызениями совести по убиенным. Так что постарайся, чтобы в руки вверенного тебе божьего одуванчика ни в коем разе и ни по какому случаю не попал пистолет. Да и вообще любое огнестрельное оружие. А лучше – и от холодного держи своего подопечного подальше. А то неровен час попробует он тебя обидеть.

Ложкин с любопытством посмотрел на Ломакина.

– Вы забыли добавить важную деталь, полковник, – сердито сказал профессор. – Я прекрасно стреляю из пистолета по движущимся мишеням. А вот по тем, кто не двигается, сохраняет рассудок трезвым и готов со мной договариваться, не стрелял никогда.

– Вопросы есть? – спросил Кудыкин у Ложкина.

– Никак нет!

– Тогда забирай профессора и веди на выгул в лабораторию.

16

Костя растерянно озирался по сторонам, пытаясь найти выход, но ничего осмысленного в голову не приходило. Оставалось ждать начала атаки силовой группы, а потом уже действовать по обстоятельствам. Видимо, к той же мысли пришла и Марина.

– Ну что ж, ваши мотивы ясны и достаточно прозрачны, – сказала она, отставляя в сторону тарелку. – Но не пора ли уже показать нам пленника? Хотелось бы удостовериться, что он действительно в ваших руках.

– Вижу, вижу, как вам не терпится увидеть эту тварь, – вполне добродушно и явно красуясь отозвался Хантер. – Ну что ж, пойдемте. А то ведь скоро так спокойно посмотреть на него уже может и не получится. Это же Зона. Здесь никогда ничего не бывает стабильного надолго.

«Ты и сам не знаешь, как близок к истине, – злорадно подумал Костя, поднимаясь на ноги и кладя камеру на плечо. – Еще полчаса, максимум час, и все здесь очень сильно изменится».

Хантер направился в сторону хижины, обмотанной колючей проволокой. Марина и Костя двинулись за ним. Замыкал процессию Колыч. А вокруг костра тут же начали рассаживаться бандиты, и, судя по их тихим репликам, готовились они после завтрака к какому-то переходу.

Это показалось Косте странным, но додумать эту мысль он не успел – ему вдруг пришло в голову, что Топор может невольно выдать их с головой раньше времени. Одного возгласа будет достаточно, чтобы Хантер сообразил, что перед ним не настоящие журналисты. И почему-то раньше эта мысль ни Косте, ни Марине в голову не пришла.

Надо было что-то придумать. Подать какой-то знак, чтобы Топор все понял и притворился, что не узнает жену и ученика-сталкера. Но как это сделать? Подмигнуть? Хантер тем временем уже раскрутил проволоку на большой толстой деревянной палке, блокирующей дверь снаружи. Как назло, Колыч держался рядом, поглядывая на Костю, и для того, чтобы подать условный знак Топору, теперь требовалась особая осторожность.

Наконец дверь открылась, и Хантер первым шагнул внутрь. Следом осторожно протиснулись Марина и Костя. Сперва, по контрасту с улицей, Косте показалось, что в хижине слишком темно, но потом глаза привыкли, и оказалось, что света, свободно проникающего сквозь многочисленные щели, вполне достаточно даже для съемки.

В пустой хижине с хорошо утоптанным земляным полом не было ни малейшего намека на мебель. Только в центре стоял сучковатый столб, поддерживающий кровлю, а под ним, со связанными сзади руками, сидел худой и грязный человек. Судя по склоненной на грудь голове, он находился без сознания или спал. Несмотря на видеозапись, которую накануне ему показывала Марина, Костя с трудом узнал Топора.

– Эй ты, пес! – громко сказал Хантер. – Просыпайся, к тебе гости.

– А ты чего не снимаешь? – удивленно спросил Колыч у Кости, глядя на него в упор подозрительным взглядом.

Опер нажал на кнопку, имитируя, что начал запись, но Колыч продолжал пристально смотреть на него. Тем временем Топор медленно поднял голову и уставился на Марину. Костя буквально почувствовал, как сердце перестало стучать, затаившись где-то в груди. Буквально одно слово или даже просто выражение лица Топора могло мгновенно обострить ситуацию до предела. А Колыч словно только и ждал, когда Костя начнет подавать пленнику тайные сигналы.

– Смотри, кого я к тебе привел, – издевательским голосом сказал Хантер.

Топор посмотрел на Костю, мельком скользнул равнодушным взглядом по Колычу и только тогда медленно сказал:

– А, понятно. Падальщики пера и камеры слетелись, чтобы попировать над трупом важного чиновничка.

– Вы были правы, – с радостным облегчением в голосе сказала Хантеру Марина. – На редкость отвратительный тип.

– Следи за языком, журнашлюшка, – неожиданно обиделся Топор. – А то, после того как за меня жена выкуп внесет, я тебя еще найду ведь. И тогда поговорим.

– Напугал ежа голой жопой, – хамским тоном сказала Марина. – Ты сперва вылези отсюда живым. А женушка твоя уже, наверное,

скачет по чужим спальням, а не деньги собирает. Нужен ты ей больно, в твоем-то положении.

Костя незаметно перевел дыхание и принялся изображать бурную операторскую деятельность: оттеснил в сторону Колыча, чтобы «заснять крупный план», чуть не наступил на ногу Хантеру, присел на колено, «снимая» хижину и пленника в «правильном ракурсе».

– Всегда считал журналистов абсолютно безмозглыми, бесполезными и предельно наглыми тварями, – с раздражением в голосе сказал Топор.

– Ого, как ты завелся! – весело удивился Хантер. – Делов-то было, журналистов сразу позвать. А то ведь все шутил да смеялся, героизм демонстрировал. А как стало понятно, что незавидное твое положение скоро вся страна увидит, – задергался, аки карась на сковороде.

– Простите, Хантер, а мы можем взять интервью у вашего пленника?

– Почему нет? Пусть потенциальная вдова увидит по телевизору, как плохо ее мужу. Может, быстрее деньги начнет собирать.

Он сделал шаг вперед и со всей силы пнул Топора в бок. Тот скривился от боли, а Хантер повернулся к Косте и сказал:

– Снимай быстрее, пока он опять бычить не начал.

Костя послушно повернул камеру, а Хантер наклонился к Топору и наставительно сказал:

– Я очень от тебя устал, тупоголовый маразматик. Очень. Мне уже так хочется тебя убить, что при первом намеке на отсутствие денег в срок лично пущу тебе пулю в голову. И не думай, что возможная потеря денег меня остановит.

Он отошел от пленника и повернулся к Марине, скромно стоящей в стороне с потупленными в пол глазами:

– Не бойся, красавица, этот упырь и не такого обхождения заслуживает.

– А я и не боюсь, – подняла насмешливый взгляд Марина. – Полностью с вами согласна.

– Что за женщина! – восхищенно сказал Хантер, уже откровенно разглядывая Марину в упор. – Всегда буду рад тебя видеть в своем лагере. А пока – не буду мешать. Колыч! Присмотри тут за процессом, пока журналисты будут интервью брать.

Он вышел из хижины, а Марина присела на корточки рядом с Топором. Костя с камерой пристроился рядом, но заметив, какими глазами Марина и Топор смотрят друг на друга, вдруг ощутил прилив странного стыда, словно заглянул в чужую спальню, и потупил взгляд.

– Чего молчите-то? – обеспокоился Колыч. – Ты спрашивай, а ты – отвечай, так интервью обычное делается. А не то выметайтесь, да я замкну сараюшку.

– Как вы себя чувствуете? – мягко спросила Марина, разглядывая синяки и ссадины на лице мужа.

– Сейчас – просто великолепно, – с легкой улыбкой ответил Топор. – Давно не чувствовал себя так хорошо.

– Он все время так шутит, не обращайте внимания, – прокомментировал Колыч.

– Вы сами можете ходить? Или вас переносят с места на место? – спросила Марина. – Километров десять, к примеру, сможете пройти?

– Да кто его носить-то будет, такого кабана? – снова встрял Колыч. – Ходит, конечно. А если ходить не будет, то таких гостинцев получит, что ходить после этого будет только под себя.

– С ногами у меня все в порядке, – сказал Топор. – Если, предположим, за меня внесут выкуп, сам до Периметра доковыляю без проблем.

– Ну ты и дурааак! – засмеялся Колыч. – Кто ж тебя теперь отпустит? Выкуп, гы-гы!

Внезапно он осекся и виновато посмотрел на Костю.

– Это я пошутил, чтобы попугать чинушу. Можешь вырезать потом из записи? А то меня босс убьет на фиг. Никому же не объяснить до передачи выкупа, что это шутка была.

– Вырежу, без проблем, – заверил его Костя.

В этот момент он вспомнил о забытом было подкреплении. Прислушался. Ни выстрелов, ни паники, ни даже криков. Отряд силовой поддержки словно растворился без следа. Передумали? Нет, невозможно. Столкнулись с противником раньше и завязли в бою? Попали в большую аномалию? Нарвались на мутантов?

– Я тоже думаю, что судьба по-всякому в любой момент повернуться может, особенно в Зоне, – сказала Марина. – Поэтому терпение и присутствие духа сейчас для всех важнее всего.

– Я что-то не пойму, что это за интервью такое? – с беспокойством сказал Колыч.

– Не хотите что-нибудь сказать для своей семьи и друзей? – быстро спросила Марина.

Топор внимательно посмотрел на нее и медленно сказал:

– Я хочу, чтобы моя жена и друзья знали, что, когда я с ними рядом, у меня полностью развязаны руки.

– Фигня какая-то, а не интервью, – заметно нервничая, сказал Колыч. – Где только таких журналистов обучают? Все, раз спросить толком ничего не можете, давайте на выход.

Оказавшись снаружи, Марина, оглянувшись на отставшего Колыча, тихо сказала Косте на ухо:

– Ты понял? Он руки сумел развязать. Где же наша подмога?

– Не знаю, – точно так же тихо ответил Опер. – Но начинаю бояться, что произошло самое худшее.

– И что теперь делать? – спросила Марина. – Мы же не можем просто взять и уйти. И убежать не сможем, даже если выдернем Топора из этого сарая. Нас догонят и перестреляют.

– По той же дороге нельзя, – согласился Костя. – Если бежать, то только через болото, сквозь аномальные поля. Очень опасно, но шансы есть. У бандитов со сталкерами небогато, как вижу.

– Эй, оператор! – внезапно сказал Колыч.

Костя и Марина обернулись. Колыч смотрел на них с подозрением.

– У меня такой ощущение, что я тебя где-то видел, – сказал проводник. – Вот ты сейчас стоял спиной, и прямо в голове начало крутиться… Видел я тебя где-то не так давно.

– Показалось, – пожал плечами Костя. – Мы только вот из столицы.

– Не-не-не, меня не проведешь, – сказал Колыч. – Сейчас вспомню. У меня память такая: сразу может и не пойму, но постепенно все вспомню.

– Пожалуйста, – удивленным и презрительным одновременно голосом сказал «оператор».

Они с Мариной медленно двинулись в сторону костра.

– Он что, и правда мог тебя узнать? – прошептала девушка.

– Сталкерский мир достаточно узок, – также шепотом ответил Костя. – Мог видеть, безусловно.

– Где же наша помощь? Мы же вот-вот спалимся…

Сдавленный вскрик позади заставил их обернуться. Колыч корчился на земле, держась руками за голову, а на пороге сарая стоял Топор и медленно оглядывал лагерь бандитов. По всей видимости, придя к тем же выводам, что и Марина, он решил, что давать бандиту возможность проверить память становится слишком опасно.

– Караул! – завопил Колыч и этот крик словно дернул за спусковой крючок специальной установки, стреляющей хаосом и бедламом.

Разом заорали несколько человек, горохом посыпались выстрелы в воздух, Топор метнулся куда-то за сарай, и за ним немедленно помчалось сразу множество людей.

– Что делать?! – крикнула Косте Марина, но он лишь покачал головой.

Уходить, не дождавшись результата погони, было нельзя, тем более что надежда на помощь сталкерского отряда все еще теплилась. Бежать на помощь было бессмысленно – в лучшем случае через несколько минут «помощники» сами окажутся в сарае, привязанными к столбу. Оставалось просто ждать.

Совсем в другом месте лагеря откуда-то из-за хижины выскочил Топор и помчался вдоль берега озерца, подхватив на ходу небольшой топорик для колки дров, забытый кем-то из бандитов. Следом бежало человек десять сразу, причем, судя по внешнему виду, некоторые из них уже успели познакомиться с кулаками пленника.

Топор на бегу кинул взгляд в сторону Кости, и тот быстро показал пальцем в сторону болота и аномального скопления. Не снижая скорости, Топор резко повернул и бросился в указанном направлении, но в этот момент ему наперерез кинулось сразу несколько человек с веревками в руках. В пленника полетели веревочные петли, но он ловко уклонился от них, и уже почти вырвался из окружения, когда под ноги ему прыгнул успевший очухаться Колыч.

Сталкер упал, но топорик из рук так и не выпустил. Бандиты немедленно его окружили, но пленник, приподнявшись, так жутко махнул своим оружием на уровне колен, что все попятились. Тяжело

дыша, Топор встал на ноги, но не стал ждать, пока бандиты примут решение за него, а кинулся на прорыв.

Первый же бандит, заступивший ему дорогу, получил обухом по голове, второго пленник рубанул по плечу, третьему подсек ногу, но тут на него навалились сзади. Он рычал и боролся до последнего, таская на себе сразу нескольких повисших на нем бандитов, точно медведь собак, но в итоге его все-таки завалили и скрутили руки за спиной.

Двое бандитов, обливаясь кровью, готовились, судя по всему, к встрече с предками. Поэтому, когда к пленному приблизился Хантер, настроение у всей банды оказалось единодушным.

– Смерть! Смерть! – кричали люди, с ненавистью глядя на Топора.

Хантер медленно обвел взглядом беснующихся людей. Было видно, что он пытался оценить, насколько жадность в них способна побороться с ненавистью.

– Вы понимаете, что этот козел – наш денежный приз?

– За кровь он должен ответить кровью, – тут же сказал Колыч. – А деньги за него можно получить и так. Необязательно же говорить, что с ним произошел несчастный случай.

Остальные бандиты горячо поддержали товарища.

– Поднимите его, – махнул рукой Хантер. – Ну, что скажешь, тухлятина? Пришло время ответить за свои проказы.

Топор подождал, пока Хантер окажется совсем рядом, и со всей силы ударил его головой в лицо. Что-то громко хрустнуло, и бельмастый, обливаясь кровью, упал на землю.

17

Губернатору о ЧП сразу на двух спецрежимных объектах доложили уже после обеда. Пережив первый шок, государственный муж вызвал на срочное совещание причастных руководителей со всех уровней власти, включая армейское начальство. В большом кабинете вдоль длинного стола уместились практически все. Эмоционально выразив свое возмущение состоянием дел по охране критически важных объектов, губернатор перешел непосредственно к решению возникшей проблемы.

– Повторю еще раз для тех, кто не успел понять, в какую глубокую лужу мы с вами все разом сели, – сказал он, оглядывая требовательным взглядом повернутые к нему лица. – Несколько дней назад два опасных мутанта, в поиске которых я лично принимал участие год назад, сумели взять под контроль, а потом и убить сотрудников секретной базы А-Двенадцать. В дальнейшем эти мутанты, имитируя накладки в организационном процессе, сумели добиться перевода, – разумеется, в качестве изучаемого материала и в сопровождении научного персонала, – на другую базу, с гораздо менее жестким режимом содержания и контроля. Пробыв там совсем недолго, они сумели бежать оттуда на топливозаправщике, который до сих пор не найден.

Хозяин края поднялся со своего места и двинулся вдоль стола за спинами сидящих людей.

– Но знаете, что меня пугает больше всего в этой истории? Вовсе не тот факт, что очень опасные твари оказались на свободе. В конце концов, мы объявили план «Петля» с привлечением специалистов, умеющих бороться с мутантами-телепатами. Так что сам по себе побег штука хоть и крайне неприятная, но более-менее терпимая, если можно так выразиться. Но именно сегодня в Зону отправился бронепоезд с той же самой научной установкой, которая была предметом повышенного интереса этих мутантов год назад. Понимаете? Год назад они ради нее были готовы на все. И вот стоило бронепоезду направиться в Зону – в этот же день те самые мутанты бесследно исчезают из-под стражи.

– Разрешите? – спросил энергичный мужчина лет пятидесяти и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Никто даже не подозревал, что эти мутанты сохранили способность к мыслительным процессам. Мои сотрудники были уверены, что имеют дело с полностью уничтоженными личностями, фактически не с людьми, а с «растениями»!

– Значит, ваши люди плохо справляются со своими обязанностями, – с раздражением сказал губернатор. – Как можно год наблюдать за человеком и не понять, что он только притворяется «растением»?

– Это все несколько сложнее, чем притворство.

– Слушайте, ну какая сейчас-то разница? – оборвал представителя научной группы губернатор. – Мне надо, чтобы вы подсказали военным и частям внутренних войск, где этих мутантов теперь искать и как лучше всего ловить. Я очень боюсь, что их интерес был связан со срочной экспедицией, которую мы отправили в Зону сегодня. Поэтому на станцию выдвинулось одно из опытнейших подразделений по борьбе с такими вот монстрами. С минуту на минуту я жду от них доклад. Возможно, они сразу сумеют обезвредить мутантов, если те каким-либо образом смогут пробраться на базу.

– Вы хотите сказать, – подал голос моложавый человек на противоположном конце стола, – что мутантов интересует та самая установка для того, чтобы завладеть ею и снова пройти процесс воздействия на свои организмы?

– Это как бы само вытекает из набора имеющихся фактов, – сварливо сказал губернатор.

– И чем это может грозить?

– Не знаю, чем это может грозить! – вспылил чиновник. – Это вон ученые должны нам сказать, чем это может грозить.

Он замолчал, тяжело дыша. Больше никто не пытался ничего сказать, и в кабинете на несколько секунд установилась гробовая тишина. И в этой тишине, как гром среди ясного неба, вдруг пронзительно зазвонил телефон. Почти все непроизвольно вздрогнули.

Губернатор быстро прошел к своему месту и поднял трубку.

– Да, я. Говорите.

Он замер, слушая кого-то, и все собравшиеся жадно ловили едва слышную скороговорку человека на том конце провода.

– Вы уверены? Вы сами видели? – наконец спросил губернатор. – Тогда приказываю вскрыть красный конверт и действовать в соответствии с изложенными в нем инструкциями. Причем немедленно. Через час приеду лично проверять. Да. Исполняйте!

Он положил трубку, помолчал, словно привыкая к чему-то новому для себя, затем оглядел всех собравшихся и медленно сказал:

– Караул известной вам станции уничтожен почти в полном составе. Уцелели только те часовые, что стояли на постах. В караульном помещении живых не осталось. Один из допрошенных часовых сказал, что видел, как начальник караула арестовал рядом со станцией двух подозрительных бродяг. Думаю, это и были те, кого мы собрались искать по всему региону.

– А бронепоезд уже ушел?

– В том-то и дело, что ушел. Полтора часа назад. И есть все основания полагать, что искомые мутанты находятся на нем. Но что самое неприятное, связь с бронепоездом уже пропала, и сообщить нашим людям о происходящем мы не можем. Поэтому сейчас будет создана спасательная группа, которая на дрезине догонит бронепоезд и сообщит полковнику Кудыкину о находящихся на борту «зайцах», после чего постарается их обезвредить. Для чего им даны самые широкие полномочия. По счастью, мы точно знаем маршрут бронепоезда. Только на восстановление старой ложной стрелки им понадобится не менее двух часов. Так что у нас есть все шансы успеть.

Через час губернатор действительно лично инспектировал команду из пятнадцати человек, готовую погрузиться на скоростную бронедрезину, догнать бронепоезд, и, если понадобится, даже взять его штурмом.

Потом он вернулся в кабинет и принялся ждать. Заниматься другими делами все равно не получалось – всякий раз, стоило ему взять в руки какой-то документ, перед глазами вставали события годовалой давности, в которых он и сам принимал участие. При мысли о том, что, несмотря на весь полученный опыт, бронепоезд с экспедицией снова подвергается смертельной опасности, у него начинало подергиваться веко.

Стрелки часов беспощадно отсчитывали один час за другим. Губернатор не поехал домой, а продолжал мерить шагами кабинет в ожидании доклада. Ближе к десяти часам вечера, когда сумерки уже

вплотную подступили к окнам, а хозяин края, измученный неизвестностью, уже сам был готов надеть противогаз и пешком отправиться в Зону на поиски пропавшей экспедиции, раздался долгожданный звонок от командира вернувшейся поисковой группы.

Доклад «поисковика» губернатора обескуражил. Ложную стрелку, которой год назад бандиты перевели бронепоезд на старые пути, никто не восстанавливал. Разведывательная бронедрезина проехала дальше по целым путям, миновала старую разрушенную станцию и обнаружила лакуну в рельсах, судя по всему, образовавшуюся не менее двух месяцев назад. Бронепоезд там проехать не мог. Других рельсов замечено также не было. Все вместе выглядело так, словно огромный железнодорожный состав, набитый людьми, просто исчез.

– Я не знаю, что и подумать, – растерянно сказал голос в телефонной трубке. – Завтра с утра мы снова отправимся туда и осмотрим каждый метр путей, каждую шпалу. Что же касается мутантов, то будем надеяться, что все обойдется. Один из моих лучших спецов, способный бороться хоть бы и с двумя кукловодами разом, был еще вчера включен в состав экспедиции. Он справится, я почти уверен.

Положив трубку, губернатор долго сидел, глядя в одну точку. Потом с силой сжал руками голову и с отчаянием сказал:

– Что же мы наделали!

18

Умудрившись ни разу не попасть на глаза солдатам и техническому персоналу, проводящему последние проверки, Версоцкий успел оценить преимущества случайно выбранного вагона. В составе бронепоезда он был почти самым первым: перед ним находились только две платформы с запасом рельс. И это означало, что в случае осложнений достаточно было контролировать только одну дверь, ведущую в вагон.

Для себя Версоцкий нашел крохотный отсек, в котором, совершенно отдельно от остального склада, хранился уборочный инвентарь. Вполне сносно расположившись среди лопат и веников, бывший ученый замер, стараясь, чтобы даже случайный звук не выдал его местоположение снующим рядом солдатам. Он не боялся обнаружения и мог постоять за себя даже без подключения Зюзи, но если бы это произошло до пересечения Периметра, с реализацией дальнейших планов могли возникнуть совершенно непредсказуемые осложнения.

Поэтому он сидел в странной позе, выдержать в которой достаточно долго вряд ли смог обычный человек. Но Версоцкому, целый год притворявшемуся «растением», было уже плевать на такие мелочи. Даже когда дверь отсека открылась, и молодой солдат взял какой-то инструмент на длинной ручке, Версоцкий остался незамеченным, хоть и оказался практически на виду.

Поезд беззаботно постукивал колесами на стыках рельсов, словно укачивая Версоцкого в огромной бронированной колыбели. Впервые за долгое время он видел самый обычный сон, в котором не было убийств и насилия, не бродили выпущенные из самых темных глубин подсознания чудовищные монстры, не пускал слюни устрашающий в своей ментальной мощи, но беспомощный без поводыря дурачок Зюзя. Даже всегда присутствовавший в голове образ незримой черной тучи, подкрашенной снизу багровым пламенем, отошел куда-то в сторону, поблек и перестал быть значимым.

Профессор Версоцкий возвращался домой, где все должно было пойти совсем иначе.

Слабый шум возни и удивленные восклицания вырвали его из сладкой грезы. Кто-то, судя по звукам, тащил что-то из глубины стеллажей и при этом громко ругался.

– Ты кто такой, мать твою? – вопрошал этот «кто-то», и, судя по интонациям в его голосе, был он не просто удивлен, а шокирован увиденным.

Несколько секунд Версоцкий рассеянно прислушивался, а потом сообразил, кто мог вызвать столь сильные эмоции у одного из солдат охраны бронепоезда. Он осторожно поменял позу и прильнул глазами к тонкой щели, оставшейся между створкой двери и стеной отсека. Здоровый, похожий на грубый каменный памятник питекантропу сержант нависал над худеньким Зюзей, как асфальтовый каток над улиткой, и, судя по выражению лица, также плохо понимал, что происходит, как и его «находка». Зюзя посматривал на вояку, когда он начал его встряхивать за шиворот, но не осмысленно, а как бы вскользь, точно на блестящую безделицу или необычный предмет мебели. На губах его пенилась слюна. Кажется, этим он больше всего и бесил сержанта.

– Кто такой? – суровым голосом спросил тот и, не дожидаясь ответа, шлепнул Зюзю по щеке.

У Версоцкого все оборвалось внутри. Он терпеть не мог, когда кто-то при нем пытался ударить несчастного умалишенного парня. Но разум возобладал, и профессор не стал покидать свое убежище. Ведь когда сержант проведет допрос сам и ничего не сможет добиться, он позовет начальство. Тогда появится возможность взять контроль над ситуацией в абсолютно спокойной обстановке.

– Как сюда попал? – продолжал недоумевать сержант, отвешивая Зюзе то легкую пощечину, то затрещину. Но дурачок только жалобно скулил и втягивал голову в плечи.

– Ничего не понимаю, – развел руками сержант. – Какая-то мистика, да и только.

– Что там у тебя, Наливайко? – громко спросил голос с другой стороны вагона. – С кем ты там ругаешься?

– У нас тут пассажир, товарищ лейтенант, – растерянно сказал Наливайко. – Натуральный псих без подмесу.

– Я даже не буду спрашивать, что ты там пил, Наливайко, – с раздражением сказал офицер, судя по шагам, приближающийся к

сержанту. – У меня вопрос будет гораздо проще: чем ты ширяешь…

Он оборвал сам себя на полуслове, и несколько секунд прошло в томительном молчании. Версоцкий пытался высмотреть, что происходит, но из-за стеллажей видел только Зюзю и часть фигуры Наливайко.

– Это кто? – строгим голосом спросил лейтенант.

– Не знаю, товарищ лейтенант, – горячо сказал Наливайко. – Я его о том же самом спросил, а он не отвечает.

– Как же он ответит, если у него чердак отъехал? – резонно заметил лейтенант.

– А я про шо?

– Держи его, я доложу начальнику экспедиции.

Это явно было пока лишним, и Версоцкий быстро выбрался из своего убежища, нарочно громко стукнув дверью. Звероподобный сержант и молодой лейтенант во все глаза уставились на еще одного нелегального пассажира.

– У меня что-то с головой, Наливайко, – сказал лейтенант растерянно. – Мерещатся псих и худой старик.

– Ничего не мерещится, – уверенно сказал Наливайко, не распознавший в голосе начальства иронию. – Самые натуральные психи и есть. Хотя старый вроде слюни не пускает. Слышь, дед, вы как тут очутились?

Пока он произносил эту тираду, Версоцкий медленно подходил все ближе и ближе. Когда до сержанта оставалось метра полтора, вдруг быстро шагнул вперед и прикоснулся к его руке. В отличие от Зюзи, Версоцкому для абсолютно полного ментального воздействия на человека нужен был физический контакт. Но и возможностей такой захват давал гораздо больше, чем превращение людей в послушный биоматериал.

Сержант инстинктивно дернулся, но руку убрать не успел, и целых полсекунды его сознание было беззащитным и полностью готовым к внушению новых правил поведения.

Убрав руку, Версоцкий с любопытством смотрел на полученный результат. Лейтенант еще даже не начал догадываться, что с его подчиненным происходит что-то ненормальное, только смотрел с брезгливым недоумением на полоумного старика. А сержант уже был готов выполнить волю своего хозяина.

– Держи этого лейтенанта, Наливайко, – будничным голосом сказал Версоцкий, чтобы не спугнуть следующую жертву раньше времени.

И вот тут он недооценил скорость реакции офицера, забыв, что имеет дело не с обычной солдатней, а с людьми, которых готовили к экспедициям в Зону. Вместо того чтобы тупо разевать рот в ожидании действий будущего хозяина, лейтенант вдруг резко подался назад, развернулся на ходу и бросился бежать по проходу между стеллажами.

– Зюзя! – вслух скомандовал Версоцкий. – Стукни бегущего дядю! Быстро!

– Тревога!! – заорал дурным голосом лейтенант, колотя кулаком по кнопке на стене. – Кукловод на складе! Нужна помощь!

Последнее слово сошло на слабый шепот, плечи лейтенанта обвисли, колени подогнулись, и он замер на месте, бессмысленно пялясь в решетку динамика, откуда сыпались взволнованные вопросы.

– Неувязочка вышла, – с досадой буркнул Версоцкий. – Зюзя, готовься. Сейчас вон там появится дядя с грохоталкой. Ты должен его стукнуть сразу, как заметишь.

На небольших дистанциях Версоцкий и без привлечения возможностей Зюзи мог почувствовать движение людей. И сейчас он ощущал, как будоражащий и кружащий голову поток эмоций вот-вот вломится в дальнюю дверь вагона-склада. Человек отчаянно боялся, но в то же время стремился как можно быстрее попасть на поле боя, чтобы успеть помочь товарищам.

– Наливайко, встань вот перед этим мальчиком, – сказал Версоцкий, предусмотрительно отходя за стеллаж. – А то еще попадет в него шальная пуля. А ты вон какой пузатый.

Сержант послушно выдвинулся вперед и почти в тот же момент дверь на другом конце вагона с лязгом распахнулась. В проходе мелькнул солдат с автоматом наизготовку и тут же метнулся в сторону, уходя с линии огня идущего следом товарища с ручным пулеметом наперевес.

Но скорость его красивых и выверенных движений не имела ни малейшего значения. Зюзя только на первый взгляд просто беспокойно шевелил глазами, вглядываясь в проход. Гораздо меньше времени ему хватило бы, чтобы зафиксировать образ человека и нанести ему ментальный удар. А раз Версоцкий сказал наносить удар по дяде,

который появляется, но не велел останавливаться, Зюзя останавливаться и не собирался.

Пулеметчик замер, картинно развернув ствол пулемета в сторону сержанта Наливайко и стоящего за ним Зюзю, затем руки его разжались, и оружие с грохотом упало на пол. Следом загремел автомат того солдата, что рассчитывал укрыться от врага за стеллажами.

– Молодец, Зюзя! Отгоняй их в сторону, – скомандовал Версоцкий.

– Ы-ы-ы-ы! – радостно замычал сумасшедший.

Еще несколько минут Версоцкий стоял за стеллажом в ожидании продолжения спонтанного штурма, но больше никто в двери вагона не врывался и прикидываться ковбоем не спешил.

– Жаль, – разочарованно сказал профессор. – Если бы вся охрана разом прибежала, было бы проще. Теперь придется ходить, искать, ловить…

Правда, и теперь особых проблем не ожидалось. Судя по тому, что Версоцкий видел в узких окошках вагона, поезд давно двигался по Зоне, и это значило, что связи со станцией у новой экспедиции нет. А даже если б и была – это ничего не меняло. Ведь откладывать захват поезда Версоцкий не собирался.

– Наливайко, – сказал он. – Отвечаешь за жизнь этого мальчика. Если в вас будут стрелять, все пули должны попасть только в тебя.

Огромный сержант улыбнулся светлой и чистой улыбкой, какой последний раз улыбался, наверное, только в раннем детстве, и с готовностью закивал.

– Вот и хорошо, – одобрительно сказал Версоцкий. – Зюзя, мальчик мой, давай вон тех двоих гони вперед, да смотри их глазами. И стукай всех, у кого увидишь грохоталки. А следом и лейтенантика вон того. Пусть тоже идет – отвлекает от нас внимание дядей-бузотеров.

Зюзя лишь чуть-чуть наклонил голову, и оба солдата, что несколько минут назад так эффектно ворвались в вагон, не менее энергично ринулись в обратную сторону.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно сказал Версоцкий, прислушиваясь к поднявшейся в соседнем вагоне стрельбе.

19

Лаборатория не оставила места посторонним мыслям. Сотрудники, благо их было немного, оказались сплошь старыми знакомыми или бывшими подчиненными, как один уважавшими Феоктиста Борисовича за все, за что вообще могут уважать ученого прикладные исследователи.

Несколько секунд Ломакин стоял у входа и любовно оглядывал свое детище – лабораторию на колесах. За прошедший год здесь почти ничего не изменилось. Все те же столы, примыкающие к стенам, уставленные измерительными приборами, точными весами, разнообразными портативными излучателями и массой другой, крайне необходимой любому исследователю электроники. Все те же бесчисленные дисплеи на стенах и потолке. Но главное – установка, занявшая центр вагона и закрытая блестящим металлическим кожухом.

Вокруг установки, оставляя только узкий проход, стояли столы, превращенные в рабочие места для операторов, которые должны были следить за параметрами генерируемого излучения и напряженностью электромагнитного поля вблизи головного индуцирующего элемента. В лаборатории не было диванов и кресел – только компактные, легко собираемые в стопки металлические стулья с гнутыми спинками: по выражению самого Ломакина, ученые в лаборатории должны были работать, а не отдыхать. Вблизи массивных дверей лаборатории, снабженных серьезными запорными механизмами, к стенам были приварены металлические шкафы, из-за чего оба выхода из вагона представляли собой узкие коридоры. В одной из стен имелся широкий люк, захватывающий и часть потолка, поскольку монтаж и демонтаж установки можно было выполнить исключительно с помощью подъемного крана. И ни для чего другого этот люк предназначен не был.

Уже через несколько минут Ломакин давал указания, а понятливые помощники делали поправки во входных данных программы, управляющей запуском установки. Сержант Ложкин настолько умело расположился в углу, что вскоре Ломакин просто

перестал его замечать, но стоило ему, забывшись, протянуть руку к пульту точной подстройки дополнительных параметров, как в тот же момент раздалось предупредительное:

– Профессор, не надо.

– Молодец, сержант, – похвалил его Ломакин, удивляясь, как в таком маленьком помещении сержант сумел так устроиться, чтобы и никому не мешать, и держать ситуацию под контролем. – Если однажды надумаешь бросить службу, звони. Я найду, куда тебя с такими талантами трудоустроить.

Феоктист Борисович очень боялся, что обнаружит установку уже модернизированной каким-нибудь «гением», но оказалось, что сотрудники были абсолютно убеждены: рано или поздно их руководителя выпустят, и работы будут продолжены. Поэтому все сохранили в целости и сохранности, что позволило Ломакину теперь провести первичную настройку и накачку энергией первого контура без каких-либо неожиданностей.

* * *

Поезд достаточно быстро приближался к цели, и до самого ответственного запуска всей системы, такого важного и ради которого было потрачено столько сил, оставалось время, измеряемое уже даже не часами, а минутами. Тем неожиданней стали звуки выстрелов откуда-то со стороны вагона-склада, поставленного в самом начале состава.

Первым среагировал Ложкин.

– Слышу стрельбу со стороны склада, – доложил он кому-то по рации, а в правой руке у него уже откуда-то взялся пистолет.

Ученые беспокойно переглядывались, и только Ломакин продолжал изучать какой-то график из множества кривых линий на экране компьютера.

– Всему научному персоналу приказываю уходить в штабной вагон, – сказал Ложкин, беря на прицел дверь в тамбур, откуда можно было попасть в соседний со складом вагон.

Все научные сотрудники послушно двинулись в сторону, противоположную вагону-складу, и только Ломакин продолжал что-то с увлечением изучать на экране компьютера.

– Профессор, вас это тоже касается, – сказал Ложкин, но тот не успел ему ответить – со стороны штабного вагона, оттесняя в сторону

сгрудившихся в проходе ученых, через лабораторию промчались десятка два человек охраны поезда. Когда за ними захлопнулась дверь, Ломакин с усмешкой поинтересовался:

– Сержант, ты что же, не веришь в своих боевых товарищей? Посмотри, сколько их помчалось туда. Если бы у нас было столько охраны в прошлом году, когда на поезд напали бандиты, мы могли бы просто остановиться и дать встречный бой.

Над головой у них загрохотали ботинки. Судя по всему, еще одна группа солдат перемещалась к месту стрельбы по крышам вагонов. Видимо, полковник Кудыкин больше не желал рисковать даже по мелочам.

– Хорошо, профессор, – сказал Ложкин, но в свой угол не вернулся и пистолет в кобуру не убрал.

Ни одного сотрудника в лаборатории, правда, не осталось, но Ломакин не собирался пока ничего делать с установкой и ограничился изучением каких-то данных.

Несколько минут ничего не происходило, а потом со стороны вагона-склада вновь послышалась стрельба. Ложкин быстро переключил рацию на другой канал, но там ничего кроме помех слышно не было. А вскоре стихла и стрельба.

– Прошу разъяснить обстановку, – требовательным голосом сказал Ложкин.

– Забирай профессора и срочно уходи из лаборатории, – приказал по рации голос Кудыкина. – Будем отцеплять научный вагон.

– Как это «отцеплять»?! – взвился Ломакин.

– Поверьте, профессор, так надо, – твердо сказал Ложкин и взял Ломакина за рукав.

В этот момент из тамбура со стороны склада вышел один из солдат и быстро прошел в сторону штабного вагона.

– Рядовой, стоять! – рявкнул Ложкин. – Доложить ситуацию! Что там происходит?

Но солдат, не обращая на сержанта ни малейшего внимания, подошел к двери, поискал что-то взглядом, затем вцепился обеими руками в рычаг экстренной блокировки вагона и дернул его вниз, а затем повис всем телом и просто обломил у самого основания. Отчетливо лязгнули тяжелые замки. Но если дверь со стороны штаба оказалась намертво заблокирована, то та, что со стороны склада,

оставалась приоткрытой, и запорные штыри бессильно застыли в воздухе.

– Солдат! – заорал Ложкин, делая несколько быстрых шагов в сторону сбрендившего охранника.

И отпрянул, когда тот повернулся, посмотрел на него бессмысленным взглядом, а затем повернул голову в сторону Ломакина и радостно заухмылялся.

Ложкин сделал быстрый выпад и ударил солдата рукоятью пистолета по голове. Тот рухнул на пол, и сержант моментально стянул ему руки непонятно откуда взявшейся пластиковой стяжкой.

– Плохо дело, профессор, – сказал он, отпихивая тело в сторону. – У нас на поезде кукловод. И он только что нас замуровал в этой лаборатории.

В этот момент ожила рация:

– Сержант Ложкин, что у вас происходит? Почему блокировали дверь в лабораторию?

Пока Ложкин докладывал ситуацию, дверь из тамбура со стороны склада приоткрылась, и в проеме показалась голова еще одного солдата. Ложкин продолжая говорить, выстрелил чуть выше, и голова исчезла.

– Еще один зомбак, – отметил сержант. – Товарищ полковник! Я, конечно, изучал системы аварийной блокировки лаборатории, но неужели ничего нельзя сделать с общего пульта управления поездом?

– Можно со всеми вагонами сделать много чего. Кроме лаборатории. Ее же отдельно изготовили, у нее отдельный статус и собственные системы защиты. Мы сейчас постараемся отправить еще одну группу захвата поверху, – с отчаянием в голосе сказал Кудыкин. – Но там, похоже, действительно сильный и опытный кукловод – он организовал из захваченных самую настоящую оборону. Людей встречают плотным огнем. Сержант, головой отвечаешь за профессора. Но если вдруг появится возможность, постарайся отцепить вагоны, что идут впереди лаборатории.

– Я пока не представляю, как это сделать, они не пропустят нас к сцепке! – быстро сказал Ложкин.

– Тогда мы это сделаем удаленно! – с ожесточением отрезал Ломакин и положил руки на пульт настройки дополнительных параметров установки.

Лоб его избороздили морщины, губы непрерывно двигались, словно профессор проговаривал все свои расчеты вслух, а руки быстро и точно двигались между верньерами и клавиатурой компьютера. И весь целиком, от вдохновенного выражения лица до уверенных, но чутких пальцев, походил Феоктист Борисович в этот момент на гениального музыканта, исполняющего свою главную музыкальную партию.

Дверь из тамбура открылась, на пороге появился один из солдат охраны и тут же, не целясь, дал от живота очередь вдоль вагона. Ложкин начал стрелять одновременно с ним, и практически сразу автоматная очередь захлебнулась, ствол автомата задрался кверху, а солдат повалился назад.

– Ложкин, дай мне еще минуту! – не отрываясь от своей «партитуры», крикнул Ломакин.

Сержант упал на бок, перекатился в сторону, насколько позволял узкий проход между столами, и в то место, где он только что находился, с визгом рикошетирующих пуль, ударила очередь. Пистолет Ложкина загрохотал в ответ, со всех сторон на пол лаборатории сыпались осколки пластика и битого стекла, с резким пронзительным треском начала искрить какая-то проводка, но Ломакин продолжал «колдовать» над своей установкой, точно не стоял прямо посреди простреливаемого помещения, а предавался размышлениям в тиши университетского кабинета.

Очередной зомби в форме завалился в сторону, и вместо него в дверном проеме стал виден странный человек, который, очевидно, прятался все это время за спинами солдат. Это был молодой парень среднего роста с жиденькими светлыми волосами и с перекошенным лицом клинического идиота. Даже висевшая мешком одежда не могла уже испортить его внешний вид, поскольку лицо парня мгновенно притягивало любой взгляд и неестественно повернутой вбок нижней челюстью и крупными, практически выпученными глазами, которыми он косил в сторону, даже пытаясь глядеть прямо перед собой. Весь его внешний вид указывал на страшное напряжение, которое он испытывал, явно пытаясь сделать что-то такое, что не было заметно невооруженным глазом. И только сержант Ложкин в этот момент точно знал, на что направлены все силы диковинного уродца.

Быстро поднявшись на колени, Ложкин вдруг замер, опустив голову, словно ему на плечи внезапно положили стальную балку. Его обвисшие руки подрагивали, как будто там, внутри мышц, шла ожесточенная борьба, но пистолет он так и не выпустил. На лбу уродца вздулись жилы, он сгорбился и замычал, низко и протяжно. Шея Ложкина стала красной от прилива крови, форма начала расползаться по швам, а тело сотрясала крупная дрожь, но вместо того, чтобы обмякнуть и рухнуть на пол, сержант начал медленно поднимать голову.

– Зюзя, мальчик мой! Что ты делаешь, Зюзя?! – донеслось откуда-то из-за спины уродца.

Услышав этот голос, профессор Ломакин страшно оскалился и, казалось, еще быстрее забегал пальцами по клавиатуре.

Тем временем голова сержанта поднялась настолько, чтобы видеть своего противника. Судя по всему, это придало ему сил, поскольку его правая рука с зажатым в ней пистолетом также пришла в движение. Уродец замычал уже не тревожно, а жалобно, словно призывая кого-то на помощь. Но в тот момент, когда за его плечом появилось бледное лицо какого-то худого старика, Ложкин умудрился нажать на спусковой крючок.

Пистолет грохнул, и уродец рухнул на пол, точно ему отрубили ногу. В тот же миг старик захлопнул дверь тамбура, а Ложкин рывком поднялся на ноги, выщелкнув из пистолета пустую обойму. Посыпалось битое стекло, сквозь дыру в двери вагона просунулся автоматный ствол, и Ложкин, едва успев заменить обойму и дернуть затвор, принялся стрелять вслепую, прямо сквозь дверь.

– Быстро назад! – крикнул ему Ломакин. Сержант мгновенно попятился, оставляя между собой и дверью пустое пространство.

Профессор ударил по клавишам пульта, и в тот же момент там, где только что стоял сержант, возникла сплошная стена розового свечения. Вот по ней пробежала строчка синих вспышек, словно с той стороны кто-то стрелял сквозь стену, но пули успевали сгореть раньше, чем проходили насквозь, а потом стена налилась серебристым свечением и вдруг исчезла с громким хлопком.

В лабораторию хлынул мощный поток прохладного влажного воздуха. Ошарашенный Ложкин прикрыл рукой лицо. Той части поезда, что находилась только что за розовой стеной, больше не было.

Лабораторию словно отрезало гигантским ножом прямо перед дверью, ведущей в тамбур. Навстречу продолжающему двигаться поезду двигался, уходя вправо и влево, пейзаж Зоны да тянулись куда-то вниз две стальные нити рельс.

– Проф, я не знаю, как вы это сделали, но вы гений, – сказал Ложкин и в полном изнеможении осел на пол.

20

– Время для твоей смерти пришло гораздо раньше, чем я думал, – сказал Хантер спокойным голосом, но по тому, как нервно дергалась щека под бельмастым глазом, было понятно, что главарь бандитов вне себя от бешенства. – Куда предпочитаешь получить пулю – в лоб или в затылок? Или, может, сперва повеселимся? Как тебе перспектива получить пулю в коленку? Говорят, очень больно.

– Говорят, умирать вообще больно, – пожал плечами Топор.

– Ты самый странный из чиновников, что я когда-либо видал, – в яростном недоумении протянул Хантер, трогая рукой распухший нос. – И я очень хочу увидеть твой страх перед смертью. Не просто боль и агонию, а ужас в глазах.

– Попробуй неожиданно гавкнуть, – предложил Топор. – Не исключено, что я напугаюсь.

– Издеваешься, сученыш! – процедил Хантер и поднял пистолет.

– Погодите, – резко сказала Марина, про которую все давно забыли. – Я знаю, как его напугать. Но за это вы дадите честное слово, что мы сможем без помех с вашей стороны уйти обратно. Мы никому не скажем, что заложник превратился в труп! И даже поможем убедить всех, что он жив, если нам немного от доли обломится.

– Хорошее предложение. Даю слово, – небрежно сказал Хантер. – Перед всеми моими людьми. Устроит?

– Годится, – сказала Марина. – Отправьте это чучело в аномальное поле. Посмотрим, как господин чиновник проявит свою храбрость среди всех этих штук, которых не видно и не слышно, но которые в любой момент могут оторвать ногу или обжечь огнем.

– Гениально, – сказал Хантер. – И почему никто из вас, идиотов, не додумался до такого простого решения? Вот это женщина!

– Умоляю, не надо, – быстро сказал Топор. – Лучше пулю в затылок!

– А еще, – безжалостно добавила Марина, – я слышала, что важный чиновник, ездивший в Зону, до трясучки в коленях боится аномалий.

– Все что угодно, только не это, – плаксиво сказал Топор.

– Отлично, – оскалившись, сказал Хантер. – Ребята, тащи его к болоту. Там как раз всяких ловушек полно, но с краю они не очень сильные. Значит, сразу не подохнет.

Топор поник головой. Бандиты с энтузиазмом поволокли его к дальней стороне поляны.

– А твой оператор пусть снимет на камеру, как этот наглый козел будет метаться в ужасе по болоту. Как будет плакать и умолять о пощаде. И как его медленно будет подрубать и поджаривать в аномалиях. Мне нужна эта запись в качестве моральной компенсации.

Там, где у края поляны болото сходило на нет и превращалось в ручей, текущий около двухсот метров до озерка, бандиты расположились полукругом, не оставляя пленнику возможности идти куда-либо, кроме как через аномалии, следы действия которых было прекрасно видно и безо всяких детекторов. Вся мшистая поверхность, насколько хватало глаз, была буквально изрыта темными пятнами. И хотя из-за растущих повсюду деревьев болото просматривалось не больше, чем на сотню метров, было очевидно, что аномальное поле тянется и дальше: даже на фоне сливающихся в одну темную массу деревьев были видны следы мощных вспышек, сверкающих достаточно далеко. Об этом же говорило и множественное эхо, что катилось вслед за треском разрядов.

Топору развязали руки и толкнули вперед.

Костю поставили совсем рядом с большой ямой, наполненной серой грязью, которая время от времени вдруг начинала пульсировать, как огромное, тяжело дышащее животное.

– Запускай свою камеру, оператор, – приказал Хантер, делая взмах рукой.

– А можно не ходить? – печально спросил Топор, но лишь общий дружный хохот был ему ответом.

Костя «включил» камеру и направил ее на Топора. А тот повернулся, осмотрел уходящее в полумертвый лес аномальное поле и медленно прошел между хорошо видимыми огненными аномалиями, словно нарочно поставленными друг напротив друга в виде своеобразных ворот.

– Давай-давай, хомяк, покажи нам, как надо правильно ходить по Зоне! – весело крикнул Хантер, и ответом ему стал дружный смех остальных бандитов.

– Ты, главное, гаечки кидать не забывай!

– И помни, что Зона не любит жадных! А еще тупых!

– Надо было ему сперва дать базовые сталкерские навыки!

Топор сделал несколько осторожных шагов, остановился, немного понаблюдал за струйкой дымящейся воды, вылетающей из крохотного омутка, и повернул налево. Двигался он спокойно и уверенно, поэтому бандиты сразу даже не сообразили, что именно происходит.

Подобрав с земли полуобугленную корягу, Топор осторожно потыкал ею в ближнюю кочку, дождался, пока под ней что-то затрещало и пошел дым, после чего быстро перешагнул через нее и остановился перед сухим пятачком растрескавшейся земли. Постояв несколько секунд, осторожно потыкал палкой слева, и вдруг резко, с усилием потянул ее на себя, словно пытался вытащить кого-то, вцепившегося в другой ее конец. Отдышался, потыкал палкой справа, и, не дождавшись реакции, двинулся в ту сторону.

Внешне все выглядело так, словно взрослый мужчина играет в странную детскую игру, накручивая петли в невидимом лабиринте. Но двигался при этом он достаточно уверенно, не оставляя сомнений в том, что знает, что делать, и ни капли не боится.

– Я что-то не понял, – сказал один из бандитов. – А чего он там ходит как дома? Почему не орет, не бегает и даже не боится?

Хантер поиграл бровями, оценил недоумение на лицах людей, вопросительно посмотрел на журналистов: мол, вы тоже удивляетесь? Костя сосредоточенно «снимал» происходящее на камеру. Марина же неотрывно смотрела на Топора, и по ее внешнему виду было непонятно: сочувствует она ему или ждет, пока он вляпается в какую-нибудь «ловушку».

Топор тем временем встал за раздвоенной кочкой, над которой хорошо просматривалось марево, и, повернувшись лицом к толпе зрителей, громко, но абсолютно спокойно сказал:

– Ребята, давайте ко мне. Это единственный выход, не выпустят они вас.

Это прозвучало настолько буднично, а потому и неестественно, что сразу никто и не сообразил, что именно происходит. Но Марина в тот же момент сделала несколько быстрых шагов вперед, вошла в пространство между двумя огненными аномалиями, прикрывая руками

голову, пробежала несколько шагов, повернула налево и запетляла между кочек, в точности повторяя маршрут Топора.

– Эй, красавица, ты чего, совсем сбрендила? – весело и удивленно спросил Колыч.

Остальные бандиты молчали, не в силах поверить в происходящее.

Костя же сразу не сориентировался, а когда понял, было уже поздно.

– Держи этого! – вскрикнул Хантер, показывая на него пальцем.

Несколько рук разом вцепились в плечи и куртку. Опер рванулся в сторону, освобождаясь от захвата, и резко повернулся, оказавшись лицом к лицу со всей бандой разом, но бесконечно далеко от спасительного прохода между аномалиями.

Хантер вытащил пистолет и несколько раз, не особо целясь, выстрелил в сторону Топора и Марины. Марина взвизгнула и почти упала в объятия мужа, но кроме нескольких синих вспышек прямо перед ними никакого другого эффекта стрельба бандита не произвела.

– Так я и думал, – разочарованно сказал Хантер, делая несколько шагов в сторону Кости. – Кто-нибудь понимает, откуда у этого гада сталкерская подготовка? И почему эта баба к нему побежала? Может быть, ты объяснишь? А, оператор? Или, может быть, ты не оператор? А ну, давай сюда камеру!

Костя быстро осмотрелся. Позади него лежало аномальное поле, в котором, возможно, тоже были проходы. Но в отличие от ситуации с Топором, ему бы уже никто не позволил их искать. С другой стороны дорогу перегородили бандиты. И хотя никто из них не направлял на Костю оружие, о неизбежном финале было нетрудно догадаться.

– Хорошо, забирайте, – сказал он, протягивая камеру. – Только отпустите.

– Отпустим, даже если сопротивляться станешь, – сказал рослый бандит и взялся за камеру.

В тот же момент Костя нажал на кнопку, и в руке у него оказался пистолет. По счастью, укладывая оружие в тайное отделение, где хозяин камеры хранил раньше спиртное, Костя догадался снять его с предохранителя и дослать патрон в ствол. Поэтому вытащив пистолет, сталкер тут же выстрелил рослому в ногу.

Бандиты шарахнулись в разные стороны, раненый взвыл и рухнул на землю, но Костя продолжал быстро и беспорядочно стрелять по разбегающимся людям. Вся банда, помимо троих раненых, в панике попряталась, причем одним из первых отбежал в сторону и спрятался за деревом Хантер.

Когда же бандиты пришли в себя, повытаскивали оружие и принялись осторожно подбираться к фальшивому оператору, тот уже миновал несколько аномалий и, отчаянно рискуя, прыгал через булькающую черной грязью канаву.

– Сюда! – крикнул Топор, показывая Косте пальцем на подозрительный пятачок яркой травы, и тот без колебаний шагнул туда, куда бы сам без приборов и долгой предварительной разведки ни за что бы не полез.

Через несколько секунд Топор, Марина и Костя стояли рядом, разделенные лишь несколькими маленькими дымящимися лужицами, и смотрели на столпившихся по другую сторону незримой преграды из аномалий бандитов. Хотя некоторые из них готовы были последовать за дерзкими беглецами, Хантер соваться в аномалии запретил. Видно, помнил старую сталкерскую мудрость, что аномалия всегда на стороне обороняющегося. А с аномалиями у беглецов все было в порядке.

21

Версоцкий был вне себя от ярости, горя и страха. Еще несколько минут назад он был почти уверен в том, что заветная лаборатория вместе с ненавистным Ломакиным уже находится у него в руках, как вдруг все разом изменилось. Сперва какой-то сержант совершенно необъяснимым образом сумел устоять перед невероятной по мощности ментальной атакой Зюзи, и вся операция по захвату поезда сразу потеряла темп. И вместо того, чтобы войти в свою лабораторию под звуки удаляющейся стрельбы, Версоцкий был вынужден оттаскивать в сторону «своих» раненых солдат. Затем тот же самый сержант прострелил ногу Зюзе, а это уже стало началом конца, поскольку раненый Зюзя не мог думать ни о чем, кроме боли в ноге. И все, кого он успел взять под свой контроль, побросали оружие и превратились в обычных слюнявых идиотов. И напоследок, словно забивая гвоздь в крышку гроба всех несбывшихся надежд профессора, Ломакин умудрился запустить установку так, что она выбросила часть бронепоезда за пределы базового континуума. И хотя возвратные силы должны были вскоре вернуть перемещенную массу обратно, ожидать, что это будет в том же самом месте, уже не приходилось.

Сидя в тамбуре у открытой двери, за которой виднелась открытая дверь лаборатории и огрызок ее пола, за которым открывалась темнота и две светящиеся линии, уходящие куда-то в бесконечность, Версоцкий держал на коленях голову Зюзи, впавшего в беспамятство, и пытался взять себя в руки. Все время, пока он, ошарашенный и раздавленный случившимся, ловил мечущегося Зюзю, останавливал ему кровь и делал перевязку, гнев, кипевший внутри, только помогал ему, позволяя действовать быстро и энергично. Теперь же, когда следовало все спокойно обдумать и принять решение на холодную голову, кипевшие внутри эмоции только мешали. Но избавиться от них оказалось не такой и простой задачей.

И тогда Версоцкий сделал над собой сверхусилие и буквально заставил себя смотреть сквозь открытые двери и дыру на то, что сейчас окружало вагон. Ведь в любое другое время он за возможность

посмотреть, как выглядит мир, из которого убрали одно из измерений, не задумываясь отдал бы десять лет жизни.

Правда, ничего примечательного снаружи видно не было. Вагоны продолжали двигаться вперед, покачиваясь, словно ехали по обычной железной дороге, а не по двум светящимся линиям. Разве что не было слышно стука колес на стыках рельс. Ломакин умудрился аккуратно «отрезать» часть поезда, и теперь два вагона и пара платформ, груженные рельсами, продолжали катиться по инерции, поскольку тепловоз, толкавший бронепоезд, остался там же, где сейчас ехал вагон-лаборатория. С ненавистным Феоктистом Борисовичем Ломакиным, которого сейчас Версоцкий готов был задушить голыми руками, если бы ему представилась такая возможность.

Злость внутри заклокотала с новой силой, и Версоцкий сосредоточил все свое внимание на темноте, окружавшей поезд. Казалось странным, что тьма не поглотила все внутри поезда. Легкое серебристое свечение за узкими окнами давало достаточно света, чтобы различать лицо Зюзи и стоящего на четвереньках поодаль сержанта Наливайко.

А еще Версоцкий вдруг понял, что может видеть эту темноту за пределами вагона, даже закрыв глаза. Ведь эта темнота было вовсе не отсутствием света, а чем-то особенным, живым и, быть может, даже…

– Ты интересный, – сказала темнота. – В тебе нет того, что делает людей такими несовершенными. Как ты сумел этого добиться?

– Я шел к совершенству всю жизнь, – честно сказал Версоцкий. – Наломал немало дров и допустил массу ошибок, но в итоге понял главное: человек несовершенен по своей природе. И пока его природа не будет изменена, совершенства ему не видать.

– А этот милый юноша? Он тоже совершенен? – спросила темнота с вежливым любопытством.

– Он мог бы им стать, но несовершенные люди помешали ему. А теперь – помешали нам обоим снова. И если я все верно понимаю, скоро наши вагоны вернуться в обычное пространство совсем в другом месте. Там, где не будет рельсов. А значит, вместо триумфа совершенства случится небольшая железнодорожная катастрофа.

– Но ведь ты волен сам решать, как будешь возвращаться, – с удивлением сказала темнота. – Попробуй сдвинуть эти светящиеся линии. Они отведут тебя, куда тебе нужно.

Версоцкий нахмурился, подозревая подвох, но послушно обратил взгляд на светящиеся «рельсы». Они действительно чем-то напоминали сознание людей, которым он уже научился немного управлять, хоть ему было еще очень далеко до Зюзи. Странное сравнение не смутило его, и профессор легким усилием воли надавил на светящиеся полосы. Те послушно сдвинулись. Вагон заметно качнуло, и Версоцкий замер в полном восторге от того, какие перспективы ему вдруг начали открываться.

– Найди еще такие же линии и соедини с ними свою дорогу, – скомандовала темнота. – Подними свой взгляд как можно выше. Пока ты смотришь на малое, большое для тебя остается недосягаемым.

Перед глазами Версоцкого поплыли сдвоенные светящиеся линии, и он с удивлением понял, что действительно может направить свою дорогу к любым из них.

– А вот это, – сказала темнота, – можешь взять себе. Это мой подарок для почти совершенных людей.

Ярко-желтое пятно, от которого во все стороны летели искрящиеся брызги, появилось откуда-то из глубины темноты, обросло светящимися нитями и вдруг намертво приклеилось к светящимся линиям, по которым, даже не думая замедляться, мчались два вагона и платформы, груженные рельсами.

Громко замычал Зюзя, и Версоцкий в испуге открыл глаза. Зюзя пришел в себя и теперь слабо ворочался, мысленно жалуясь на боль в ножке. Версоцкий ласково обнял его, успокоил и, только убедившись, что рана на ноге Зюзи быстро затягивается без особых осложнений, позволил себе оглядеться по сторонам.

Тьмы вокруг как ни бывало. Сквозь узкие окна лился молочно-белый свет, а через открытую дверь было видно, что поезд, постепенно замедляясь, едет сквозь туман по самой настоящей железной дороге. Обычные, хоть и покрытые ржавчиной, рельсы выбегали из серебристо-молочного месива и уходили под вагон. И это значило, что никакой катастрофы не будет – вагоны, выброшенные из обычного мира установкой Ломакина, вернулись обратно точно на рельсы.

Правда, не успел Версоцкий перевести дух, как впереди показалось большое темное пятно. Ни как следует испугаться, ни что-либо предпринять профессор не успел. Только сжался в комок, бережно прикрывая собой голову Зюзи.

Вопреки ожиданиям, вместо жесткого удара последовал вполне мягкий толчок, вслед за которым из тумана послышался множественный лязг, словно они заехали на склад и обрушили многочисленные металлические стеллажи.

– Ну вот, куда-то мы и приехали, – сказал Версоцкий Зюзе. – Сейчас осмотрюсь, и все станет ясно. Но ты на всякий случай будь наготове. Тут не только звери, тут и люди могут быть. И постарайся наших добрых ребят привести в порядок. Тогда и ножка быстрее заживать будет.

22

Бронепоезд, начинавшийся теперь с «обгрызенного» вагона-лаборатории, стоял в нескольких километрах от того места, куда должен был прибыть еще два часа назад. С большим трудом техники, забравшиеся внутрь аварийно-запорной системы, сумели разблокировать дверь. Но Ломакин еще раньше успел перебраться в штабной вагон, выбравшись из остановившегося поезда через огромную дыру, которой теперь начиналась его лаборатория.

– Одно ваше слово, профессор, и мы вернемся на базу, – сказал полковник Кудыкин, подливая Феоктисту Борисовичу чай в стеклянный стакан со старомодным металлическим подстаканником. – Где-то мы опять недоглядели. Искренне надеюсь, что люди, оставшиеся в исчезнувших вагонах, скрутят Версоцкого и сумеют выбраться живыми из этой заварухи. Наверное, мне просто пора в отставку. Вторая экспедиция – и вторая катастрофа.

– Вы глупости говорите, милейший полковник, – живо ответил ему Ломакин. – И знаете почему? Да, лаборатория повреждена, но установка вполне цела, равно как системы управления и накачки. Да, основной запас энергии, взятый с базы, потрачен на незапланированный запуск, который спас в итоге нас всех…

– И мы это очень ценим, профессор, поверьте, – вставил Кудыкин.

– Да бросьте, я просто выполнял свой научный долг, – гордо сказал Ломакин, но было видно, что слова полковника ему польстили. – Так вот. Энергии мы накопим еще, благодаря генераторам бронепоезда. Установка цела. До искомого места – рукой подать. А главное, если мы не запустим эксперимент в обратную сторону, может так случиться, что и возвращаться будет некуда. Не хочу вас пугать, дорогой полковник, но просто поверьте: все, что вы до сих пор видели необычного и страшного, покажется сказкой про бабку-ёжку для школьников младшего детсадовского возраста. Нет, мир не погибнет враз. Ничего такого киношного не будет. Просто пространство и время перестанут быть постоянными и линейными величинами. Возможно, наши внуки адаптируются и к таким условиям, но до того момента…

– Профессор, я уже достаточно напуган, поверьте, – честно сказал Кудыкин.

Раздался короткий гудок селектора. Полковник нажал кнопку, разрешая связь.

– Товарищ полковник, наблюдатели докладывают о странном явлении… Я тоже ходил смотреть. Я ничего не понимаю, товарищ полковник.

– Ну, не мямли там! – рассердился Кудыкин. – Что еще случилось?

– У нас дорога пропала.

– Какая дорога? – удивился полковник.

– Железная. Метров пятьсот позади поезда рельсы есть, а дальше – лес стеной. Мы там два часа назад проехали, а теперь там лес и целина!

– Иду, – бросил Кудыкин, поднимаясь с места.

– Это вам наилучшая иллюстрация того, о чем я говорил, – сказал Ломакин, продолжая благодушно прихлебывать чай из стакана. – Теперь у нас в любом случае дорога только вперед. Еще и поторопиться придется, чтобы она и там тоже не исчезла.

– Хорошо, – буркнул Кудыкин. – Но я хочу посмотреть собственными глазами.

– Прежде чем вы уйдете, должен вам сказать еще кое-что очень важное, – сказал Ломакин.

– Профессор, ну хоть вы-то можете говорить сразу и внятно?

– Нападение на поезд совершил не какой-то там «непонятно откуда взявшийся» и «неясно почему такой умный» кукловод. Это был наш старый знакомый. Версоцкий это был, если коротко.

Кудыкин остановился на половине пути к лестнице, ведущей на обзорную площадку, и повернулся к Ломакину.

– Вы понимаете, ЧТО вы несете, уважаемый профессор? – спросил он тихим голосом.

– Уверяю, что понимаю лучше, чем кто-либо на вашем чудесном бронированном поезде, – дробно засмеялся Ломакин. – Поверьте, я знал этого человека на протяжении многих лет. Так же как и знаю, что моя лаборатория не могла понадобиться ни одному ментальному монстру в этой грешной Зоне, кроме моего бывшего приятеля. А этот взгляд, которым наградил меня зомби, заблокировавший лабораторию

изнутри! А этот голос! Я узнал бы его из тысячи! Из миллиона! А уж когда ваш сержант рассказал мне, как его атаковали и кого он видел в открытой двери позади зомбированных солдат, сомнений не осталось. Версоцкий и этот его Зюзя снова оказались на нашем поезде. И снова попытались его захватить. Так что не ищите следов присутствия кукловода. Думайте лучше, как эти двое здесь оказались.

Кудыкин слушал Ломакина с непроницаемым выражением лица, и лишь прищуренные глаза выдавали чувства, которые переживал полковник.

– А помните, профессор, вы мне сказали, что видели в окне базы, где вас содержали, кого-то похожего на Версоцкого?

– Отлично помню, полковник, – ответил Ломакин, берясь за чайник. – Только я видел именно Версоцкого, а не какого-то там «похожего на Версоцкого». И нам очень сильно повезло, что я успел его отправить куда-то, не знаю куда. А то сидели бы мы с вами сейчас на обочине и смотрели вслед уходящему поезду. В лучшем случае.

* * *

Прошло совсем немного времени, а они снова пили чай. Бронепоезд медленно катился вперед, поскольку впечатленный пропажей путей позади поезда, полковник вполне обоснованно боялся, что впереди рельсы тоже могут внезапно закончиться. Но пока все было в порядке. Мощная оптика камер наблюдения, установленных на вагоне-лаборатории, позволяла машинисту осматривать пути задолго до того, как к ним приближался бронепоезд. До нужного места на текущей скорости оставалось ехать еще часа полтора. Дыру, образовавшуюся вместо торца вагона-лаборатории, наспех заделали досками и обтянули толстой пленкой. И Кудыкин вернулся в штабной вагон, где Ломакин как раз заваривал свежий чай. Перед этим он отправил сотрудников лаборатории на рабочие места, сержанта Ложкина – отдыхать, а сам решил провести остаток времени до основного запуска установки в компании с Кудыкиным.

– Расскажите мне о вашем сержанте, полковник, – попросил профессор, отправляя в рот кусочек сахара. – О нашем спасители, о Ложкине. Признаться, я такого в жизни не видел. Парень выстоял под ментальной атакой, самостоятельно умудрился деблокировать опорно-двигательный аппарат и даже сумел подстрелить кукловода.

Признавайтесь: его малышом занесло в Зону и он вырос среди ночных шептальщиков, как Маугли?

– Все гораздо проще, – сказал Кудыкин. – Это не мой сержант. Его приписали к поезду совсем недавно, а входит он в особое подразделение, специализацией которого является умение бороться с мутантами-телепатами.

– Если бы я не понимал, что вы говорите сейчас абсолютно серьезно, то заподозрил бы вас в странной шутке, – сказал Ломакин, покачивая головой. – Государственная программа, да? Спецслужбы, секретная база, отборные кадры, жестокие тренировки?

– Все верно, – кивнул Кудыкин. – Необходимость защищать спецназ в Зоне от кукловодов была признана одной из важнейших задач. Ложкин – один из первых выпускников нового учебного центра.

– Как же они его там тренировали?

– Вообще-то это государственная тайна, – сказал полковник, – но вам, профессор, я расскажу. Сперва им правильно ставят базовые положения. Чтобы давлением чужого сознания нельзя было заставить человека усомниться в некоем фундаменте, основе жизненных ценностей. Ведь если кукловоду удастся вызвать сомнения в том, что он принимал на веру в детстве от своего окружения и родителей, дальше процесс подчинения сознания становится лишь делом техники. Человек не должен сомневаться в том, что является фундаментом его личности. Иначе он просто готовая марионетка для кукловода.

– Даже если фундамент был заложен неверно? – хитро прищуриваясь, спросил Ломакин.

– Если фундамент заложен неверно, его должны исправлять опять же близкие люди и окружение человека, а не кукловод, – отрезал Кудыкин. – Потом идут сеансы медитации, гипноза и самогипноза. Развитие собственных ментальных навыков, насколько это возможно.

– То есть делают из людей точно таких же мутантов? – удивился Ломакин.

– Профессор, иногда вы меня удивляете, – ответил Кудыкин. – Из человека невозможно сделать мутанта простым обучением и упражнениями. Для этого необходим изначальный дефект личности, а в наш учебный центр берут только здоровых. Поэтому сержант Ложкин никогда не сможет никого зазомбировать, но может попытаться внушить легкую грусть, например. Делается это с одной-

единственной целью: курсант должен понимать, как происходит процесс ментального захвата и что ощущает зверь, когда пытается захватить и подавить в человеке человека.

– Несколько пафосно, но смысл я уловил, – добродушно улыбнулся Ломакин.

– А потом начинается самый главный этап, – продолжал Кудыкин. – Эти ребята живут некоторое время в непосредственной близости от ночного шептальщика. Он их пытается подчинить. Они – тренируются от него отбиваться.

– Скажите, что соврали, полковник, – бледнея на глазах, попросил Ломакин. – До сих пор еще не удавалось держать ночного шептальщика в неволе дольше чем несколько часов.

– Ничто не стоит на месте, профессор, – улыбнулся Кудыкин. – Технологии усложняются. Впрочем, врать не стану, это единственный ночной шептальщик в распоряжении военных. А результат его использования вы сегодня видели сами.

– Впечатляет, – уважительно покивал Ломакин. – Если так дело пойдет, может, и правда скоро можно будет начать освоение Зоны… Но почему вы приставили Ложкина именно ко мне? Неужели боялись, что я тоже стал кукловодом, как Версоцкий?

– Вовсе нет, – открестился от подобного предположения Кудыкин. – Просто сержанта надо было чем-то занять. Теперь же, я думаю, у него найдется и еще одна работа. Вы ведь уже догадались, как у Версоцкого получилось настолько точно попасть в нужное время и нужное место, чтобы оказаться на бронепоезде?

– Нет. Если честно, я просто не успел об этом подумать, – озадаченно сказал Ломакин.

– Об этом не очень широко известно, поскольку кукловоды сами по себе такими штуками обычно не балуются. Я и то узнал почти случайно, хоть и догадывался, что такое возможно. В общем, Версоцкий все это время мог смотреть на происходящее вашими глазами и слушать вашими ушами.

– Моими? – поразился профессор, непроизвольным жестом прикрывая уши. – Но почему моими?

– Обычно любая зацепка кукловода начинается со зрительного контакта, – пояснил Кудыкин. – А вы сами говорили, что встретились с Версоцким взглядами. Я не знаю, сколь долго Версоцкий может этой

зацепкой пользоваться, но попрошу сержанта, чтобы он провел с вами занятие по разрыву любых, даже самых слабых контактов с кукловодом.

23

Несмотря на то что им всем удалось каким-то чудом избежать нового пленения или даже смерти, в целом ситуация изменилась мало. Только если раньше главной угрозой для друзей были бандиты, то теперь вокруг лежало сплошное аномальное поле, под ногами чавкала в мягком мху холодная вода, а из оружия имелся только пистолет Кости, в котором остался всего один патрон. Но главная неприятность заключалась в том, что Опер так и не смог воссоединиться с товарищами. Марина и Топор стояли от него в каких-то трех метрах, но через мелкую лужу, по которой в разные стороны случайным образом разбегались мелкие волны, Костя не стал бы перешагивать даже под страхом расстрела. Поскольку видел, что бывает с человеком, попавшим в «погоняшку».

С одной стороны неприметную, но крайне неприятную аномалию подпирало целое семейство «тянучек», уходящих в широкую промоину, а с другой – ограничивала длинная полоска абсолютно сухой и твердой земли. И этот вот чудесный островок пугал Костю гораздо сильнее, чем «погоняшка».

– Мужики, вы же сталкеры, – с упреком сказала Марина, глядя то на стоящего рядом мужа, то на Костю, который последние полчаса то отходил так, что почти терялся из виду, то приближался чуть ли не на расстояние вытянутой руки, но так и не смог перебраться через непрерывную цепочку аномалий. – Неужели никак нельзя где-нибудь перепрыгнуть? Или по дереву перелезть?

Вместо ответа Костя осторожно оторвал от кочки кусок дерна вместе с жирной мокрой землей и бросил в сторону сухого островка, словно пытаясь перебросить его. В тот момент, когда темный комок оказался над аномалией, снизу в него ударила ветвистая молния, яркой вспышкой почти ослепив всех троих. И сразу по ушам ударил жуткий треск электрического разряда. Костя испуганно сделал несколько шагов назад и повернул голову в сторону товарищей. Топор пригнулся, словно пытался устоять под порывами ветра, а Марина, согнувшись в три погибели, отступала за его спину, прикрывая уши руками. А над островком вдруг вспухла новая молния, поднявшись вверх, загнувшись

и опустившись другим концом вниз, на манер угловатой и кривой, но отчаянно яркой радуги. Опер видел ее долю секунды как двухцветную сине-сиреневую дугу, а потом грохнуло так, что Костя от неожиданности сел на высокую кочку.

Почти ослепшие от вспышек глаза еще не успели избавиться от остаточных «зайчиков», как по островку принялись беспорядочно гулять угловатыми узорами более мелкие разряды. Следующие пять минут, пока аномалия сверкала и трещала, Костя сидел к ней спиной и лишь изредка поглядывал в сторону Топора и Марины. Топор тоже встал спиной к разгулявшейся стихии, а Марина уткнулась лицом ему в грудь. Несколько секунд Костю даже глодало острое чувство зависти, ведь, несмотря на все неприятности, его товарищи были вместе.

Наконец молнии электрических разрядов перестали вести ослепительные хороводы, и Костя, проморгавшись, подошел поближе, терзаемый внезапным любопытством. Теперь, оценив мощность и вид аномалии, он понимал, что сухая поверхность островка покрыта вовсе не обычной землей, а черным песком, похожим то ли на измельченный уголь, то ли на толченый графит. Косте уже доводилось видеть такой песок в старых, переставших действовать аномалиях.

– Ну что, – спросил Топор, – идем дальше проход искать?

– Если я верно помню теорию, – сказала Марина, – аномальное поле не может быть слишком большого размера. Так что не проход уже надо искать, а выход.

Топор и Костя переглянулись, но вслух ни один из них ничего не сказал.

Они все дальше уходили от бандитского лагеря, но пейзаж вокруг и не думал меняться. Все тот же зеленый мох, те же кочки и промоины с темной водой, деревья, клочки сухой земли, иногда покрытые жесткой бурой травой и все новые и новые аномалии. И хотя даже без специального снаряжения и Топор, и Костя умели определять опасные места «на глаз», каждый шаг становился все больше похож на лотерею, победитель которой легко мог остаться навсегда в нераспознанной «ловушке».

Вскоре Костя был вынужден признаться самому себе, что Топор по-прежнему лучше понимает, как преодолевать подозрительные места и пользоваться для распознания аномалий любым подручным материалом. Косте тоже удалось пару раз блеснуть знаниями,

предупредив друга о том, что с некоторых пор «липучка» перестала быть безопасной и причины этого остались неясны или что брызгающая жидкой грязью лужица могла быть запросто наполненной не водой, а кислотой, но в основном именно Топор подсказывал, чем можно проверить очередное подозрительное место и как при этом не расстаться с конечностями.

Костя послушно ломал ветки сухого кустарника и кидал их на манер дротиков, разбрасывал землю веером на манер средневекового пахаря или вязал из длинных сухих, но прочных стеблей какой-то травы своеобразное боло, чтобы забросить его в пространство за скоплением деревьев. От постоянных вспышек, то и дело обдающих его жаром, треска электрических разрядов и вони сгоревшей земли он все больше погружался в какое-то сомнамбулическое состояние, в котором безотказно работали только те чувства и оставались только такие мысли, что помогали распознать аномалию и пройти еще пару шагов.

А Зона словно решила поиздеваться над ними. Вперед они худо-бедно продвигались, то расходясь в разные стороны и продолжая перекрикиваться, чтобы не потерять друг друга, то сходясь так, что в других условиях можно было бы пожать друг другу руки. Здесь же для такого фокуса потребовалась бы запасная пара рук. Поэтому сталкеры недолго говорили, планируя дальнейший маршрут, и двигались дальше. Между ними словно появилась незримая стена, перебраться через которую ни один из них не мог. И уйти от нее далеко в сторону тоже было нельзя.

Каждый раз, сходясь у этой несуществующей стены, Костя и Топор обменивались понимающими взглядами, вслух при этом выражая уверенность, что вот-вот все закончится. Оба при этом понимали, что оказались в довольно странной западне. Ведь боясь потерять друг друга и не имея возможности преодолеть незримую преграду, они вынуждены были идти туда, куда их направляла эта несуществующая стена. Плохой знак для тех, кто понимал, к чему это может привести. Но сдаться на милость очевидной необходимости разойтись и пытаться выйти самостоятельно ни один из них не хотел.

24

Резкий толчок застал обоих врасплох. Едва не расплескав чай, Кудыкин осторожно поставил стакан на стол и взялся за рацию. Но спросить не успел: рация зашипела, пощелкала для приличия и выдала:

– Товарищ полковник, кажись, приехали. Впереди дороги нет.

Кудыкин нахмурился, перевел взгляд на Ломакина и сказал:

– Неужели и правда напророчили вы нам беду, профессор? Пойдемте, посмотрим своими глазами.

Включив рацию, он приказал:

– Всем оставаться на своих местах до особых распоряжений.

Ломакин озабоченно поджал губы и, не говоря ни слова, первым поднялся и затрусил в сторону лестницы.

Оказавшись на обзорной площадке, они оба долго изучали сплошную стену леса впереди, большую часть которого составляли совершенно нетипичные для этого времени и места белые березы в шапках ярко-зеленой листвы. В бинокль, который Кудыкин предусмотрительно прихватил с собой из штабного вагона, было отлично видно, что рельсы обрываются там, где бурая и жесткая растительность Зоны сменяется буйным зеленым разнотравьем.

– Вы еще сомневаетесь, полковник? – спросил Ломакин. – Процесс случайного переноса целых участков местности будет только усиливаться. А мы, к сожалению, ничего сделать уже не сможем.

Кудыкин забрал у него бинокль и долго смотрел в ту сторону, откуда они приехали.

– Там тоже наглухо, – сказал он, опуская руки. – Ни сзади, ни спереди дороги нет. Мы в ловушке. А если следующий перенос ударит прямо по составу? Как это может выглядеть?

– Не знаю, – пожал плечами Ломакин. – Но судя по внешнему виду других объектов, перенос происходит достаточно бережно. Наверное, просто окажемся в другом месте.

– А как насчет времени?

– Ну, или в другом времени, – снова пожал плечами Ломакин.

– Вы поразительно спокойны, – с укором в голосе произнес Кудыкин. – Случайные переносы во времени и пространстве вас не пугают?

– А чего пугаться? – удивился профессор. – Если процедура окажется опасной для жизни, мы просто умрем. Если безопасна – у нас появится возможность для изучения удивительного феномена. Настоящего чуда природы. Скажите, разве вас не привлекает мысль о том, что можно совершить путешествие во времени?

– Все-таки я с каждым днем все больше склоняюсь к тому, – со вздохом сказал Кудыкин, – что ученых следует усыплять сразу по достижении ими первой научной степени. У меня здесь много людей, которым наплевать на ваши феномены. Они готовы выполнять задачи и даже жертвовать жизнью, если того потребует спасение других людей. Но сидеть и ждать, пока их накроет каким-то горизонтальным или вертикальным переносом…

– Погодите! – оборвал его Ломакин. – Как вы сказали? Горизонтальным переносом?

– Ну да, – растерянно начал говорить Кудыкин, но Ломакин его снова оборвал:

– Погодите!

Озадаченный Кудыкин лишь отступил в сторону, когда профессор вдруг бросился к люку и буквально скатился по лестнице в штабной вагон. Полковник пожал плечами и снова начал осматривать окрестности в бинокль.

Когда Кудыкин спустился, вся посуда была снята со стола и стояла на полу. Посреди стола лежал большой лист бумаги, на котором Ломакин карандашом очень быстро записывал в строку какие-то формулы. Его глаза горели от возбуждения, губы безмолвно шевелились, а вся картина целиком могла служить натурной сценой для съемок про сумасшедших ученых.

– Феоктист Борисович, может, вы объясните? – осторожно попросил Кудыкин.

– Угум, – невнятно буркнул тот, не отрываясь от расчетов.

– Профессор, мне нужны ваши заключения, чтобы принять решение, – настойчиво сказал Кудыкин. – Потому что, если ситуация будет как сейчас или хуже, я начну организацию нашей эвакуации из Зоны. Попросту, будем готовиться к выходу отсюда в пешем порядке.

– Оставьте меня в покое со своими глупостями, полковник! – неожиданно вспылил Ломакин, на несколько секунд отрываясь от формул. – Вы хотите бросить посреди Зоны бесценное сокровище? Мою лабораторию?

– Дурака не валяйте, – нисколько не обидевшись, сказал Кудыкин. – Или я вас прикажу заковать в наручники.

– Четверть часа вы потерпеть можете? – грубо спросил Ломакин. – Через пятнадцать-двадцать минут я отвечу на любой ваш вопрос в объеме большем, чем вы сможете понять. А пока подумайте, как вы собираетесь выходить из Зоны без сталкера?

– Я учел прошлый опыт, – спокойно сказал Кудыкин. – В этот раз большая часть людей в охране поезда – контрактники.

– Наемники, – ядовито поправил Ломакин.

– Контрактники, – повторил Кудыкин, – которых я набрал среди сталкеров. А это значит, что у меня здесь сталкеров больше, чем обычных солдат. Поэтому выйти из Зоны в этот раз проблемой не будет.

– Четверть часа!

– Хорошо, – сдался Кудыкин и отправился в соседний вагон.

Когда через двадцать минут инструктажа личного состава он вернулся, Ломакин сидел в его кресле и, благодушно улыбаясь, курил сигарету, наполняя все пространство вагона клубами табачного дыма.

– Феоктист Борисович, – поразился Кудыкин, – вы курите?

– Впервые за десять лет, голубчик, – доброжелательно сказал ученый. – Вы уж простите меня за ту нелепую вспышку гнева.

– Вы что-то придумали? – прямо спросил Кудыкин.

– Да, – просто кивнул Ломакин. – Благодаря вам, кстати. Горизонтальный перенос – это же было на поверхности!

– Поделитесь? – деловито спросил Кудыкин, присаживаясь на диван.

– Если не вдаваться в математический аппарат, – ответил, глубоко затягиваясь, Ломакин, – то достаточно развернуть установку и правильно ее нацелить, а потом подать в два с половиной раза больше энергии, чтобы запустить обратный процесс прямо отсюда. То есть не достигая того места, где стояла установка во время эксперимента. Ну, кое-что еще в контуре излучателей надо будет поправить, конечно, но это уже мелочи.

Кудыкин несколько секунд молчал, вдумываясь в услышанное.

– То есть мы никуда не идем, но запускаем генераторы и ждем, пока в накопителях будет необходимый заряд, – сказал он наконец. – Затем находим способ верно сориентировать установку и стреляем из нее в нужном направлении. А в результате все будет так, словно мы доехали и запустили ваш эксперимент на месте?

– Совершенно верно, – с удовольствием подтвердил Ломакин. – А несущей на такой большой дистанции, так сказать, проводником для излучаемых импульсов, станут рельсы. Точнее, не проводником, а направляющими. Ну, как вам объяснить…

– Не углубляйтесь, профессор, – махнул рукой Кудыкин. – Мне абсолютно все равно, как оно будет работать. Лишь бы работало. Вы уверены, что именно так все и будет?

– Уверен. То есть это не проблема. Проблема в другом – набить банки конденсаторов энергией.

– Это тоже не проблема, – возразил Кудыкин. – Или, скажем, проблема не технического характера. У нас есть запасные генераторы. У нас есть тепловоз, в конце концов.

– Верно, – легко согласился Ломакин. – Это проблема времени и условий. Укрепляйтесь, полковник. Готовьте людей и минируйте местность. Нам придется здесь ночевать. И если к полудню завтрашнего дня мы накопим нужное количество энергии, считайте, что нам повезло.

– Очень надеюсь, что к завтрашнему полудню здесь будет спасательная экспедиция, – буркнул Кудыкин. – Поразительно, как мне все это напоминает то, что происходило примерно здесь же. Просто дежавю какое-то.

25

Версоцкий быстро прошел в складской вагон и поднялся по замеченной ранее лестнице на крышу. Оборудованная смотровая площадка пришлась как нельзя кстати, и профессор смог в полной мере оценить как ситуацию в целом, так и накал драматического момента и своевременность своего появления.

Две платформы, которые были прицеплены впереди складского вагона, упирались в тепловоз самого допотопного вида. А за тепловозом виднелся целый товарный состав. Вокруг простирался самый обычный пейзаж, который можно было бы принять за лес в любом другом месте, если бы не две детали. Во-первых, недалеко от едва заметной железнодорожной насыпи виднелись несколько крохотных аномалий, весело перебрасывающих друг другу мелкие веточки и листья. А во-вторых, прямо перед чужим поездом стояло две группы мужчин, вооруженных автоматами и карабинами, но не один из них даже не смотрел в сторону Версоцкого. Зато на него пристально и очень неприятно смотрело человекоподобное существо с обвисшей серой кожей, грязным клубком спутанных волос на голове, руками до колен и длинными треугольными зубами, торчащими из-под верхней губы.

Кукловод.

Версоцкий по молодости слишком много времени провел в Зоне, чтобы долго гадать, что здесь происходило незадолго до его появления. Та группа людей, что стояла в стороне и выглядела изрядно потрепанной толпой бомжей, пришла вместе с кукловодом издалека. На это указывали худые изможденные лица, драная одежда и почти полное отсутствие обуви на босых ногах. Оружие многие из них держали как палки, поскольку кукловод плохо понимал, как заставить своих зомби стрелять, если потребуется.

Вторая группа во главе с представительным лысым мужчиной оказалась захваченной врасплох, но кукловод успел только обездвижить группу, поэтому все люди были еще в полном сознании. Не было ничего удивительного в том, что внезапное появление

Версоцкого внесло коррективы в развитие традиционного в общем-то для Зоны сюжета.

– И что у нас тут происходит? – спросил Версоцкий, обращаясь к кукловоду, хотя прекрасно знал, что чудовищный монстр Зоны не сможет ему ответить, поскольку по своему развитию мало чем отличался от любой сообразительной собаки.

Кукловод интенсивно зашевелил нижней челюстью, издавая низкий горловой звук, и Версоцкий почувствовал, как вокруг его головы сжимается невидимая удавка примитивной ментальной атаки. И тут ему стало любопытно, сможет ли он сам атаковать настоящего мутанта. Поэтому, вместо того чтобы спрятаться внутри вагона и привлечь на помощь Зюзю, Версоцкий взялся обеими руками за поручень ограждения и очистил ум от лишних мыслей.

Легко сняв захват, он собрал воедино все свои силы и набросил точно такую же удавку на сознание кукловода. Тот забулькал горлом и откинул голову назад, по всей видимости, недоумевая, как обычная добыча может оказывать ему такое сопротивление.

К удивлению Версоцкого, кукловод легко освободился от захвата и внезапно атаковал с такой устрашающей силой, что он даже на секунду запаниковал, ощущая, как отнимаются ноги и нижняя часть тела. Едва успев закрыться, чтобы не оказаться во власти мутанта, он призвал на помощь Зюзю. И здесь его ждал самый настоящий удар. Зюзя просто спал, а может быть, и потерял сознание из-за своей раны, и сколько Версоцкий мысленно не просил его о помощи, никак не просыпался.

Ощутив страх сильной добычи, кукловод ударил еще сильнее. Он словно забыл про людей и стоял теперь лицом к обзорной площадке, где уже хрипел, пытаясь освободиться от второго захвата, высокий худой старик.

– Зюзя! – хрипел Версоцкий, опускаясь на колени, и тут же повторял мысленно: – «Зюзя!!!».

Но все было тщетно. Несмотря на все свои достижения, Версоцкому внезапно открылась абсолютно невероятная возможность превратиться в самое ничтожное создание Зоны – обычного зомби под полным управлением кукловода.

Остатками угасающего сознания Версоцкий вдруг нашел единственно возможный для себя выход. Почти прекратив

сопротивляться двойному захвату, он бросил все силы на освобождение от ментальной удавки лысого предводителя второй группы людей. Он еще успел почувствовать, как затрепетали под его ударами слабые путы кукловода на чужом сознании, и, падая во тьму, услышал ожесточенную очередь из автомата длинною в целый магазин. И только после этого разрешил себе окончательно отключиться.

26

– Я больше не могу, – едва слышно сказала Марина, когда они в очередной раз сошлись и остановились по разные стороны от двух параллельных канавок, в одной из которых вода, весело журча, как в ручье, текла налево, а в другой, расположенной в полуметре от первой, направо. – Надо сделать привал.

До этого момента Костя даже не задумывался о том, как даются все эти блуждания между смертью и страхом потерять близких людей Марине. Теперь же он смотрел на ее грязное измученное лицо и с ужасом понимал, что напарница давно истратила все свои силы и стоит на ногах только благодаря отчаянному волевому усилию.

– Хорошо, отдохнем, – спокойно ответил Топор, но тут же безжалостно добавил: – Но через пятнадцать минут двинемся дальше.

Марина смерила его тяжелым взглядом, но ничего не сказала, а лишь попробовала опуститься на большую сухую корягу в паре метров от того места, где они остановились. Однако Топор перехватил ее и почти перенес на пятачок относительно сухой земли, покрытой желтой травой.

– Нельзя здесь на такие деревяхи садиться, – сделал он жене внушение, и хотя голос его был ровен, а мимика не изменилась, Марина посмотрела на него с обидой, отвернулась и прикрыла лицо рукой.

Топор сперва хотел было что-то сказать, но потом махнул рукой и вернулся к аномалии, за которой Костя уже вполне комфортно устроился на большой кочке.

– Что скажешь, сталкер? – спросил Топор, опускаясь на землю со своей стороны от аномалии и обводя рукой лес вокруг.

Вода в параллельных канавках, весело журча, текла в разные стороны, создавая иллюзию расслабленного отдыха на природе.

– Очень странное место, – вполголоса сказал Костя, стараясь говорить так, чтобы Марина могла расслышать как можно меньше. – Можно, конечно, сказать, что в Зоне все места странные, но тут…

Он замолчал, пытаясь понять, что же больше всего ему не нравилось в окружающем пейзаже. Топор верно истолковал его

раздумья и подсказал:

– Деревья. Под ногами фактически болото, а вокруг живой лес. Аномалии небольшие. Расположены часто. Очень активные и разновидностей их много.

– Аномальное поле появилось недавно! – «прозрел» Костя. – Одновременно на большой площади. Вскрыв заодно мощные подземные родники.

– Да. Еще совсем недавно здесь был обычный лес. Я уверен в этом, – кивнул Топор.

– Намекаешь, что во всем виноваты…

– Ни на что не намекаю, – оборвал его сталкер. – Делать сейчас любые предположения о причинах – все равно что гадать на кофейной гуще.

– Как тебя угораздило попасть к ним в лапы? – решил сменить тему Костя. – И вообще, чего им надо-то?

– Да меня особо никто и не спрашивал, – усмехнулся Топор. – Подъехали, дали по голове, приставили к спине пистолет с глушаком, затолкали в машину, а там вкололи какую-то дрянь. Очухался уже возле Периметра.

– Как они тебя нашли? И зачем? – спросил Костя. – Решили отомстить?

– Да найти-то меня не проблема, – со вздохом сказал Топор. – Но ни о какой мести речи даже не идет. Ребята просто захотели много денег, раз уж бронепоезд им оказался не по зубам. А деньги можно получать в качестве выкупа, например, о чем они знают очень хорошо. Я им понадобился как оправдание своих действий – рассчитывали на сталкерскую солидарность, если вдруг правительство пришлет людей на поиски. А осесть решили в Зоне, поскольку тут им не страшны любые правительственные силы. Так что все очень просто.

– Проще не придумаешь, – согласился Костя. – Однако какой поворот судьбы…

– Надеюсь, что это просто судьба и ничего больше, – задумчиво сказал Топор.

– Намекаешь, что не простила Она тебя? – совсем тихо, словно задавая неприличный вопрос, спросил Костя.

– Не знаю, – честно сказал Топор. – Особо на эту тему старюсь не думать. Но заметь: мы снова здесь, в Зоне, у нас «на хвосте» бандиты,

и в любой момент мы можем стать обедом для негостеприимных зверюшек.

– На таком аномальном поле? – скептически вопросил Костя, оглядываясь по сторонам. – Почти невозможно. Не верю, что здесь может бегать что-то опасное для нас. Тут любой зверь в два счета окажется в ловушке.

– Не забывай про болотного медведя.

– Все-таки кожаное кресло вредно на тебя влияет! – рассмеялся Костя. – Ну откуда здесь взяться болотному медведю, если самого болота еще совсем недавно не было?

– Старею, – признал Топор. – Ладно, будем считать это поводом для оптимизма. Что у нас еще есть? Вода под ногами. Вроде нормальная. Я Маринке пить не разрешил, а сам попробовал. Уже много времени прошло – ничего вроде. Так что с питьем проблем нет. С едой ситуация не критичная, запросто несколько дней протянем. Еще бы оружия нам, и можно было вообще считать, что мы в отпуск выбрались, на природу.

– Да уж, отпуск в любом случае удался, – сказал Костя, вспоминая о своих проблемах.

– Расскажи мне, кстати, как вы здесь очутились, – попросил Топор. – Я, конечно, просто так помирать не собирался, но не думал, что помощь вообще придет.

– Плохо ты знаешь еще свою жену, – усмехнулся Костя.

Пока он рассказывал Топору события последних суток, серое небо Зоны над головой затянули темные, почти черные тучи. Костя несколько раз с беспокойством посматривал вверх, но продолжал рассказывать.

– Не боись, – сказал Топор, очередной раз перехватив его взгляд. – Спрятаться нам все равно негде, а шалаш строить некогда. Да и не успеем.

Словно подслушав его слова, сверху принялись падать крупные дождевые капли.

– Пойдем, – сказал Топор, поднимаясь. – Дождь – лучший помощник сталкера. Да и о комфорте думать некогда будет.

– А если он окажется кислотным или радиоактивным? – с беспокойством спросил Костя.

– Ну и что ты сделаешь? – удивился Топор. – Если дождик успел где-то ядом напитаться, значит, судьба такая, помирать будем.

Разом, словно в небе открыли на полную кран, дождь пошел сильнее. Марина резво поднялась на ноги и подошла к мужу.

– Смотри в оба, – сказал он ей. – Во время дождя даже обычный человек может прекрасно различать большинство аномалий. Это как тысячи гаечек, которые бросать не надо. Да и подбирать – тоже не надо. Все, вперед. Нам нужен либо проход друг к другу, либо выход из этого поля.

Дождь действительно четко обозначил многие аномалии, но идти от этого намного легче не стало. Продолжая проверять дорогу длинными палками и комками земли, быстро промокший и замерзший Костя сперва злился на Топора, который обнадежил более легкой дорогой под дождем, а потом вдруг сообразил, что тот просто решил его поддержать. Ведь нет ничего важнее для сталкера, чем надежда.

Зато теперь, когда выдавалась возможность спокойно осмотреться по сторонам, Костя мог насладиться эффектной красотой настоящего представления, созданного природой из подручного материала – воды и аномалий. Дождевые капли, попадая в поле действия аномалий, то рассыпались в тончайшую водяную пыль, создававшую вокруг неприметной ямки красивое гало, то летели в разные стороны на манер фонтана, попав в «толкучку», то закручивались спиралями вокруг невидимых центров притяжения или резко меняли направление движения, словно дождю надоедало идти прямо и он поворачивал под немыслимыми углами к земле. Оказавшись в огненных аномалиях, вода немедленно испарялась, образуя пышные облака тяжелого пара, клубящегося и расползающегося вокруг, словно от пробудившегося вулкана. А там, где на сухих участках земли копили заряды электрические аномалии, было видно, как сотни крохотных молний разряжаются в падающие капли, не в силах набрать энергии для мощного разряда.

Одежда на Косте давно промокла насквозь, холодная вода стекала по шее за шиворот и заливала глаза, но, как и обещал Топор, обращать внимания на такие мелочи времени не было. И если возле едва заметного раскаленного шарика, висящего над землей, Костя даже слегка согрелся, то вскоре, допустив небольшую ошибку, чуть было не

провалился в яму, на дне которой почему-то не было воды, но прекрасно просматривалось подрагивание раскаленного воздуха.

27

Наиболее уязвимым местом для бронепоезда оказалась, разумеется, лаборатория. Ее обрезанная торцевая часть, наспех закрытая пленкой, была готовым входом для любого хищного зверья. Неудивительно, что первым делом Кудыкин предложил просто забаррикадировать дырку тяжелыми стеллажами и закрыть наглухо двери, ведущие внутрь поезда. Но этому резко воспротивился Ломакин.

– Полковник, у вас тут власть и сила. Все в итоге будет, как вы скажете. Но подумайте сами: что будет, если какая-нибудь тварь все-таки заберется в мою лабораторию?

– Если там не будет людей, этой самой твари просто нечего там будет делать, – парировал Кудыкин.

– Вы меня иногда так удивляете, – непривычно жестким голосом сказал Ломакин. – Мутанты, как правило, гораздо любопытнее обычных зверей. Случаев, когда научные помещения подвергались нашествию хищников даже тогда, когда никаких людей там и рядом не было, зафиксированно очень много. С большой долей вероятности ловец или любой другой антропоид разгромит внутри все, включая проводку и весьма нежные элементы конструкции установки. Лабораторию необходимо защищать лучше, чем какие-либо другие вагоны. Я сам готов возглавить оборону!

– Успокойтесь, Феоктист Борисович, – миролюбиво сказал Кудыкин. – Надо защищать – значит, будем защищать.

В итоге остаток коридора между основной частью лаборатории и дырой забили самым разным хламом, а уже за этой баррикадой оборудовали позиции для стрелков. Все оборудование, которое можно было легко демонтировать, сотрудники Ломакина перетаскали в штабной вагон, очень быстро сделав его похожим на склад. Установку огородили со всех сторон, закрыли мягкими матами и замотали брезентом, но все равно Ломакин ходил вокруг, охал, ахал и постоянно обещал за любую ошибку в создании защитного мягкого слоя над хрупкими элементами антенны самые жуткие кары.

Одновременно вокруг поезда тоже кипела работа, словно им предстояло не переночевать в безлюдном месте, а отбить как минимум танковую атаку целой армии.

Кудыкин успевал всюду. Выглядывая в окно, Ломакин видел его раздающим указания по установке противопехотных мин в промежутках между аномалиями, откуда кто-либо мог попытаться подойти к поезду. Переходя из вагона в вагон, чтобы добраться до тепловоза и договориться с машинистом о подключении к лаборатории резервных дизелей, слышал громкий голос полковника где-то на крыше. А вернувшись обратно к вагону лаборатории, застал его дающим указания по организации в баррикаде амбразур для ведения огня.

К тому времени, когда начало темнеть, вагоны бронепоезда походили на хорошо подготовленную к осаде крепость. Впечатленный размахом приготовлений, Ломакин даже пытался узнать, с каким врагом Кудыкин собрался вести ночью настолько масштабные боевые действия, на что полковник, криво усмехнувшись, сказал:

– Дорогой профессор, вы знаете, сколько мы потеряли солдат в прошлом году? Уверен, что нет, поскольку это вас никогда не интересовало. Мы были абсолютно уверены в своей неуязвимости и жестоко за это поплатились. Несколько часов назад мы потеряли восемь человек. Да, это были наемники, а не солдаты регулярной армии. Да, они знали, что идут на риск за хорошие деньги. Но для меня это были подчиненные, за которых я отвечал. И сегодняшние потери для меня ничуть не менее страшны, чем те, что мы понесли в прошлый раз. Я приложу все усилия, чтобы минимизировать потери при любом развития событий.

Ошеломленный речью Кудыкина, Феоктист Борисович промычал в ответ что-то несвязное и отправился проверять динамику роста энергетического потенциала в накопителях. Он, правда, остался при своем мнении относительно того, что принятые полковником меры избыточны, поскольку работающие всю ночь дизельные двигатели все равно будут отпугивать даже самую дерзкую живность.

Но полковник оказался прав, хотя угроза пришла совсем не оттуда, откуда ее ожидали. В первых, еще совсем невесомых сумерках вокруг поезда начали появляться люди. По внешнему виду это были сталкеры, но вели себя они довольно странно: не пытаясь подобраться

поближе, чтобы завязать разговор, останавливались на некотором отдалении и просто стояли, словно ждали какой-то общей команды.

После первого же доклада наблюдателей и отдачи необходимых распоряжений, Кудыкин поднялся на обзорную площадку и, взявшись за бинокль, медленно осмотрел непонятно откуда взявшееся «оцепление». Судя по внешнему виду, сталкеры здесь собрались самые разные – от вольных одиночек до небольших групп, принадлежащих самым разным кланам. Но что за цель собрала всех этих людей в одном месте, оставалось непонятным.

Правда, вскоре все выяснилось самым простым и быстрым способом. К штабному вагону подошел крепкий черноусый мужчина в куртке, наброшенной на плечи, как плащ, и, не обращая внимания на повернувшиеся в его сторону пулеметные стволы, помахал Кудыкину белой тряпкой. Тот факт, что он свободно миновал не только аномалии, но и минное поле, говорил о том, что с военными в Зоне сталкер сталкивается не в первый раз.

– Пустить парламентера, – скомандовал по рации полковник.

Затем он спустился в штабной вагон и весело спросил у Ломакина:

– Феоктист Борисович, не желаете принять участие в переговорах с очередным любителем чужих поездов? А то я сам себе потом не поверю, что такое вообще возможно.

– Отчего же не поговорить, – отозвался тот, всем своим видом выражая удивление. – Правду говорят, что история повторяется в виде фарса.

Черноусый мужчина вошел в вагон в сопровождении автоматчика, которого Кудыкин, впрочем, тут же отослал.

– Доброго вечера, – сказал сталкер.

Поздоровавшись в ответ, Кудыкин жестом предложил гостю стул и представился:

– Полковник Кудыкин, командир научной экспедиции центра исследования Зоны. Это профессор Ломакин, ведущий научный специалист. А кто вы такой?

– Я знаю вас, полковник, – степенно ответил черноусый, – как и господина Ломакина. Но не напрягайтесь, мы не встречались раньше лично. Меня же зовите Дрын.

– Давайте сразу к делу… Дрын, – сказал Кудыкин. – Как я понимаю, это ваши люди окружили поезд и хотят, видимо, поживиться на запасах беспомощной экспедиции. Хочу вас заверить, что у меня хватит патронов, чтобы раза три перебить всю вашу ватагу. Надеюсь, я достаточно прозрачно намекнул, что сдаваться мы не собираемся?

Последние слова он произнес с явной издевкой, но сталкер, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

– Нас не интересует ни ваш поезд, ни ваши припасы, – сказал он, оглаживая рукой усы. – Мы здесь с одной целью: помешать вам окончательно убить Зону.

Кудыкин и Ломакин переглянулись: абсурдность происходящего начала приобретать зловещий смысл.

– Милейший… – начал было Ломакин, но Дрын его перебил:

– Давайте обойдемся без ненужных никому объяснений. За вашими делишками мы следим уже давно. Год назад из-за ваших опытов в Зоне началось страшное, и мы не позволим вам сделать это еще раз. А ваши пулеметы, полковник Кудыкин, здесь никого не напугают. Странно, что вы сами не боитесь после того, как Зона вас здесь закрыла.

– Вы абсолютно ничего не понимаете и несете вздор, милейший Дрын! – резко выпалил Ломакин. – Никто Зону не собирается убивать. Мы приехали ее спасать!

– Тогда вам надо белый колпак с красным крестом, профессор Айболит, – с грубоватой насмешкой сказал Дрын. – Можете друг другу головы морочить. Мое дело было вам ультиматум объявить: попробуете запустить свои приборы – мы взорвем ваш поезд и не оставим в живых никого.

– Серьезное заявление, – сказал Кудыкин. – А есть чем его подкрепить?

– Погодите, полковник, – остановил его профессор. – Уважаемый Дрын, а с чего вы вообще взяли, что мы собираемся запускать здесь какие-то приборы?

– Слухами земля полнится, господин профессор, – с насмешкой ответствовал сталкер. – Я, пожалуй, пойду.

– Нет, погодите! – Ломакин подскочил к Дрыну, буквально нависая над ним, что смотрелось весьма комично. – Значит, вас не удивляет, что Зона якобы заблокировала бронепоезд. Но зачем тогда вы

сюда пришли? Ведь Зона, как выяснилось, сама может о себе позаботиться!

– В прошлый раз не смогла, – напомнил усач. – И сколько из-за этого народу за год пропало – никаким бронепоездом не измерить.

– И как долго вы собираетесь держать нас в осаде? – спросил Кудыкин. – Уехать мы все равно не можем.

– Давайте не будем горячиться, – вдруг сбавил тон Ломакин. – Если вы уделите мне десять минут, я готов вам все объяснить предельно честно и без задних мыслей. Проверить мою правдивость вы сможете, сопоставляя мои слова с фактами, о которых знаете сами.

– Отчего же не поговорить? – согласился Дрын. – Времени у нас много, заскучать еще успеем. Валяйте, профессор, убедите меня в своей безобидности для Зоны. Только обождите пару минут – мне надо своим сигнал подать, что со мной все в порядке. Полковник, можно мне подняться на крышу вашего вагона?

Кудыкин сделал вежливый жест в сторону лестницы и сам проследовал за Дрыном наверх. Оказавшись на обзорной площадке, сталкер восхищенно поцокал языком, оглядывая сверху все вагоны бронепоезда, а затем сделал несколько затейливых жестов руками в сторону людей, продолжающих стоять справа и слева от состава.

– Вы бы хоть для приличия спросили, почему никто не прячется, – шутливо предложил он, направляясь к люку.

– Они стоят за линией аномалий, – серьезно ответил Кудыкин. – И уверены, что прострелить поле действия этих аномалий без искажения траектории пули невозможно. В этом как раз ничего удивительного нет. Гораздо больше меня удивляет, как вам удалось собрать столь разношерстный отряд, незаметно провести его через Периметр, найти место, где мы оказались в ловушке. И сделать все это очень быстро по любым меркам.

Дрын с превосходством ухмыльнулся, но ничего не ответил и спустился в вагон. Кудыкин шел следом.

– Я в вашем распоряжении, профессор Ломакин, – сказал Дрын, весело скалясь. – Давайте лечите меня своим баснями.

Ломакин, не смущаясь из-за явного недоверия собеседника, принялся рассказывать предысторию создания бронепоезда, а Кудыкин, вызвав в штабной вагон сержанта Ложкина, снова поднялся на площадку. Бравируя перед Дрыном, он отдавал себе отчет в том,

что, несмотря на всю огневую мощь и достаточное количество людей, бронепоезд находится в безвыходном положении просто по факту отсутствия дороги. А выносные элементы установки, вся эта сложная архитектура излучателей и стабилизаторов, которым во время работы категорически противопоказаны даже малейшие вибрации, будут крайне уязвимы, если противник будет даже просто вяло постреливать и время от времени кидать гранаты.

Затребовав доклады от наблюдателей из каждого вагона, Кудыкин помахал рукой машинисту, выбравшемуся на крышу тепловоза, и спустился вниз. Судя по всему, Ломакин уже заканчивал свой рассказ. И по его торжествующему виду Кудыкин понял, что пока он сам предавался мрачным и слабовольным размышлениям наверху, Феоктист Борисович проводил самую лучшую военную операцию – превращал противника в союзника.

Дрын выглядел ошеломленным и растерянным. Лицо его выражало одновременно радость, стыд и раскаяние. Кудыкин с удивлением посмотрел на Ломакина: ранее он даже не подозревал, что профессор обладает красноречием, способным так быстро и с таким сокрушительным эффектом «развернуть» во взглядах взрослого, уверенного в себе мужчину.

– Полковник, простите меня, – сказал Дрын таким голосом, что Кудыкин даже начал приглядываться, не блестят ли в глазах парламентера слезы. – Мы же не знали, как оно на самом деле было. Я пойду к своим и все им расскажу. Мы так ошибались!

Он поднялся со стула и быстрым шагом направился к выходу. Изумленный Кудыкин отступил в сторону, давая ему проход, дождался, пока за Дрыном закроется дверь, а двое автоматчиков выпроводят парламентера из вагона, и только после этого перевел ошалелый взгляд на Ломакина:

– Профессор, что вы с ним сделали? Как вам его удалось переубедить?

– Рассказал правду, – пожал плечами Ломакин. – А правда обладает такой силой, что против нее ничто не может устоять.

– Да? И что же это за правда, которая его так растрогала?

– Он был убежден, что мы едем уничтожать Зону, а я ему убедительно доказал, что Зона как раз-таки умирает без нашего

вмешательства. И что хуже уже не будет, даже если мы будем ставить эксперименты с утра до вечера. Вон он и обрадовался.

– Верится с трудом, – честно сказал Кудыкин.

– А может быть, он просто получил интересующую его информацию и решил, что теперь мы гарантированно можем быть нейтрализованы в любой момент, – добавил Ломакин.

– С этого места поподробнее, – попросил заинтригованный Кудыкин.

– Я рассказал ему, что те элементы установки, что они видят сейчас – ложные. И по ним можно стрелять сколько угодно. Что на самом деле для работы установки необходимо выкатывать оборудование из поезда, раскрывать дополнительные элементы. И что все это мы сможем сделать не ранее завтрашнего вечера. Думаю, этот дурачок поверил и побежал рассказывать своим дружкам, что до завтрашнего вечера точно ничего не будет, а если чего начнется – это легко заметить и предотвратить.

– Это невероятно, профессор, – сказал Кудыкин с улыбкой. – Я потрясен вашим коварством.

– А может быть, он поверил в нашу спасательную миссию. Тогда все еще лучше получится. Погодите, они нас еще защищать будут от мутантов, – похвастался Ломакин. – И тогда вы увидите, что интеллект – нисколь не менее грозное оружие, чем пистолет.

– Никогда в этом и не сомневался, профессор, – с уважением сказал Кудыкин.

– Пойду проверю, как там дела в лаборатории, – хмыкнул довольный Ломакин.

– Конечно, профессор, – сказал Кудыкин.

Но когда сержант Ложкин, сидевший до этого в дальнем углу на стуле, поднялся и быстро двинулся следом за Ломакиным, полковник придержал его, дал профессору выйти за дверь и тихо сказал:

– Смотри за ним в оба, сержант. Очень мне не нравится то, что здесь сейчас произошло.

– Я не заметил следов ментального воздействия, товарищ полковник, – также тихо ответил Ложкин. – Хотя это еще ничего не значит.

– Вот именно, – подтвердил Кудыкин. – Совсем ничего. Они с Версоцким одного поля ягода – я уверен в этом. И раз тот сумел стать

таким монстром, значит, и этот может что-то такое же уметь.

– Я все понял, товарищ полковник, – сказал Ложкин. – Не волнуйтесь, меня он своими разговорами не обманет.

* * *

Ночь подступала все ближе. По докладам наблюдателей, люди, оцепившие бронепоезд, продолжали стоять как ни в чем не бывало, даже не пытаясь разбить лагерь и развести костры. Кудыкин начал нервничать. Неопределенность обстановки могла закончиться чем угодно – от ночного штурма до попытки уничтожить состав целиком – и требовала принятия решений, которые запросто могли быть истолкованы неизвестными, как попытка нападения. Поэтому, когда возле вагона снова появился Дрын и постучал кулаком в металлический борт, полковник испытал определенное облегчение.

Подниматься в вагон сталкер отказался. Дождавшись, пока в дверном проеме покажется Кудыкин, он сказал:

– Мы приняли решение и будем защищать ваш поезд, полковник. Заодно и нам будет проще ночью, имея за спиной такую поддержку. Внутрь, я полагаю, вы нас все равно не пустите?

Кудыкин в полном изумлении воззрился на него.

– Я так и думал, – констатировал Дрын. – Но хотя бы в спину нам не стреляйте, если вдруг ночью какой кавардак поднимется. Зверушки здесь активные, может, и отбиваться придется.

– На этот счет не волнуйтесь, – сказал Кудыкин. – Мои солдаты стреляют только по приказу.

– Отлично, полковник, тогда до утра, – махнул рукой Дрын и сошел с насыпи, ловко обогнув едва заметные холмики над противопехотными минами.

Хотя больше ничего особенного не происходило, люди на бронепоезде были слишком взбудоражены дневными событиями, чтобы ложиться спать. Сделав слабую попытку устроить гарнизон поезда на ночь, Кудыкин махнул рукой на распорядок, провел совещание со старшими вагонов и с командирами отделений, после чего отправил всех по местам, оставив при себе только Ломакина и сержанта Ложкина. Ложкин, правда, немедленно устроился в самом темном углу и стал не более заметен, чем любой предмет мебели.

– Знаете, профессор, – сказал Кудыкин сидящему напротив за столом Ломакину, – меня все чаще посещают странные мысли,

касающиеся того места, где мы с вами находимся.

– Испытываете ощущение дежавю? – осведомился тот.

– Нет, все немного сложнее. Как вы с научной точки зрения объясняете себе все, что с нами здесь происходит? Я не про перемещение целых территорий в пространстве и времени, хотя это тоже может свести с ума, если вдумываться, а не просто принимать как данность. Вы не можете не замечать, что события складываются в очень строгую логическую картинку, а связку между самыми разными событиями обеспечивают удивительные совпадения.

– В теории удивительные совпадения не противоречат законам физики, – пожал плечами Ломакин.

– Вот то-то и оно, – закивал Кудыкин. – Если посмотреть на происходящее по отдельности, то вроде бы ничего особенного, мистического или ненаучного, не происходит. Но стоит охватить происходящее одним взглядом, увидеть взаимосвязи между разными событиями, и сразу настоящая чертовщина получается.

– Или вера в то, что Зона разумна, – поддакнул Ломакин. – Все верно, полковник. Очень странно слышать все это от вас, военного человека. С вашим складом ума вы могли бы стать философом или ученым.

– Кому-то ведь надо защищать и философов, и ученых, – сказал Кудыкин. – Даже если потом они распространяют слухи о военных как о безжалостных и тупых солдафонах.

– Полноте, полковник, – удивился Ломакин. – Откуда эти детские обиды?

– Нет никаких обид. Я просто констатирую факт. Люди часто обвиняют военных в ограниченности. Притом что дураков в армии ничуть не больше, чем на «гражданке».

– Если существует устойчивая равновесная система, то всякое изменение, которое происходит в рамках ее внутренней стабилизации, может показаться стороннему наблюдателю неким целенаправленным действием. Но участие в этом процессе разума совершенно необязательно, – продолжая начатый разговор, сказал Ломакин. – Это не означает, что наличие разума исключено. Но когда все можно объяснить без привлечения лишних сущностей, образованные люди стараются оперировать минимальным набором допущений. Например, пуля, что вылетает из ствола пистолета, запросто может так себя вести

потому, что ее движением распоряжается некая высшая сила. Но если можно дать более простое объяснение, например, резким увеличением объема газов в канале ствола и, как следствие, ростом давления, боги как действующая сила становятся не нужны. Хотя верить в то, что именно они заведуют работой вашего оружия, вам никто не запрещает.

– Значит, никакой разумной Зоны нет и быть не может? – спросил Кудыкин.

– Нет, это означает, что очень часто то, что кажется нам проявлением чужой и совершенно непонятной злокозненной воли, – сказал Ломакин, – является лишь работой замкнутой системы, всех механизмов которой мы не замечаем или не понимаем, что они к ней относятся.

28

Дождь прекратился. Постепенно становилось все темней. Измученным себя чувствовал даже Костя, что же касается Марины, то на нее уже и смотреть было невозможно без сочувствия. Только Топор, казалось, не чувствовал усталости и боли. Они шли уже достаточно долго, но ни малейших признаков границ аномального поля заметно не было. Единственной радостью стал наметившийся подъем, из-за чего под ногами сперва перестала хлюпать вода, а потом земля и вовсе стала сухой.

А вскоре появилась и надежда, что Косте удастся перебраться к Топору и Марине. Ведь вслед за целым скоплением аномалий, хорошо видимых даже невооруженным глазом, виднелся пятачок совершенно нормальной на первый взгляд земли. Единственная аномалия, препятствующая немедленному воссоединению с друзьями, не выглядела опасной. Просто из земли торчал раскаленный докрасна округлый бок закопанного в землю большого детского мяча. Во всяком случае, так Косте показалось вначале.

Топор и Марина подошли к раскаленному и утопленному в землю шару с другой стороны и остановились. Ни справа, ни слева обойти шар не получалось – все пространство было плотно перекрыто самыми разными аномалиями, выглядевшими достаточно зловеще.

– Может, попробуешь перепрыгнуть? – спросила Марина. – Он же невысоко из земли торчит.

– Ты уже забыла, что иногда происходит с предметами над ловушкой? – спросил Топор. – Давай сперва попробуем чем-нибудь проверить.

Костя не поленился отломить от ближайшего дерева длинную ветку и осторожно провел ей над шаром. За доли секунды ветка вспыхнула огнем, точно ее полили бензином, и тот кусок, что оказался над аномалией, сгорел дотла.

– Не выйдет и здесь перелезть, – с тяжелым вздохом констатировал Опер.

– Зато мы можем здесь переночевать, – сказал Топор. – Тепло и относительно безопасно. И костер разводить не надо.

– А ты хоть знаешь, что это? – спросил Костя. – Я такой штуки еще ни разу в Зоне не видал.

– Не поручусь за точность, – ответил Топор, осторожно протягивая руки в сторону раскаленной полусферы, торчащей из земли, – но мне кажется, что так должно выглядеть ядро старой гравитационной аномалии.

– А если оно радиоактивно?

– Так ты можешь получить дозу, усевшись даже у неприметной кочки. Это Зона. Такой риск неизбежен.

Пока они говорили, Марина просто подошла поближе, пощупала сухую и разогретую аномалией землю и улеглась, блаженно вытянув ноги.

– Вы тут, мальчики, еще поболтайте, – слабым голосом сказала она, – а я посплю.

Глядя на нее, Костя ощутил, как сильно он устал, и просто уселся там, где стоял. А вот Топор отошел в сторону, осмотрел скопления аномалий по обе стороны от раскаленного шара и только тогда уселся напротив Кости. Вид у него при этом был озадаченный.

– Знаешь, – сказал он. – Именно в такие минуты мне кажется, что Она – разумна.

– Надеюсь, ты не обо мне говоришь, – сонным голосом сказала Марина.

– Нет, солнышко, – ответил Топор. – Относительно тебя, мне такие мысли никогда в голову не приходили.

– Хам, – умиротворенно сказала Марина, устраивая голову на ноге мужа и закрывая глаза.

– Ведь посмотри, – продолжал Топор, обращаясь к Косте. – Мы достаточно легко ушли в аномальное поле, а выйти из него не можем. И вместе сойтись не можем. Я о таком даже не слышал никогда.

– Ну да, – устало сказал тот. – Точно два коридора нам проложили. Иди, но только куда надо, вдоль стеночки!

– Именно, – подтвердил Топор. – Вот это меня и пугает.

– Я не верю в разумность Зоны, – честно признался Костя. – Но с уважением отношусь к точке зрения сталкеров старой школы.

– Ишь ты как заговорил! – с насмешкой в голосе сказал Топор. – Прямо представитель новой школы во всей красе! Расскажи мне лучше, новый сталкер, что последнее время в Зоне происходит? Мне

Хантер что-то такое втирал, но я эту гиену слушать не стал. Неужели правда творится что-то серьезное?

– Да, более чем, – нехотя сказал Костя. – Из-за этого, похоже, и я проблемы заполучил.

– Выкладывай, – потребовал Топор. – Пока все не расскажешь, спать не отпущу. Мне завтра по Зоне идти, я должен понимать, что может встретиться из свежачка.

И Костя рассказал.

Хотя никаких явных доказательств тому не было, многие сталкеры сходились во мнении, что все началось после мутной истории, слухи о которой начали гулять по Зоне около года назад. Якобы какой-то бронепоезд ненадолго, буквально на пару часов заехал в Зону и сбросил там какую-то дрянь, придуманную умниками из центра исследования. Сама Зона «знала» об этом заранее и защищалась изо всех сил, отправив на уничтожение адского поезда всех своих созданий, но сумела лишь основательно проредить экипаж бронепоезда.

– Что, вот все именно так? – удивился Топор. – Дословно?

– Дословно, – подтвердил Костя. – Рассказываю наиболее устоявшуюся и «абсолютно правдивую» версию, в которую верят большинство сталкеров.

– Обалдеть, – сказал Топор. – Хотя чему я удивляюсь? Люди и не в такую ахинею верят.

– Проклятые ученые сумели закончить свой убийственный эксперимент, и Зона получила незаживающую смертельную травму. После чего и начались весьма странные вещи. Странные, даже по меркам Зоны.

– Значит, в этом Хантер не соврал, – сказал Топор.

Первое, что услышал обо всем этом Костя, проходивший на тот момент обучение в одном из сталкерских кланов для новичков, стал рассказ одного из сталкеров-одиночек, зашедшего на базу клана повидать друзей да слить немного хабара. Его небольшую группу на выходе внезапно атаковала стая угольно-черных мутсобак. Притом что никто и никогда животных такого окраса не видел. Все мутсобаки обычно были светло-коричневыми или даже бежевыми, иногда коричневыми с палевыми оттенками, но черные животные слишком быстро погибали в Зоне, чтобы дать устойчивое потомство.

Черные мутсобаки не обладали какими-то выдающимися кондициями, но оказались на редкость агрессивными и совершенно не боялись аномалий. Поэтому четверо из группы погибли почти сразу, просто по привычке укрывшись за «тянучкой» – на них собаки напали с разных сторон, несмотря на то что несколько зверей успели до этого попасть в ловушку и погибнуть. Казалось, что мутов только раззадорила гибель собратьев. Остальным сталкерам пришлось бежать в развалины старого здания и сперва отбиваться от психованных зверей, а потом вести методичную зачистку всего здания. Здесь группа потеряла еще двоих.

Следующий «звоночек» прозвенел, когда вечером в баре старый знакомый, которому Костя верил абсолютно, рассказал, как у него на глазах «штук десять аномалий сошлись воедино и улетели на небо». Человек этот был серьезный, в Зоне не употреблял и веселящими грибами не баловался. Для себя Костя решил, что этому сталкеру, человеку в возрасте, все могло и почудиться. От усталости или еще от чего. Но осадочек остался. Тем более что со временем подобных рассказов становилось все больше и больше. И если поначалу на них почти не обращали внимания, то со временем они стали обрастать не только подробностями, но и поклонниками, верящими в них фанатично и готовыми слушать их часами.

– Так все только из-за этого? – удивился Топор. – Из-за якобы чудесной пропажи аномалий?

Костя протянул руки в сторону раскаленной сферы, торчащей из земли, словно грелся у самого настоящего костра.

– Нет, – сказал он. – Потом начали пропадать люди. Но это еще ладно, в Зоне люди всегда пропадали, и очень часто бесследно. Хуже другое: там стали появляться люди. Не приходить из-за Периметра, а появляться непонятно откуда.

– Я ничего об этом не слышал, – сказал потрясенный Топор.

– Эту информацию стараются не выносить выше уровня местных властей. Уж больно много тогда проблем может возникнуть. А вопросов – еще больше.

– Погоди-погоди, – сказал Топор. – Но вот эти люди, что появляются, как ты говоришь, в Зоне… Они-то чего говорят? Откуда взялись?

– Ничего они не говорят, – сказал Костя и попробовал бросить в сторону раскаленной полусферы маленький камешек. Еще в воздухе тот раскалился докрасна и лопнул, разбрызгавшись по красной поверхности огненными брызгами.

– Их до Периметра не так и много добралось, чтобы кто-то мог детально их расспросить, – продолжал как ни в чем не бывало Костя. – А тех, кого допросили, либо в дурку сдали, либо в больничку для лечения амнезии. Поэтому достоверных данных нет. Но люди говорили странное. Якобы кто-то видел в бинокль своего старого приятеля, погибшего несколько лет тому назад в «разряднике».

– Выжил и попал под кукловода? – предположил Топор.

– В том-то и дело, что человек после гибели товарища видел то, что от него осталось, и даже лично хоронил. А когда смотрел в бинокль, приятель выглядел абсолютно целым и принципиально живым. Человек долго его разглядывал не в силах поверить. Все разглядел, до последней мелочи, и утверждает, что ошибиться было нельзя.

– Ну так чего ж не подошел поговорить? Или не поймал его?

– Нет. Шел, звал, но исчез человек, а куда – неясно.

– Глюки? – задал риторический вопрос Топор.

– Вот это мне и не нравится, – возразил Костя. – Куча странностей, а объяснение всем им одно – галлюцинация и психоз. Но зато все это очень похоже, хоть и не в точности, на тех людей, которых ты привел к бронепоезду. Ведь они проболтались в Зоне много лет, оставаясь уверенными, что прошло лишь несколько дней.

– Я о них, кстати, ничего не знаю, – признался Топор. – Военное ведомство их сразу забрало для реабилитации, благо, речь шла о военнослужащих, и тут же наложило такой уровень секретности, что даже я со своими министерскими полномочиями ничего узнать не могу. И больше всего мне не нравится, что все это увязано с нашей поездкой. Надо выбираться и срочно поднимать тревогу. Странно, что местные власти все скрывали, вместо того чтобы давно нагнать сюда умных парней, которые бы во всем разобрались в два счета.

– Думаю, что все умные парни и так давно уже здесь, – не согласился Костя. – А Ломакин и Версоцкий – и вовсе были одни из лучших среди умных… Слушай, я уже не могу говорить. Спать охота – сил нет. Давай укладываться.

– Спи, я покараулю, – сказал Топор. – Все равно не усну. Да и выспался за последние дни на неделю вперед.

Он осторожно повернулся, стараясь не разбудить Марину.

– Ты уверен? – на всякий случай спросил Костя, с трудом подавляя желание немедленно растянуться на теплой земле, закрыть глаза и провалиться в сладкий сон.

– Не боись, в обиду себя не дам, – усмехнулся Топор. – Закрывай глаза и спи.

29

Несмотря на то что они, как и днем, сидели в штабном вагоне, почему-то именно сейчас было очень хорошо слышно, как гудят дизельные двигатели, набивая энергией накопители лаборатории. Этот равномерный гул, вопреки ожиданиям, не успокаивал, а, казалось, напротив, заставлял вслушиваться, чтобы быть уверенным, что все будет хорошо, что время не уходит попусту и с каждой секундой финал всего предприятия становится все ближе.

Выстрел снаружи заставил обоих замолчать и повернуть головы к окну, хотя оно было закрыто на ночь бронеставнем и задернуто изнутри плотной шторой.

– Ну, вот и началось, – сказал Кудыкин и, нажав тангенту на рации, скомандовал: – Бронепоезд, внимание! Тревога!

Через несколько секунд по громкой общей связи, которую включил Кудыкин, посыпались доклады о готовности. Полковник почти бегом рванул по лестнице на смотровую площадку. Следом шустро семенил Ломакин, за которым, в свою очередь, бесшумной тенью двигался Ложкин.

К тому времени, когда они поднялись на крышу вагона, остатки ночной тишины уже вовсю раздирали короткие автоматные очереди с разных сторон. В полной темноте, лишь слегка разбавленной чуть более светлым небом, вокруг поезда вспыхивали длинные огненные факелы, направленные куда-то вовне. Иногда длинной пульсирующей строчкой, видимо, указывая цель, в сторону от состава уходил трассер.

– Куда они стреляют?! – закричал на ухо Кудыкину профессор. – Я ничего не вижу!

Кудыкин, не отрываясь от массивного бинокля, предусмотрительно прихваченного из вагона, ответил:

– У ребят чуть ли не поголовно приборы ночного видения. Хорошо экипированы.

– А почему вы не отдаете приказ о начале обстрела? – спросил Ломакин. – Ведь они же нас защищают. Надо же помочь!

– Я не понимаю, что происходит, профессор, – спокойно ответил Кудыкин, продолжая разглядывать поле боя в свой «ночной»

бинокль. – Ни кто эти люди, ни как они сюда попали, ни кто их так хорошо снарядил, ни даже почему это вдруг мутанты сюда идут, как на запах свежего корма. А когда я не понимаю происходящего, то стараюсь не делать лишних телодвижений без крайней необходимости.

– Так они же нас защищают! Что тут думать? – удивился Ломакин, но полковник не удостоил его ответом.

Тем временем ночной бой только набирал обороты. Со всех сторон уже раздавались беспорядочная стрельба, хриплые команды и яростное рычание каких-то зверей. Бронепоезд, почти неразличимый в темноте, оказался буквально окружен огненными факелами выстрелов.

Вдруг рядом со штабным вагоном появился человек и заорал вверх, потрясая автоматом:

– Эй, вы, на поезде? Помогите хоть немного, за вас же умираем!

Кудыкин отдал по рации какую-то команду, и через несколько секунд над бронепоездом взмыли вверх и закачались на парашютах осветительные ракеты. Все пространство вокруг оказалось залито мертвенно-белым светом.

И сразу стали видны люди, стоящие спинами к поезду и оскаленные пасти наступающего со всех сторон зверья.

– Это очень не похоже на обычное поведение мутантов! – громко сказал Кудыкин, явно адресуя свои слова Ломакину, но не поворачиваясь к нему. – Что скажете, Феоктист Борисович?

Далеко слева яркая вспышка озарила темноту, а следом грохнул взрыв.

– Не факт, что в Зоне сейчас вообще осталось хоть что-нибудь обычное, – ответил Ломакин. – По правде, появление гектаров земли из другого места меня впечатляет гораздо больше!

– Товарищ полковник, может, подсобим огоньком? – спросил кто-то по рации.

– Огонь открывать только по моей команде, – жестко сказал Кудыкин.

– Чего вы боитесь? – спросил Ломакин. – Я не понимаю, где вы ждете подвоха. Если бы не эти сталкеры, все это зверье уже было бы здесь.

– И что дальше? – спросил Кудыкин, впервые отрываясь от бинокля.

Свет догорающих ракет позволил Ломакину разглядеть недоверчивую ухмылку на лице командира бронепоезда. Затем ракета опустилась совсем низко, и поезд вновь затопила тьма, разрываемая время от времени лишь огнем автоматных очередей.

– Ну, пришли бы мутсобаки к поезду, погрызли бы броню. Ну, пометили бы колеса у вагонов – что с того, какая нам печаль? Какой толк от этой бойни внизу?

– Да какая разница? – поразился Ломакин. – Там, внизу, люди, которые за нас готовы умереть. А вы вместо помощи загадываете сами себе конспирологические загадки. Вас не учили в училищах военных, что человеческая жизнь бесценна?

– Профессор, вы лучше занимайтесь своей наукой, – раздраженно сказал Кудыкин, – а дешевое морализаторство оставьте телевизионным брехунам. Мне же позвольте делать свою работу так, как я считаю нужным.

– Эй, на броне, ну помогите же нам! – заорали снизу.

– Вы просто тупой солдафон, – с чувством сказал Ломакин.

– Еще какой, – не стал обижаться Кудыкин.

Тем временем бой в темное принимал все более ожесточенный характер. То там, то тут вспыхивали разряды аномалий и тогда на секунду становились видны позиции людей и целые полчища мутантов. Сталкеры явно стояли в проходах между аномалий и стреляли по зверям только тогда, когда те подходили на расстояние броска.

Снова прогремел взрыв гранаты.

– Старшим вагонов, слушай мой приказ, – сказал Кудыкин в рацию. – Выдать всему личному составу легкие бронежилеты. Немедленно!

– Бронежилеты-то зачем? – с упреком и удивлением в голосе спросил Ломакин. – Совсем необязательно выпускать солдат наружу – достаточно помочь нашим союзникам огнем.

– Не знаю, – честно ответил Кудыкин. – Предчувствие у меня плохое.

Жуткий рев раздался откуда-то из темноты, и ответом ему стали испуганные крики людей. Точно такой же рев прозвучал и с другой стороны.

– Включить внешние прожектора по всему периметру, – скомандовал в рацию Кудыкин.

Через несколько секунд яркие огни озарили пространство вокруг поезда, и стало видно, как испуганные люди выбегают из аномальных полей, умудряясь при этом не наступать на мины, и замирают спиной к броне вагонов.

– Эй, на броне! – заорал один из них, и Ломакин узнал в нем Дрына. – Пустите погреться, а то нас сейчас тут жрать будут!

– Товарищ полковник, тут народ собирается, а через аномалии зверье лезет как ненормальное. Прикажите пустить людей.

– Чего вы боитесь, полковник? – спросил Ломакин. – И вообще: у нас охраны стало меньше, а тут народ добровольно за нас жизнь кладет!

– Вот это и странно, – сказал Кудыкин.

Новый чудовищный рык из темноты заставил людей шарахнуться ближе к вагону.

Вдоль насыпи появлялось все больше людей, периодически стреляющих куда-то в темноту, причем траекторию пуль было прекрасно видно по вспышкам аномалий. Судя по всему, большинство выстрелов не достигали цели.

– Эй, на поезде! – закричал кто-то из сталкеров внизу. – Вы там совсем от страха уже спятили?!

В освещенное пространство рядом с поездом вдруг высунулась здоровая лохматая голова, схватила за руку ближайшего человека и рывком утащила в темноту. Толпа заорала на разные голоса, десятки автоматов разом ударили вслед зверюге, но торжествующий рев мутанта звучал словно издевательство над беспомощностью людей.

– Хорошо, – не выдержал Кудыкин и включил рацию. – Сомов, слышишь меня?

– Слышу, товарищ полковник.

– Освобождай свой вагон, переводи людей к соседям справа и слева. Потом лично проверишь, что оба тамбура заперты, впустишь отряд снаружи в вагон и по улице перейдешь ко мне, в штабной. Все понял?

– Так точно! Только зачем тамбуры закрывать?

– Это приказ! И еще. Оставь им на столе рацию.

– Все понял, товарищ полковник. Разрешите исполнять?

30

Незваные защитники, которых в итоге самих пришлось спасать, поместились в один вагон без особых проблем. Несмотря на то что отряд был собран из самой разношерстной публики, приказы своего командира они выполняли беспрекословно, быстро и точно. Глядя на эвакуацию чужого отряда с поля боя, Кудыкин одобрительно кивал, признавая, что получил в качестве неожиданного подкрепления не какой-нибудь сброд, а вполне неплохих бойцов.

Последние сталкеры из чужого отряда отходили спокойно и организованно, сдерживая плотным огнем прущую напролом массу мутантов. Теперь, когда звери начали появляться рядом с вагонами, освещения прожекторов хватало, чтобы разглядеть отдельных особей. Ломакин даже взялся перечислять вслух всех мутантов, которых сумел опознать, но в этот момент Кудыкин разрешил поддержать союзников огнем, и оба борта бронепоезда озарились дружными очередями тяжелых пулеметов, полностью заглушив зоологическую лекцию профессора.

Сплошным потоком посыпались стреляные гильзы, пороховая вонь забивала нос и горло, мешая дышать. Огненная метла отбросила все живое от вагонов обратно, в темноту, оставив десятки разорванных в клочья трупов. Последний из сталкеров забрался в вагон, и за ним с тяжелым лязгом закрылась бронированная дверь. Наступила тишина, в которой слышалось разочарованное рычание и жалобное повизгивание зверья, которое больше не лезло к вагонам. И гул работы дизельных двигателей, который все-таки нисколько не напугал мутантов.

– Интересно, что ни одна из мин так и не сработала, – сказал Кудыкин, опуская бинокль. И добавил в рацию: – Убрать свет.

Прожекторы погасли, и в наступившей темноте стало вновь заметно слабое мерцание аномалий.

– Эй, Дрын, – сказал Кудыкин в рацию. – Как вы там устроились?

Никто ему не ответил, зато сержант Ложкин тихо сказал:

– Смотрите.

На крыше того вагона, куда забрались пришлые сталкеры, появилась темная тень. Без сомнений, это был человек, но вагон не

был оснащен обзорной площадкой и лестницей, которая вела бы на крышу. Не успел никто среагировать, как рядом с первой тенью появилась вторая. И почти тут же – третья.

– Да они в окна на крышу лезут! – ахнул Ложкин.

Словно услышав его голос, человек на крыше повернул автомат, и яркая вспышка длинной очереди ослепила всех, кто стоял на площадке. Вокруг раздались резкие металлические удары, завизжали, рикошетируя, пули. Ложкин бросился на Ломакина и сбил его с ног, а Кудыкин распластался на площадке, слепо нашаривая в кобуре пистолет. Впрочем, это была инстинктивная реакция, ведь под рукой у него было и более серьезное оружие.

– Внимание, бронепоезд! – крикнул он в рацию, и темные фигуры тут же принялись стрелять на звук его голоса. – Тревога! Пришлые оказались предателями! Огонь на поражение! Повторяю: разрешаю открыть огонь на поражение.

Где-то внутри вагона глухо простучал автомат.

Ложкин уже столкнул Ломакина в люк и теперь тянул за ногу Кудыкина.

– Пулемет неси! – рявкнул на него полковник, дергая ногой. – Там, в сейфе! Сейф открыт!

Новая очередь прошила сверкающим трассером темное небо над головой. Кудыкин поднял руку с пистолетом и несколько раз выстрелил вслепую. Тяжелый шлепок снизу возвестил о встрече чьего-то тела с землей.

Снова, приглушенные стенками вагонов, застучали автоматы. Готовый стрелять, Кудыкин приподнялся, чтобы оценить обстановку, и неожиданно получил сильный удар ногой в бок – один из пришлых сталкеров умудрился незамеченным подобраться поближе и ринулся в рукопашную. От удара Кудыкина развернуло, но он успел сгруппироваться и превратить падение в полукувырок через плечо. И когда сталкер прыгнул за ним следом, пытаясь добить полковника прикладом, то нарвался на встречное движение, которым Кудыкин бросил себя вперед и вверх, навстречу противнику. Поднырнув под руку с автоматом, он головой ударил сталкера в лицо и буквально ощутил, как крошатся во рту зубы противника. А когда тот рухнул навзничь, добил его выстрелом из пистолета в грудь.

И как раз в этот момент на краю вагона появилось сразу три темные тени, готовые закончить начатое. Кудыкин прыгнул назад, понимая, что не успевает ни спрятаться, ни убежать, но надеясь, что еще успеет кого-то подстрелить. И чуть не провалился в люк, откуда как раз поднялся Ложкин с ручным пулеметом наперевес. Страшный на таком расстоянии огонь пулемета разметал темные фигуры, и хотя нападавшие тоже успели открыть огонь, все их трассирующие очереди ушли в небо.

Ложкин сделал еще два шага, поднимаясь по ступенькам, закрыл собой Кудыкина и прямо с рук дал длинную очередь веером вдоль крыши вагонов. Судя по лихорадочной перестрелке внизу, бой шел уже сразу в нескольких вагонах.

На крыше вновь появились темные тени, и Ложкин снова открыл огонь. В ответ засверкали вспышки, и вокруг снова начали раздаваться мощные и звонкие удары пуль о металл. Кудыкин заменил обойму в пистолете, высунулся из-за сержанта и за несколько секунд расстрелял все патроны.

Где-то впереди в одном из вагонов гулко бумкнуло – судя по всему, в ход пошли гранаты.

– Вперед! – приказал Кудыкин появившимся в люке солдатам и первым ринулся на крышу соседнего вагона, на ходу вставляя в пистолет очередную обойму.

Под ногами, в вагонах выстрелы звучали все реже, зато теперь было отчетливо слышно, как кричат сошедшиеся в рукопашной схватке люди.

Перебравшись через вагон и оказавшись на следующем, Кудыкин заметил лезущего из окна на крышу человека.

– Звание! – крикнул он, направляя на человека пистолет.

– Генерал! – заорал тот, вынося вперед руку с обрезом карабина.

– Разжалован! – рявкнул Кудыкин и выстрелил чужаку в лицо.

Слева выдвинулся Ложкин, и снова пулеметная очередь сбросила несколько ползущих наверх фигур. Стреляные гильзы веселым звонким ручейком скакали по броне вагона и сыпались вниз. Уже во всех вагонах раздавались одиночные выстрелы и хриплые вопли дерущихся людей.

– В окна! Живо! – скомандовал Кудыкин и лег на живот. – Придержи за ноги!

Солдат вцепился в лодыжки полковника, и тот, не раздумывая, скользнул на животе вниз и заглянул в открытое окно.

Первым, что заметил в слабом мерцании аварийных светильников Кудыкин, были спины нескольких сталкеров, стрелявших по очереди в открытую дверь куда-то вдоль вагона. Полковник тут же направил на них пистолет и за пару секунд опустошил обойму. Несколько человек рухнули на пол и забились в конвульсиях, но как минимум двое развернулись и, еще не сориентировавшись, открыли огонь наугад.

– Тяни! – заорал Кудыкин и спустя мгновение оказался на крыше.

По голове текло что-то теплое и заливало глаза. Полковник обтерся рукавом, оглядел, насколько позволяла темень, своих солдат и жадно спросил:

– Гранаты есть?

В соседнем вагоне вдруг началась отчаянная стрельба, словно несколько человек с автоматами стреляли наперегонки.

– Есть, – сказал один из солдат, – вот!

– Оформи вагон, – распорядился Кудыкин.

Ложкин поднял пулемет и длинной очередью сбил сразу две темные фигуры на тепловозе.

Солдат послушно лег на живот с гранатой в руке, второй держал его за ноги. Короткое движение вниз, словно они пытались ловить в ночи рыбу на гигантского живца, и в тот момент, когда хозяина гранаты втянули обратно на крышу, под ногами утробно бумкнуло и тут же пронзительно закричали люди.

– Вперед! – крикнул Кудыкин и первым полез вниз, в окно.

Ложкин сунул пулемет в руки еще подоспевшему из штабного вагона солдату и тоже заскользил на животе ногами вниз, стараясь сразу попасть в окно.

Они шли по вагонам, готовые убивать, но оказалось, что в основном бой уже почти закончился. Будь в охране поезда обычные солдаты, все могло получиться иначе, но огромная масса сталкеров, привыкших жить в постоянной опасности и регулярно получающих опыт боев, в том числе в помещениях, оказавшихся в охране, оказалась нападавшим «не по зубам».

– Мне нужен пленный! – кричал Кудыкин, переходя из вагона в вагон и убеждаясь, что разозленные неожиданным нападением и

смертью товарищей сталкеры из охраны бронепоезда безжалостно перебили всех чужаков.

Через полчаса, получив все доклады, Кудыкин, морщась от досады и непроизвольно трогая рукой забинтованную голову, подводил итоги. На бронепоезде потеряли двенадцать человек и еще два десятка получили ранения. Чужаков вырезали добрых семь десятков с хвостиком и повыбрасывали трупы на улицу, оставив лишь несколько тел для внимательного изучения поутру.

А потом Кудыкин велел выставить часовых и обязал всех ложиться спать приказом.

– Завтра у нас трудный день, – сказал он по общей связи. – Всем понадобится очень много сил. Приказываю спать, даже если очень сильно не хочется.

31

За ночь Топор так и не сомкнул глаз. Проснувшийся лишь начало светать Костя обнаружил его все также сидящим по ту сторону от раскаленного шара аномалии. Марина спала рядом, свернувшись калачиком.

Заметив, что Костя проснулся, Топор помахал ему рукой и принялся будить Марину.

Стоило отойти от раскаленной аномалии подальше, как сразу становилось понятно, что ночью заметно похолодало. Поэтому вскоре все трое стояли, протянув руки в сторону огненного шара, торчащего из обугленной и спекшейся в корку земли.

– Завтрак сегодня не предусмотрен, – весело сообщил Топор, – что значительно сокращает время на сборы.

– Нам бы сегодня найти проход в аномалиях, чтобы перейти на одну сторону. А потом придумать, как выбираться отсюда, – сказала Марина.

Несмотря на то что волосы ее были спутаны, одежда испачкана грязью, а лицо выглядело опухшим, говорила она спокойно и уверенно.

– Мы забыли вчера сделать самое главное, – сказал Топор. – Договориться на тот случай, если не сможем перейти на одну сторону. Ничего страшного в этом нет. Костя уже вполне самостоятельный сталкер, я тоже еще не все забыл. Поэтому, если в какой-то момент встретиться нам не удастся, просто начинаем самостоятельно выбираться наружу. По выходу ищем полковника Кудыкина и все излагаем ему. Мне он показался умным человеком, а полномочий у него, насколько я знаю, с прошлого года меньше не стало.

– Я что-то пропустила? – с недоумением спросила Марина, переводя взгляд с Кости на мужа и обратно.

– Есть подозрение, что наши доблестные ученые, проведя эксперименты со временем, запустили какие-то процессы внутри Зоны. И она теперь пытается повторить эксперимент Ломакина. С теми же последствиями, что мы испытали на своей шкуре год назад.

– Не может быть! – ахнула Марина.

Только в этот момент в голове у Кости сложилось окончательное понимание того, о чем они ночью говорили с Топором.

– Погоди, – сказал он. – Ты что же, намекаешь, что все время с того момента, как Ломакин запустил свою установку, Зона продолжает непрерывно повторять этот эксперимент?

– Не совсем. Мне кажется, что все началось еще с эксперимента Версоцкого, в котором Ломакин тоже принимал участие. То есть в то время, когда молодой сталкер Ромка-Топор печально и бесславно заканчивал свою карьеру в Зоне, – сказал Топор.

– В таком случае все эти странности начались бы именно тогда, – возразил Костя.

– А они и начались именно тогда, – сказал Топор. – Теперь-то для меня очевидно, что я стал одним из первых, над кем научный гений Версоцкого сыграл злую шутку.

– Что-то не сходится, – сказал Костя. – Если Зона повторяла этот эксперимент за Версоцким, должны быть и другие последствия.

– Уверен, что они были. Просто тот эксперимент длился недолго, и поэтому все последствия оказались очень слабыми. Ломакин же поставил эксперимент с более высокими энергиями, да еще и запустил его несколько раз.

– Но это же еще не значит, что Зона повторяет его…

– Мальчики, что это? – Марина стояла к ним спиной и показывала на что-то позади Топора.

Костя присмотрелся и замер, ошеломленный увиденным.

Даже в скупом освещении раннего утра заснеженный лес позади его друзей выглядел настолько же ярко и выпукло, как фонтан с водой посреди знойной пустыни.

Это было невозможно в принципе, но не потому, что еще вчера никакого снега там не было, и даже не потому, что вокруг относительно небольшого участка леса все выглядело по-старому. Просто Костя еще ни разу не видел снега в Зоне.

– Обрати внимание, – сказал Топор, внимательно разглядывая перемену в пейзаже. – Это не просто осадки на небольшом участке, что можно было бы списать на аномалию. Деревья под снегом – без листьев. Да и толщина стволов отличается от тех, что стоят без снега.

– Чувствуете? – спросила Марина. – Запах странный. Словно пороховой гарью тянет. Но выстрелов я что-то не слышала.

– Надо уходить, а то и сами можем под действие этой штуки попасть – решил Топор. – Смотри, Костя, вот тебе яркое подтверждение тому, что процесс действительно идет без участия людей. Если я прав в своих подозрениях, вот этот кусок леса попал сюда из другого места. В лучшем случае.

– А в худшем? – спросил Костя, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Из другого времени.

Над голыми верхушками заснеженных деревьев поднялось черное пятно, и громкое карканье разнеслось над утренней тишиной. Как зачарованный, Костя проводил ворону взглядом. Ведь судя по всему, это была первая птица над Зоной за много лет.

32

Утро наступило тяжелое и безрадостное. Большая часть выживших все еще спала, когда Феоктист Борисович тихо поднялся с дивана в штабном вагоне и, стараясь не шуметь, отправился в лабораторию. После ночного боя повсюду виднелись пятна крови, а баррикада, которой накануне его сотрудники закрывали огромную дыру, оказалась по большей части разрушенной. Теперь прямо из лаборатории Ломакин видел несколько сотен метров буро-зеленого пространства с огрызком железнодорожных путей и стену леса, появившуюся на этом месте буквально вчера.

Первым делом ученый проверил объем энергии в накопителях. Судя по всему, до уровня, после которого установку можно было запускать на полную мощность, оставалось гонять генераторы до самого вечера. Правда, к шуму дизелей Феоктист Борисович уже начал привыкать. В углу кто-то закопошился. Ломакин с испугом отступил в сторону тамбура, но в этот момент «кто-то» оглушительно чихнул, и стало ясно, что это один из сотрудников лаборатории, рискнувший после всех событий ночевать здесь. И в этот момент Ломакин вдруг осознал, что остался без постоянного контроля в лице сержанта Ложкина.

Мысль о том, что он может, наконец, заняться любимым делом без присмотра строгого сержанта, вдохновила Феоктиста Борисовича на бурную деятельность. Быстро подняв своего сотрудника, Ломакин объяснил ему, что решением начальника экспедиции эксперимент решено начать раньше, чем планировалось.

– Мы используем небольшую часть накопленной энергии, чтобы провести пробный запуск, – объяснил он, покорно кивающему человеку. – Это отсрочит основной запуск на пару часов, но зато позволит нам провести его с более высокой точностью.

– Можете не залечивать меня объяснениями, – флегматично сказал сотрудник. – Я целиком на вашей стороне, надеясь, что у вас хорошая долговременная память.

– Моя долговременная память самая долговременная среди всех руководителей, с которыми вам довелось работать, – весело сказал

Ломакин. – Ну что ж, для начала надо убрать вот эту груду мусора.

Пока сотрудник разбирал остатки баррикады, Ломакин, не имея больше терпения ждать ни одной лишней минуты и опасаясь, что в любой момент Кудыкин или Ложкин хватятся его отсутствия, принялся собственноручно разворачивать излучающий элемент установки. А через несколько минут в вагон пришел еще один сотрудник, и работа пошла значительно быстрее.

Вскоре, уже втроем, они втянули внутрь вагона усы антенны, которая должна была обеспечивать тонкий контроль за параметрами излучения, и принялись закреплять их вокруг излучающего элемента. Не прошло и часа с того момента, как Ломакин открыл глаза, а излучатель установки уже был выставлен параллельно остаткам железнодорожных путей, а в конфигурационный файл управляющей программы внесены необходимые изменения.

Установка была готова к запуску.

Заставив обоих сотрудников отойти в самый дальний угол лаборатории, Феоктист Борисович медленно положил руки на клавиатуру, глубоко вздохнул и решительно застучал по клавишам.

Установка загудела, индикаторы на приборной панели стали наливаться зеленым, сигнализируя о переброске энергии из накопителей в стартовый буфер установки. Вокруг стержня излучателя появилось легкое зеленоватое гало. Воздух в проеме, сквозь который отлично просматривался лес и остатки дороги, поплыл, искажая пропорции, и вдруг Ломакин понял, что никакого леса перед ними нет, и он снова видит огромное пустое пространство с колеёй железной дороги, уходящей вдаль.

– Смотрите, – сказал он сотрудникам, мгновенно севшим голосом. – Смотрите же!

Он боялся, что «вернувшаяся» чудесным образом дорога снова пропадет, но сквозь дыру по-прежнему и даже все лучше и отчетливее виднелся тот пейзаж, которому здесь было и место.

Ломакин быстро посмотрел на приборы. Судя по всему, в таком режиме установка тратила примерно столько же энергии, сколько давали генераторы. Сотрудники тем временем включили внешние камеры по всему периметру вагона и вывели на экраны компьютеров почти полную панораму. Сомнений больше не осталось: дорога позади

поезда точно так же «вернулась» на место, словно ничего не происходило.

– Шеф, – сказал один из сотрудников, – а если мы отключим установку, какая из реальностей останется?

– Нет никаких реальностей, – торжественно провозгласил Ломакин. – Это просто обман зрения. Мираж. Я думаю, что мы можем просто ехать вперед.

– Мне вчера один такой «обман зрения» чуть ножик в живот не воткнул, – проворчал один из сотрудников. – Спасибо Кудыкину, что велел заранее брони пододеть.

– Кто были эти сталкеры, мы еще узнаем, – твердо сказал Ломакин. – Их трупов у нас осталось немало, все изучим досконально.

– Извините, шеф, забыл вам сразу сказать, – смущенно ответил сотрудник, – но трупов нет.

– Как нет? – вскинулся Ломакин. – Куда делись?

– Не знаю, шеф. Их ночью в том же вагоне сложили, куда всю эту банду запускали. А сегодня там только какие-то черные грязные лохмотья.

– Чертовщина! – с досадой сказал Ломакин. – Ну ничего, значит, лохмотья изучим. Правда, я теперь уже не очень уверен, что это мираж. Надо, чтобы кто-нибудь вышел и эту вновь появившуюся дорогу проверил.

Лязгнула дверь, ведущая в тамбур. На пороге появился полковник Кудыкин. За его плечом маячил сержант Ложкин.

– Что здесь происходит, профессор? – строго, но весело спросил Кудыкин. – Что за колдовство вы здесь устроили? Наблюдатели сообщают, что дорога снова появилась в обоих направлениях.

Ломакин коротко рассказал о результатах несанкционированного опыта, чем привел Кудыкина в состояние задумчивости.

– И что теперь делать, профессор? – спросил он, потирая подбородок. – Вы вчера говорили, что от расстояния зависит количество необходимой энергии. Значит, если мы поедем вперед, копить придется меньше, а повторить эксперимент на полной мощности получится раньше?

– Если мы сможем ехать вперед, то безусловно, – подтвердил Ломакин. – Но мы пока другой вопрос пытаемся решить: что будет,

если мы отключим установку? Есть шанс, что дорога снова исчезнет, и повторить ее возвращение мы не сможем.

Кудыкин внимательно посмотрел на Ломакина, потом перевел взгляд на его сотрудников.

– Если мы едем вперед, а энергии для запуска будет требоваться меньше, то никакого вопроса нет. Не выключайте установку. Я сейчас отправлю людей проверить, насколько это все реально, и можно будет попробовать осторожно тронуться.

– Не возражаю, – кивнул Ломакин. – Только остальных моих людей сюда пришлите. И надеюсь, теперь мне можно производить манипуляции с оборудованием без тщательного контроля со стороны доблестного сержанта Ложкина? Извините, сержант, ничего личного, но мне кажется, что в этом нет ни малейшего смысла.

– Сержант Ложкин будет теперь при мне, – успокаивающе сказал Кудыкин. – Занимайтесь, настраивайте все, как надо. Ориентировочно через час отправляемся.

– Отлично, – сказал Ломакин, когда за полковником закрылась дверь. – У нас есть не меньше сорока минут на углубление эксперимента. Необходимо обеспечить полную запись всех параметров установки, показания средств контроля, записи камеры наблюдения…

33

Костя медленно продвигался среди самого настоящего бурелома, тщательно проверяя дорогу длинной гибкой веткой, выломанной из необычно широко разросшегося куста. Несколько тяжелых сучков лежали у него за пазухой, и когда он начинал сомневаться, стоит ли идти в ту сторону, куда дотянутся веткой не получалось, кидал деревяшки, следя за тем, как они летят.

Оказалось, что, имея кое-какой опыт за плечами, идти даже по такому опасному участку без специального снаряжения ненамного сложнее, чем в полном «обвесе» с детекторами, защитной одеждой и мультиспектральными очками-фильтрами. Да, приходилось гораздо чаще останавливаться и обдумывать следующую цепочку шагов. Да, иногда не помешал бы изолирующий противогаз или, на худой конец, самый простецкий респиратор, способный отсечь аммиачную вонь, испускаемую некоторыми «ловушками». Но в целом, к огромному своему удивлению, Костя вдруг понял, что прекрасно обходится без всего того, что традиционно «впаривалось» ушлыми торговцами новичкам как необходимый минимум для выживания в Зоне.

Аномалий было по-прежнему много, но подспудно у него вызревало ощущение, что граница этого гигантского скопления уже где-то совсем недалеко. С одной стороны, это значило, что вскоре он сможет двигаться быстрее и хоть немного отдохнет от постоянного напряжения. С другой – вызывало серьезную озабоченность из-за необходимости определяться с дальнейшими действиями.

Ведь уже несколько часов он не видел Марину и Топора, с которыми давно разошелся в разные стороны из-за сплошного «ковра» небольших по размерам, но чрезвычайно активных «тянучек», из-за которых уже даже начали гибнуть деревья на этом участке леса. Обходить пришлось, забирая далеко в сторону, а когда Топор мелькал среди древесных стволов в последний раз, направлялся он в совершенно противоположном направлении, пытаясь обойти поле «тянучек» с другой стороны.

Сколько потом Костя ни кричал и ни пытался вернуться к прежнему маршруту, товарищи так больше и не давали о себе знать.

Осталось только одно: искать способ покинуть Зону самостоятельно. Но сама мысль о том, что он выйдет за Периметр, а Топор и Марина останутся в Зоне, порождала тревогу на грани с отчаянием.

Вскоре в воздухе повис запах сырости металла. Вооружившись двумя длинными ветками, Костя теперь старался идти предельно осторожно, ведь любая странная вещь в Зоне почти всегда оборачивалась неприятностями с летальным исходом. Когда же клочья серебристого тумана заскользили меж деревьями, нервы и вовсе сжались в тугой комок. Костя осторожно запустил руку за пазуху, нащупывая пистолет с единственным патроном, но потом устыдился своего порыва. В текущей ситуации это оружие могло пригодиться только для предельно быстрого решения вообще всех проблем.

Впрочем, туман, затянув было все видимое пространство, почти сразу начал рассеиваться, унося вместе с собой и страхи перед неизвестностью. Костя заметно приободрился и даже ускорил шаг.

А вскоре он наткнулся на старые рельсы.

Некогда железная дорога шла по насыпи, но с тех пор прошло, вероятно, много времени, и теперь от насыпи остался лишь небольшой продолговатый холмик, возникший вдруг поперек того направления, в котором шел Опер. Шпалы давно прогнили, покрылись зелеными пятнами мха и лишайника и мало отличались по внешнему виду от грунта, зато рельсы прекрасно сохранились и матово блестели темным металлом без малейшего пятнышка ржавчины.

Помня давнишние наставления Топора о том, что рядом с насыпями аномалии становятся гораздо активнее, Костя осторожно приблизился к уцелевшим железнодорожным путям. Неподалеку действительно хватало следов аномальной активности, что некогда бушевала здесь с безудержной силой, но с тех пор, очевидно, прошло слишком много времени, и теперь можно было подойти к рельсам почти беспрепятственно.

Постояв немного рядом с двумя металлическими полосками путей, уже почти сравнявшихся с землей, но все равно еще немного выпирающих вверх, Костя, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, вдруг уселся на рельс, как когда-то в далеком детстве.

Наверное, это было небезопасно, ведь с одной стороны дорога уходила в непроходимую «стену» аномального скопления, но почему-то именно сейчас Костю это не волновало совсем. На душе вдруг стало

спокойно и светло. Все тревоги ушли на задний план, а глаза невольно обратились вверх, где верхушки величественных сосен подпирали серое небо.

Легкий ветерок унес в сторону неприятные запахи, исторгаемые расположившимся неподалеку «вулканчиком».

Вдруг Косте почудилось, что он чувствует легкую вибрацию, идущую от рельса, на котором он сидел. Это было практически невозможно. По старой дороге не мог идти поезд, да еще сквозь аномальные поля, но рельс вполне ощутимо вздрагивал, и Костя торопливо поднялся на ноги. В конце концов, он и сам год назад ездил на поезде по Зоне и считал в то время, что ничего удивительного в этом нет. Правда, сколько он ни смотрел вправо и влево, ни малейших признаков большой движущейся по рельсам машины так и не заметил.

А рельсы уже издавали слабый гул, точно по старым путям и впрямь шел поезд. Костя на всякий случай сделал несколько шагов назад и почти сразу же увидел электрический разряд между рельсами, неспешно скользящий со стороны скопления аномалий. Белая ветвящаяся дуга, с громким треском проплывшая мимо Кости, оставляла на рельсах полосы блестящего металла и широкий дымный след.

Глядя вслед удаляющейся аномальной молнии, Костя несколько секунд колебался, а потом, решившись, повернулся и зашагал вдоль рельсов вслед удаляющемуся треску, шипению и яркому белому свету. В конце концов, такое странное проявление аномальной активности могло напугать всевозможных мутантов и снять тем самым одну из наиболее серьезных угроз для человека. Но основная причина заключалась, конечно, не в этом. Костя не хотел себе в этом признаваться, но железная дорога казалась ему надежным проводником, благодаря которому он сможет очень быстро добраться до Периметра. Хотя умом понимал, что старые железнодорожные пути могут вести куда угодно и оборваться в любой момент.

Не особо доверяя первым выводам, Костя продолжал тщательно проверять дорогу перед собой, но чем дальше он двигался, тем очевидней становился тот факт, что между рельсов аномалий нет, а значит, и общий принцип относительной безопасности путешествия по старым железнодорожным путям оставался верным и здесь. Правда, электрический разряд между рельсами, за которым следом он,

собственно, и шел, внушал определенный страх, но, во-первых, его бы он услышал заранее, а во-вторых, отойти в сторону с дороги мобильной аномалии не составило бы ни малейшего труда.

Понемногу стало отпускать то нервное напряжение, что владело сталкером уже больше суток. За ним никто не шел по пятам, не пытался убить, а «ловушки» больше не грозили в случае неверного шага немедленной мучительной смертью. И постепенно Костя начал обращать внимание на уже почти привычные глазу странности окружающего пейзажа.

Прежде всего, в глаза бросалась совершенно неестественная пестрая картинка, словно бы сложенная балующимся ребенком. Правда, элементами в этой пестрой мозаике выступали живые деревья. Ведь, помимо привычного смешанного темно-зеленого леса Зоны, Костя отчетливо видел и высоченные белые березы с шапками желтых листьев, и яркую зелень молодых листьев тоненьких осин, и совершенно голые ветки деревьев, определить название которых он затруднился, но зато разглядел темные полосы на коре от воды, в которую превратился растаявший снег. Причем весь этот древесный зоопарк не был хаотично перемешан, а представлял собой небольшие куски земли неправильной формы, имеющие в поперечнике вряд ли больше сотни метров, заполненные каким-то одним видом деревьев.

Большое темное пятно впереди Костя сперва принял за толстое дерево. Ведь сама мысль о том, что здесь может откуда-то взяться поезд, казалась ему немыслимой, несмотря на то что шагал он вдоль железной дороги. Тем не менее темное пятно оказалось задней частью вагона, как только Костя осознал этот простой факт, мир вокруг мгновенно утратил свою сказочность, налился тяжелой реальностью и ощетинился десятками самых разных угроз. Костя немедленно присел на корточки и замер, вслушиваясь в особенную тишину Зоны.

С одной стороны, все было логично. Вагон стоял там, где и должен был стоять – на рельсах. С другой – Костя на своей шкуре убедился, что ничего особо фантастического в самом факте нет: помимо экспедиций, организуемых учеными, в Зоне, как выяснилось, даже бандиты сумели организовать небольшое железнодорожное движение. Правда, единственный бандитский тепловоз был давно уничтожен, а бронепоезд полковника Кудыкина стоял «на приколе» до тех пор, пока не будут установлены все последствия работы установки

профессора Ломакина. Но раз поезда могли появиться посреди Зоны дважды, ничто не мешало кому-то организовать и еще один состав. Тем более что знакомые сталкеры как-то даже предлагали Косте вложиться в задумку мобильного хранилища артефактов на базе железнодорожной вагонетки. Может, он как раз на него и наткнулся?

В абсолютной тишине не было слышно ни одного подозрительного звука. Все пространство вокруг путей поросло густым подлеском, лучше любых других признаков доказывая, что аномальных скоплений поблизости нет. Костя сделал несколько осторожных шагов вперед, внимательно разглядывая заднюю часть вагона и пытаясь определить, кому он мог принадлежать. Ведь несмотря на непростую ситуацию, сталкиваться с еще одной бандой не хотелось ни при каких условиях.

Вагон, судя по всему, служил когда-то для перевозки грузов. Его дощатые, крашенные в красно-коричневый цвет борта были покрыты грязью и копотью. В принципе вагон мог здесь стоять с незапамятных времен, а тот факт, что он до сих пор не развалился на гнилые деревяшки, мог запросто объясняться необъяснимыми вещами, довольно часто наблюдаемыми в Зоне. Правда, было маловероятным, что за столько лет сталкеры не обнаружили такое сокровище и не устроили в нем хотя бы временное жилье. И хоть о подобной «времянке» Костя ни разу не слыхал, надежда найти в ней запас еды и зажигалку с запасом топлива для костра заставила его позабыть обо всем.

Быстро пройдя остаток пути, он оказался прямо перед лесенкой, ведущей на крышу вагона. Покидал на всякий случай веточки и камешки, бросил пару раз веером горсть сухой земли. Ни малейших признаков того, что где-то рядом поселилась какая-нибудь аномалия, заметно не было. И тогда, больше ни о чем не задумываясь, он полез по лестнице наверх. На крыше вагона можно было и посидеть в относительной безопасности, и осмотреться по сторонам как следует, а то и просто отдохнуть, даже если окажется, что вагон никем не используется и просто гниет посреди леса. Да и обходить вокруг было опаснее, чем посмотреть на все возможные угрозы сверху.

Но до крыши он так и не долез. Остановился на верхней ступеньке и замер, забыв о том, что можно сделать еще одно усилие и оказаться на самом верху. Потому что вагон, который он мысленно уже

считал почти своим и даже начал обдумывать, как его можно использовать, оказался хвостом поезда. Длинного военного эшелона.

От неожиданности у Кости даже дыхание перехватило. С того места, где он стоял, прекрасно просматривалась длинная цепочка товарных вагонов и платформ, а начало поезда терялось в белесой дымке и сплетении ветвей склонившихся над эшелоном деревьев.

Несколько секунд в голове не было ни одной мысли. То, что он видел собственными глазами, просто не укладывалось в голове. Даже если здесь когда-то действительно был брошен военный эшелон, что само по себе уже звучало как бред, за годы, прошедшие с момента возникновения Зоны, его однозначно должны были уже найти и разграбить. И начать использовать как огромную перевалочную базу. Но тогда Костя непременно знал бы о ней, ведь объект такого размера непросто замаскировать даже в лесу Зоны.

Немного освоившись, сталкер все-таки поднялся на последнюю ступеньку, осторожно пощупал темную, непонятно чем покрытую поверхность ногой, опасаясь провалиться сквозь прогнившие доски, и только после этого шагнул на крышу вагона. Даже теперь, когда он твердо стоял на ногах, от масштабов увиденного у него начинала кружиться голова. Ведь судя по всему, на нескольких хорошо различимых между вагонами платформах стояла затянутая брезентовой тканью боевая техника. В полной тишине посреди безлюдного леса поезд смотрелся грозно и печально.

И очень опасно.

Ведь если, несмотря на запредельную ценность, возле такого объекта никого до сих пор не было, значит, тот, кто его увидел, просто не мог о нем ничего рассказать. В принципе.

Костя в страхе присел, пытаясь оценить угрозу, и на всякий случай стал медленно отползать обратно к лестнице. Следовало тщательно обдумать, что делать дальше, но самым оптимальным теперь казалось быстро спуститься на землю, вернуться по рельсам на пару сотен метров назад и обойти поезд стороной.

Секунды ползли за секундами, ничего опасного не происходило, и Костя начал успокаиваться. В конце концов, страх всегда был самым худшим советчиком. Очевидных угроз заметно не было, а по косвенным признакам вроде обильной растительности вокруг состава можно было предположить, что от поезда не исходит и невидимых

человеческим глазом опасностей вроде радиации или какой-нибудь отравы.

– Надо успокоиться и тщательно все обдумать, – вслух подумал Костя и решительно уселся на крыше.

Звук собственного голоса хоть и прозвучал неожиданно громко, но зато развеял страхи.

Масса деталей, на которые он раньше не обратил внимания, теперь давали новую пищу для ума. Ни вагон, на котором он сидел, ни весь поезд не выглядели простоявшими в этом месте много лет. Ни малейших следов разрушения от времени, никаких пятен зеленого мха, который прекрасно себя чувствовал даже в пропитанных радиацией местах. Вместе с тем поезд сам по себе выглядел очень старым, а значит, вряд ли мог оказаться здесь недавно, даже если бы Костя смог поверить, что военные решили продолжать эксперименты Ломакина, загоняя в Зону эшелон с военной техникой.

Но стоило допустить, что эшелон попал сюда из-за последствий, которые вызвали эксперименты Ломакина, как многое уже можно было объяснить. Например, если на секунду поверить в то, что странный эффект, способный переносить с места на место даже аномалии, мог откуда-то принести кусок земли вместе с деревьями, железнодорожными путями и военным эшелоном, то все сразу становилось логичным и понятным. Кроме, разве что отсутствия людей. С другой стороны, что делать людям в поезде, который вдруг оказался неизвестно где и неизвестно как? Побегали вокруг в панике да и двинулись наугад по лесу. А что могло случиться дальше, лучше даже не додумывать.

Но тогда это значило, что Костя нашел самое настоящее сокровище. И хотя он не мог унести его с собой, информация о нем в любой крупный сталкерский клан могла принести очень большие дивиденды.

Костя никогда не чувствовал какой-то особой власти денег над собой и всегда легкомысленно относился к утекающим сквозь пальцы финансам, но при мысли о том, на что он может рассчитывать, если первым принесет информацию о брошенном военном поезде посреди Зоны, у него слегка закружилась голова. Но также быстро, как пришла, эйфория начала улетучиваться.

– Жадность и страх – самые худшие советчики, – сказал он сам себе то, что вдалбливали ему в клане новичков опытные сталкеры. – Если Зона тебе что-то дарит, значит, начинай проверять, на месте ли руки, ноги и голова.

И хотя в предчувствии огромного богатства все эти сталкерские поговорки казались старческим ворчанием про непутевую молодежь, Костя окончательно решил, что осматривать поезд не станет и постарается как можно быстрее от него уйти. Можно потом попробовать заработать на сливе информации, но сперва надо добраться живым до Периметра.

Он легко поднялся с места и начал спускаться по лестнице, но стоило ему опуститься на одну ступеньку, как тишину разорвал мощный железный лязг.

Это было настолько внезапно и жутко, что Костя облился холодным потом и замер, вцепившись в лестничную перекладину. Такой звук мог бы издать резко открытый металлический люк. Но кто мог так беззастенчиво вести себя посреди Зоны?

– Выходи! Строиться! – закричал кто-то с надрывом в голосе, и Костя от неожиданности чуть не свалился с лестницы. – Все! Ты! Сюда! Стоять!

И дело было не в том, что он никак не ожидал услышать рядом с явно покинутым поездом военную команду. Звучал голос очень странно, совсем не по-военному. Словно команду отдавал человек, только недавно научившийся говорить. Совершенно некстати вдруг вспомнились рассказы старых сталкеров о поезде-призраке, который до сих пор ездит по Зоне.

Быстро поднявшись обратно, Костя буквально распластался на крыше, медленно подполз к ее краю и осторожно посмотрел вниз. В нескольких десятках метров от него из открытого товарного вагона медленно выбирались люди. Выглядели они какими-то заторможенными и вялыми. Удивительно, но часть из них была облачена в новенькую армейскую форму, а часть – в самую обычную одежду, которую охотно носили и сталкеры, и жители призонных населенных пунктов. Наличие военных и гражданских в одном товарном вагоне не укладывалось ни в какую картину, и Костя просто продолжал наблюдать.

Командовал всей этой дикой командой огромных размеров звероподобный сержант. Двигался он пошустрее остальных, но тоже выглядел каким-то сонным или больным. Начиная отдавать команды, он сперва широко разевал рот и таращился вокруг выпученными глазами, а потом, подвывая, выкрикивал слова по одному. А люди вроде бы и слушались его, но как-то странно, похоже, не столько выполняя команды, сколько подчиняясь повелительным интонациям в голосе сержанта.

Пораженный увиденным до глубины души, Костя пропустил тот момент, когда сержант начал расставлять вокруг поезда боевое охранение. А увидев разбредающихся во все стороны людей с автоматами, слишком поздно сообразил, что оказался внутри самого настоящего оцепления.

Скорость смены обстановки ошеломила его. Еще совсем недавно он шел по лесу и надеялся лишь живым добраться до Периметра, потом сидел на вагоне брошенного поезда, пытаясь приценится к свалившемуся на голову богатству, а теперь прятался, не зная, что лучше: получить пулю от одного их неадекватных людей, оцепивших поезд, или пойти сразу сдаться звероподобному сержанту с риском получить пулю от него. И это в лучшем случае.

Сержант тем временем продолжал уныло выкрикивать команды, и все больше людей вовлекалось в медленное и даже кажущееся хаотичным, но постоянное движение. Часть из них не торопясь полезла на платформы и принялась снимать брезент с техники. Десяток человек принялись методично открывать все вагоны подряд и выбрасывать оттуда какие-то вещи и ящики. С другой стороны донеслись методичные удары по металлу, впрочем, никого не побеспокоившие. В целом, если бы Костя не видел, как все начиналось, издалека картина могла бы показаться если не идиллической, то вполне нормальной. Ну, стоит себе военный эшелон, ну, работают люди, ну, выставили охрану – что такого особенного?

Людей на поезде тем временем становилось все больше. Часть из них возилась с техникой на платформах, часть бесцельно бродила по крышам вагонов или поднимала наверх какие-то железки, а некоторые просто наблюдали за лесом. Теперь Костю в любой момент могли обнаружить, поэтому он потихоньку отполз в сторону лестницы, быстро спустился и нырнул под вагон.

Укрывшись за колесами, сталкер, наконец, ощутил себя в некоторой безопасности. Ведь никто из странных людей пока под вагоны не лез, и здесь некоторое время можно было оставаться в безопасности.

Мимо вагона, шаркая, словно старик, двигался человек в армейском камуфляже. Костя отчетливо видел высокие шнурованные ботинки и покачивающийся в такт шагам приклад автомата. Вдруг нога у солдата подвернулась, и он тяжело упал на четвереньки. Рядом тяжело стукнул о землю автомат. Костя с ужасом смотрел на человека, который, постояв пару секунд в недоумении, тряхнул головой и начал подниматься. Несколько пальцев на правой руке у него оказались сломаны и загнуты под неестественными углами, но солдата это, казалось, не обеспокоило. А когда он на мгновение повернул голову в сторону Кости, тот увидел пустой взгляд биологической куклы, а не человека.

Если бы не осмысленная суета вокруг поезда, Костя бы подумал, что его экипаж взял под контроль кукловод. Уж больно характерным было лицо солдата, которое Костя смог рассмотреть с близкого расстояния. Ведь несмотря на относительно небольшое время, проведенное в Зоне, Костя успел насмотреться на зомби. Но кукловоды никогда не занимались охраной, ремонтом или модернизацией чего-либо. Несмотря на мощные ментальные способности, разумная деятельность этих тварей стремилась к нулю. Максимум, на что они было способны, заставить подконтрольных существ собрать ветки и листья для оборудования мягкого гнезда. Да и не могли кукловоды держать под контролем такое количество людей одновременно.

Солдат тем временем продолжал подниматься на ноги, и взгляд Кости упал на лежащий совсем рядом с рельсами автомат. Риск, конечно, был велик, но желание иметь оружие возобладало. И Костя, высунувшись из-за колеса, схватил автомат, а потом быстро нырнул обратно, с ужасом ожидая криков, а то и выстрелов. Но снаружи ничего не происходило, и, переведя дыхание, он рискнул выглянуть наружу. Солдат, которого он лишил оружия, продолжал свой неспешный путь в сторону леса, даже не заметив, что в руках у него больше ничего нет.

Костя перевел дух, отстегнул магазин, убедился, что в нем есть патроны, понюхал ствол. Судя по всему, из автомата не стреляли. Теперь можно было даже прорываться в лес – вряд ли странный кукловод погонит своих зомби в погоню. А если бы и погнал – догоняльщики из зомби хуже, чем никакие.

А потом в голову ему пришла и вовсе странная мысль. Зомби-наблюдатели могли поднять тревогу, если бы заметили приближение противника откуда-то снаружи оцепления. Если же Костя с автоматом в руках будет неторопливо бродить вдоль вагонов, вряд ли кто-то обратит на него внимание. Оставался риск встречи лицом к лицу с кукловодом, но и здесь у Кости было преимущество внезапности. А три десятка новеньких блестящих патронов в магазине, после почти суток блуждания практически безоружным по лесу, придали ему такой уверенности, словно у него вдруг появилась невидимая непробиваемая защита.

Еще немного поколебавшись, Костя вылез из-под вагона, мысленно обещая себе, что как только увидит удобное место отхода, спокойно и неторопливо уйдет в лес. Увидев заодно все, что происходит рядом с эшелоном, и разобравшись, чем занимаются зомби на платформах с военной техникой.

Несколько секунд он стоял неподвижно, опасаясь, что его рассуждения окажутся неверны, и сейчас кто-то из зомби поднимет тревогу, но все, кого он видел, продолжали заниматься своими делами и не обращали на нового охранника ни малейшего внимания. Тогда сталкер положил автомат на руки так, чтобы можно было в случае угрозы сразу открыть огонь, и медленно зашагал к голове поезда, стараясь имитировать неуклюжую походку зомби. Насколько это имело значение, он не знал, равно как не имел представления о том, как анализируют происходящее вокруг существа, захваченные кукловодом, но решил, что в его ситуации лучше будет вообще ничем не выделяться.

На него действительно никто не обращал внимания. Даже когда рядом один за другим прошли два человека, и Костя напрягся в ожидании разоблачения, не произошло ровным счетом ничего. Миф о том, что зомби моментально чувствуют чужака и обращают на него внимание кукловода, рассыпался в пыль прямо на глазах. Тем не менее Костя продолжал осторожничать и шел только вдоль вагонов, стараясь

не отходить слишком далеко в сторону, чтобы в любой момент успеть нырнуть под поезд и убежать в лес с другой стороны от состава.

Вскоре он все тем же неторопливым шагом добрел до платформы и остановился озадаченный. Два человека уже стащили с техники и теперь неловкими движениями пытались свернуть непослушный брезент. На платформе Костя ожидал увидеть бронетранспортер, танк или гусеничный тягач, но вместо этого обнаружил там две бронированные машины, отдаленно напоминающие танк, но похожие на грозную технику не больше, чем облезлый дворовый котенок походит на льва. Кургузая пушчонка, нелепые обводы и не очень-то качественно сделанные катки и гусеницы наводили на мысли скорее о подготовке к масштабной ролевой игре, нежели о настоящем военном эшелоне.

Целый поезд ролевиков? Мысль выглядела настолько абсурдной, что любой горячечный бред по сравнению с ней мог считаться абсолютно достоверной информацией.

Погрузившись в размышления, Костя почти забыл о том, где находится, и продолжал потихоньку двигаться вперед. На следующей платформе он снова увидел точно такие же танкетки, что даже для самых богатых ролевиков было, пожалуй, слишком круто. На третьей же платформе стоял самый настоящий танк. В отличие от танкеток выглядел он абсолютно новым и свежепокрашенным, а его контур показался Косте знакомым. Продолжая медленно брести вперед, сталкер раз за разом пытался вспомнить, где видел эти угловатые формы, но лишь добравшись до конца очередного товарного вагона вдруг вспомнил. Такие танки он видел много раз в детстве. В кино.

Поезд съемочной группы? На фоне прочих мыслей эта казалась уже не такой абсурдной. Нестыковки все еще были, но если принять во внимание все, что творилось с Зоной в последние месяцы, и допустить перемещения больших объектов во времени и пространстве…

Внезапно Костя осознал, что кто-то смотрит на него сбоку. Оттуда, где между вагонами образовалось небольшое пространство, плохо просматриваемое снаружи. Пристальный взгляд был настолько угрожающим, что Костя не посмел поднять автомат, а лишь медленно, чтобы резким движением не спровоцировать нападение, повернул голову.

Прямо ему в лицо смотрел пистолет. А хозяин пистолета показался Косте смутно знакомым. Лысый, лицо сморщенное, бельмо на глазу. Взгляд сам собой скользнул вниз. На руке человека не хватало пальцев.

Хантер!

Костя не думал, что, находясь в окружении зомби и рискуя в любой момент встретить кукловода, может испугаться еще сильнее. Но оказалось, что обнаружить в таком месте врага, которому явно не терпится свести счеты, еще страшнее. Внутри все похолодело, а сердце, казалось, даже перестало стучать в груди. Опер сухо сглотнул.

Хантер смотрел на него ненавидящими глазами и лицо его, искаженное в жуткой гримасе, обещало нечто настолько ужасное, рядом с чем даже смерть казалась легким выходом из положения.

– Боишься? – злобно прошипел он.

Костя мелко закивал, не в силах вымолвить ни слова. А Хантер вдруг шагнул вперед, схватил его за ворот куртки и рывком втянул в пространство между вагонами.

– Значит, не зомби, – с облегчением в голосе сказал он, и вдруг, уронив голову Косте на плечо, затрясся в беззвучных рыданиях.

Если бы все зомби вокруг принялись танцевать танец маленьких лебедей, Опер и то удивился бы меньше.

Он стоял, уставившись в стену вагона, и понимал, что окончательно и бесповоротно сходит с ума. Хантер, жестокий бандит, устроивший годом ранее нападение на бронепоезд с учеными, а всего сутки назад собиравшийся убить и Топора, и самого Костю, плакал как ребенок, совершенно не стесняясь и, кажется, даже уже ничего не боясь.

– Хантер, – сказал Костя наконец, пытаясь зацепиться за реальность, – откуда ты здесь взялся?

– Тихо! – отрываясь от плеча, зашипел на него бандит. Лицо его было мокрым от слез, но теперь его хотя бы не искажала та жуткая гримас злобы, которую Костя увидел несколько секунд назад.

– Если они услышат, это конец, – сказал Хантер, испуганно вжимая шею в плечи.

– Давай под вагон, – решительно сказал Костя. – Они туда не заглядывают, а если и заглядывают, то не видят ничего и не слышат.

Хантер послушно полез за ним и, следуя примеру Кости, уселся спиной к колесу вагона.

– Ты смотри за мою спину, – сказал Костя, устраиваясь с комфортом напротив, – а я буду смотреть за твою. Если кто пойдет – подаем знак и молчим. Людей тут, как понимаю, все равно нет. Одни зомби.

– Бежать надо, – сказал Хантер. – Только сперва убить одного гада. Все из-за него.

– Можешь рассказать по порядку? – потребовал Костя. – Заняться нам все равно нечем пока, а так хоть обстановка будет ясна.

– Кто бы мне сказал сутки назад, что буду в жилетку плакаться липовому оператору – ни за что бы не поверил, – сердито буркнул Хантер.

– Я не липовый, а самый настоящий оператор, – сообщил Костя. – И если бы не ты, никогда бы не оказался ни здесь, ни в твоем лагере.

– Что за фигня?! – вскинулся Хантер, вглядываясь в лицо Кости. – У меня с памятью порядок. Не было тебя среди моих пленников никогда.

– Не было, – согласился Костя. – Но вся моя жизнь из-за тебя кувырком пошла. Может, и расскажу когда-нибудь, но та история не настолько интересна, как твоя. Еще вчера днем ты командовал целой бандой. Что случилось?

– После того, как вы убегли, – сказал Хантер, – все и началось. Так что, считай, что ты мне отомстил. Это из-за тебя моя жизнь наизнанку вывернулась.

Он немного помолчал, словно припоминая подробности, и принялся рассказывать.

34

– Нас обманули, хлопцы, – сказал Хантер, глядя, как исчезают среди деревьев все трое беглецов. – Я не понял еще, что это за подстава была, но кто-то мне за нее конкретно ответит.

И приставил пистолет к голове Колыча:

– Говори, сука, кого к нам в лагерь привел!

– Да мне-то откудова знать! – завопил испуганный Колыч, но в спину ему тут же ткнули обрезом, и он замолчал, осознав, что толком оправдаться-то ему и нечем.

– Ну скажи, сколько тебе заплатили? – вкрадчиво спросил Хантер, глядя Колычу прямо в глаза. – Скажи, и умрешь быстро и без мучений. А не то долго смертушку ждать придется.

– Да я ж только инструкции выполнял! – горячо сказал Колыч. – Все сделал, как ты велел, точь-в-точь! Пришел раньше, посмотрел, чтобы без «хвоста» пришли, обшмонал. У бабы еще сиськи такие… Я всю дорогу за ними следил, но ты же сам им поверил! Ну, телевизионщики же! И по телику их казали!

– Это ты что же, на меня свою вину переложить решил? – с деланым возмущением спросил Хантер.

– Нет, я ничего такого не имел в виду! – заорал Колыч и сунул руку за спину. Но вытащить пистолет ему не дали. Несколько крепких рук вцепились в него мертвой хваткой, а отточенный тесак заиграл перед глазами тонким острием.

– Ты понимаешь, что из-за тебя рухнул мой гениальный план? – почти ласково спросил Хантер, внимательно разглядывая искаженное страхом лицо Колыча. – Если бы не такие гниды, как ты, мы все давно уже бабла бы себе наотжимали немерено и грелись бы в тепле, потягивая кюрасао. Ты любишь кюрасао, Колыч?

– Я знаю, как их поймать, – быстро сказал Колыч.

Хантер удивился и даже опустил нож.

– А ну, зажги, – велел он, недоверчиво глядя на провинившегося. – Может, поживешь еще пару деньков.

– Это же болото, – зачастил Колыч, кивая в сторону аномального скопления. – Значит, следы еще будут долго видны. Отправь меня

следом. Я возьму оружие и пойду прямо по их следам. А ты с остальными ребятами иди по краю болота. Я же буду время от времени подавать сигналы и загонять этих прямо на вас. Куда они денутся? А если вдруг они из скопления выйдут – я и в этом случае помогу. Обозначу место, где они вышли, – тогда поймать их будет не так уж и сложно.

Хантер нахмурился, изучая бесхитростное лицо Колыча. План был, конечно, так себе, но он давал хотя бы призрачный шанс схватить беглецов. А это дорогого стоило.

– Давай так и сделаем, босс, – сказал один из бандитов. – Это всяко лучше, чем сидеть и парить мозги, как нас обманули.

– А может, и правда прогуляемся, – сказал еще один. – В скопление соваться не будем, пойдем аккуратно. И если повезет, будет у нас не один пленник, а два. И пленница.

Он глумливо засмеялся, и Хантер буквально кожей почувствовал, как загорается идеей идти и ловить пленников вся его команда.

– Будь по-твоему, Колыч, – сказал он, убирая нож. – Но смотри. Еще раз подведешь меня, и так легко тебе уже не отделаться.

Сборы не заняли много времени. Колычу принесли автомат, пару пистолетов, гранату и нож, после чего фактически втолкнули в пространство между аномалиями.

Глядя в спину петляющему между аномалий подчиненному, Хантер сказал:

– А теперь, хлопцы, минируй вход. Чтобы если эта гадюка передумает, тут его ждал удивительный сюрприз.

Колыч правда и не думал передумывать. Он остановился за теми же кочками, за которыми совсем недавно стоял пленник, и крикнул:

– Ну что, лошки тупорогие? Купились? Больно надо было для вас стараться! Я увольняюсь! И никого ловить и загонять не собираюсь! А вы тут и дальше минируйте!

После чего повернулся и быстро зашагал по следам Топора.

* * *

Дезертирство Колыча вызвало такой прилив ненависти, что решили даже с ранеными никого не оставлять. Разбив отряд на две группы и поставив впереди каждой наиболее опытных сталкеров, Хантер велел им обходить болото со скоплением аномалий справа и слева, с тем чтобы иметь возможность перехватить беглецов, включая

предателя, вне зависимости от того, где они решат покинуть скопление аномалий.

Правда уже через несколько часов настроение людей поменялось, и, глядя на недовольные лица и выслушивая проклятия в адрес Колыча, Хантер понял, что погорячился, решив устроить погоню за вовсе не такой уж и легкой добычей. Тем более что когда они спустились в глубокий овраг, откуда ни возьмись появился тяжелый блестящий туман и как самая настоящая жидкость принялся «литься» откуда-то сверху вниз. Видимость моментально стала близкой к нулю, отряд быстро заблудился, а под ногами захлюпала неизвестно откуда взявшаяся вода. С большим трудом Хантер со своей командой поднялся вверх по крутому склону, и когда заполненный туманом овраг остался позади, он уже начал было подумывать о том, чтобы плюнуть на все и вернуться в лагерь. Как вдруг увидел то, о чем даже не смел мечтать.

Посреди леса на неведомо откуда взявшихся рельсах стоял огромный железнодорожный состав. Военный состав. С какой-то техникой, закрытой брезентом на открытых платформах. И судя по обилию мелкого зверья, растаскивающего остатки трупов, состав был ничейным. А значит, полностью и безоговорочно принадлежал Хантеру.

Это была непостижимая удача. Главный лотерейный билет всей его жизни. Но, в отличие от Кости, он не пытался искать объяснений. Раз Зона привела его к тому, о чем он мечтал все время с тех пор, как судьба забросила его в эти негостеприимные места, значит, это нормально, логично и правильно. Его люди еще толком не понимали, какое счастье им всем вдруг привалило, но, глядя на восторг главаря, догадывались, что все теперь в их жизни пойдет самым наилучшим образом.

– Кажется, за последние сутки я стал сентиментальным, – с тяжелым всхлипом сказал Хантер. – Но как вспомню радость ребят, так меня словно бритвой режет.

Поезд им достался странный, со следами обстрела, о котором говорили множественные дыры в дощатых стенах вагонов, белевшие свежесколотой древесиной. Возил этот эшелон паровоз, и, судя по всему, состав еще совсем недавно наматывал где-то километры: в тендере был уголь, а топка котла не успела полностью остыть. И хотя в

команде Хантера не было машиниста или хотя бы человека, способного запустить котел, все это было неважным. На первых порах его бы вполне устроила и новая база, устроенная в этом поезде.

– Тем более что в товарных вагонах нашлось оружие, провизия, одежда и снаряды. Снаряды к танкам, которые поезд вез на фронт.

– Ты чего несешь? – осторожно спросил Костя. – На какой фронт?

– Ты ведь сталкер, – со странным выражением в голосе произнес Хантер. – Даже не отпирайся. Я видел, как ты сиганул в скопление аномалий. А раз так, то не мог ты не слышать, что говорят уже полгода про всякие вещи в Зоне.

– Слышал кое-что, – уклончиво сказал Костя.

– О странных вещах, которые Зона начала таскать из прошлого, уже только глухонемой не говорит, – с ожесточением отрезал Хантер. – И этот гребаный поезд – он прямиком оттуда прибыл. Там на платформе стоят немецкие танки. В вагонах жрачка с немецкой маркировкой. Военные тряпки и оружие – тоже немецкие.

– Я, конечно, заметил много странного, но делать сразу такие выводы…

– Этот поезд сперва попал под бомбежку, – уверенно продолжал Хантер, не обращая внимания на Костю, – а потом почти без перерыва сразу влетел сюда. И за несколько часов тут собрались все мутанты со всей округи. Наверное, кто-то из этого поезда и был живым, но к нашему приходу все давно закончилось. Ведь мутанты обедали здесь до тех пор, пока Зона снова не шарахнула их чем-то еще. Мы нашли туши зверья, уложенные плавной кривой линией. Еще теплые туши. Нам повезло, что мы пришли так поздно. Окажись мы тут на пару часов раньше и могли бы попасть прямиком на чужой пир.

– Все, что ты говоришь, логично ложится в то, что я вижу, – сказал потрясенный Костя. – Но поверить в это я не могу!

– Да мне все равно, что ты можешь! – зашипел в ответ Хантер. – Ты попросил рассказать, что случилось – я тебе рассказываю!

Зона словно решила извиниться перед Хантером за то, что год назад не дала ему взять законную добычу и абсолютную мечту – бронепоезд. И дала взамен ничуть не худший вариант. А может, в чем-то и лучший. Поэтому, сразу забыв про беглецов, главарь бандитов деятельно взялся за освоение бесхозного богатства.

– А потом, получается, к поезду пришел кукловод? – спросил Костя.

– Нет, все вышло гораздо хуже, – ответил Хантер. – Хотя первым пришел кукловод, это да. А потом я увидел призрака. Старика, который год назад сидел у меня в сарае, ходил добывать артефакты, да нянчился с каким-то психом, которого я почему-то не велел убивать… В общем, я был уверен, что старикан этот, профессор между прочим, подох давно. И тут он эффектно так появился. В самый правильный момент. Откуда он взялся и как ему это удалось – не понимаю.

35

Очнулся Версоцкий от того, что кто-то брызгал ему в лицо водой. С трудом разлепив глаза, он обнаружил, что над ним склонился давешний лысый мужик. Правый глаз незнакомца был затянут бельмом, но зато левый смотрел с явным дружелюбием. Но самое удивительное заключалось в том, что Версоцкий вдруг узнал этого человека. Год назад главарь банды, промышлявшей добычей артефактов за счет жизни случайных людей, по кличке Хантер регулярно приходил в сарай, где держали пленников, чтобы проверить, «не подохла ли еще эта заумная крыса». Разумеется, Хантер находился тогда под плотным, хоть и совершенно незаметным контролем Зюзи, и ничего слишком опасного сделать своим пленникам все равно бы не смог. Но прекратить издевательства через ментальное принуждение Версоцкий не рискнул, чтобы не ставить под удар более грандиозные планы. Поэтому, имея возможность в любой момент все изменить, профессор вынужден был в то время сносить издевательства и частенько мечтал о том дне, когда заставит главаря бандитов горько пожалеть обо всем.

Опознал Версоцкого и Хантер. Несколько раз моргнув видящим глазом, он вдруг расплылся в абсолютно искренней улыбке.

– Кого я вижу! Профессор! Это ведь ты сидел у меня в сарае и ходил за артефактами. А потом сбежал с этими уродами. Там еще дурачок сидел, и ты его так трогательно опекал! Вот это встреча! Как ты сюда попал?

Версоцкий молчал, пытаясь выиграть время, чтобы оценить ситуацию и наилучшим образом использовать новые возможности. Ведь большой поезд и отряд вооруженных людей могли в корне изменить ситуацию в целом. Надо было только полностью освоить то, что подарила ему Зона.

Изображая прострацию после ментального удара кукловода, Версоцкий медленно приподнялся на локте и осмотрелся по сторонам. Тушка кукловода, изорванная в бурые лохмотья автоматной очередью, медленно разбредающиеся без хозяина зомби, люди Хантера, не успевшие получить серьезную ментальную травму, но порядком

испуганные и готовые стрелять во все, что покажется даже чуть-чуть похожим на кукловода, и огромный поезд, конца которого он даже не видел. Только теперь Версоцкий сообразил, что лежит на земле недалеко от своего вагона, а это значило, что как минимум часть людей Хантера сейчас обыскивало вагон-склад.

– Хантер! Тут полно зомбаков! Чего с ними делать?

– Ничего не делай, – ответил бандит. – Они без кукловода тебя даже не покусают. Хотя, может, и стоило бы. Глядишь – поумнел бы.

– Я ничего не помню, – осторожно сказал Версоцкий, давая Хантеру возможность самому додумать и выстроить «достоверную» реальность. – Хотя ваше лицо кажется мне знакомым.

– Понимаю, проф, – все также дружелюбно кивнул Хантер. – Ты тоже попал под удар кукловода. Я вот давно говорю: неладное что-то в Зоне творится. Кукловодов развелось, как мутсобак.

– Хантер, мы тут раненого нашли! – появился в дверях вагона-склада один из людей.

– Давай его сюда, – распорядился бандит.

Потом он внимательно осмотрел платформы и оба вагона, на которых приехал Версоцкий, и вдруг его зрячий глаз выпучился, словно хотел перебраться на лоб.

– Погоди-ка, профессор! Я ведь знаю этот вагон. Я же его в бинокль десятки раз изучал. Это же кусок моего бронепоезда!

Версоцкий смотрел на Хантера со смешанными чувствами. Стоило ему положить ладонь на руку бандита, и он мог бы взять его под свой контроль. Но тогда пришлось бы срочно вызывать на помощь Зюзю и брать под контроль всех людей, которые после столкновения с кукловодом могли сразу и не подчиниться новой ментальной удавке. Поэтому Версоцкий выбрал другой путь, хотя притязания Хантера на бронепоезд его смешили и раздражали одновременно.

– Это что же за силища так отрезала вагон? – поразился Хантер, продолжая изучать кусок лаборатории, свисающий почти до земли на жесткой «гармошке» крытого перехода. – Профессор, ты что, угнал бронепоезд и заехал на нем в аномалию?

– Я ничего не помню, – снова сказал Версоцкий, – но ваша версия мне теперь кажется правдоподобной.

– Ничего себе! – покачал головой Хантер. – Чувствую, тут кроется какая-то охрененная история.

Тем временем два человека принялись осторожно вытаскивать из вагона Зюзю. Тот жалобно попискивал и жутко закатывал глаза, но, вопреки ожиданиям Версоцкого, это никак не отпугивало бандитов.

– Смотри, как пацана зацепило, – сказал один из них, укладывая Зюзю на землю рядом с Хантером. – Крышу от боли срывает. Надо бы вколоть чего-нибудь.

– Не надо вкалывать, – с любопытством глядя на Зюзю, сказал Хантер. – Этот парень всегда такой был. Профессор, ты меня очень удивил. Я так сильно не удивлялся уже очень давно. А с учетом того, что своим появлением ты всех нас спас, хочу сказать, что испытываю к тебе странные чувства.

– Я ничего не понимаю, – осторожно сказал Версоцкий. – И ничего не помню. Откуда я приехал? На чем? Какие чувства?

– Мне кажется, что это благодарность, профессор, – со странным выражением на лице сказал Хантер. – Странно, но я даже забыл, каково это – испытывать благодарность.

У Хантера явно начался «отходняк» – естественная реакция человеческого организма на попытку ментального захвата. За свою жизнь в Зоне Версоцкий видел этот эффект не раз и неплохо представлял себе механизм его развития. В скором времени и сам Хантер, и все его бандиты должны были погрузиться в душераздирающие переживания со слезами, соплями, братанием и клятвами в вечной дружбе. И за это время следовало не только осмотреть все, что находилось теперь в распоряжении Версоцкого, но и продумать план действий. Ведь раз Зона помогла ему выжить в практически безнадежной ситуации и даже дала в руки новые возможности, значит, в скором времени лабораторный вагон с установкой Ломакина мог снова оказаться в пределах досягаемости.

– Подумать только, – прочувственно говорил Хантер, – если бы ты так вовремя не подъехал на этом огрызке и не отвлек внимание кукловода, мы все сейчас были бы тупыми зомбаками!

Профессор с легкой насмешкой посмотрел на него, но не стал говорить, что никакой разницы при этом никто бы не заметил. Хотя с языка язвительная фраза чуть было не сорвалась. Все складывалось как нельзя лучше, ведь получалось, что Хантер не понял смысла происходившего между Версоцким и кукловодом, посчитав, что мутант просто отвлекся и тем самым дал возможность себя

пристрелить. Хотя, будь Хантер настоящим сталкером, он бы знал, что кукловод никогда не снимает ментальный поводок просто так.

– Мне нужно отойти, – сказал Версоцкий Хантеру. – Вы тут Зюзю не обижайте, он ведь тоже героически сражался, чтобы спасти вас от кукловода.

– Зюзя, – растроганно сказал Хантер. – Я ведь тебя помню. Ты был самым лучшим, самым безобидным из тех, кто жил в моем сарае!

Версоцкий медленно поднялся и двинулся на обход всего поезда. Люди Хантера даже не посмотрели на него, когда он прошел рядом с ними – они обнимались и клялись друг другу в дружбе до гроба. Наперерез Версоцкому медленно двигался один из тех зомби, что привел с собой кукловод. Движимый все тем же самым любопытством, что заставило его ввязаться в телепатический поединок с кукловодом, Версоцкий осторожно положил на куцее сознание существа ментальный поводок и потянул за собой. Зомби послушно развернулся и замер. Версоцкий удовлетворенно хмыкнул и пошел дальше. Зомби двинулся следом как дрессированная собачка.

Двигаясь вдоль товарных вагонов и платформ с какой-то техникой, укрытой брезентом, профессор не мог отделаться от странного ощущения, словно весь мир вокруг него может в любой момент рассыпаться цветными осколками реалистичного сна. Слишком странным и противоречащим любому жизненному опыту был этот явно военный эшелон посреди Зоны. Стоять здесь с незапамятных времен он не мог – это было самоочевидным по массе причин, – а значит, появился совсем недавно. Возможно, в результате работы той самой установки, к владению которой профессор так стремился. Но был ли этот результат таким же материальным, как и все остальное?

Версоцкий несколько раз ударил кулаком в деревянную стенку товарного вагона, поднял край брезента, пощупал металл гусеницы какой-то машины, принюхался к свежему запаху креозота и успокоился, решив, что даже если с поездом начнут происходить какие-то изменения, помешать этому он все равно не сможет. Но до того момента ничто больше не могло воспрепятствовать его основному плану, ведь поезд был самым настоящим, и люди, которых он спас от кукловода, тоже были самыми настоящими. Теперь это были его люди, даже если сами они об этом еще не догадывались.

Он настолько увлекся своими мыслями, что почти перестал обращать внимание на происходящее вокруг, поэтому когда рядом раздался звонкий чавкающий звук и зомби, так и тащившийся на несколько метров левее и сзади, вдруг по колено погрузился в твердую на первый взгляд землю, замер, в недоумении пытаясь понять, что именно происходит. Аномалия тем временем принялась ломать ногу зомби, и треск костей привел Версоцкого в чувство. Он быстро сделал несколько шагов назад и, уперевшись спиной в платформу, вцепился в нее обеими руками. Зомби еще слабо ворочался, пытаясь выбраться из ловушки и подойти поближе к новому хозяину, но безжалостная ловушка продолжала его медленно перемалывать, точно мясорубка, и вскоре лишь обширное красное пятно на земле могло рассказать о том, что тут погиб человек. Причем прямо на глазах вся влага быстро уходила вниз, пятно бледнело, и не оставалось сомнений, что через несколько минут на этом месте вообще все будет как раньше.

Осторожно набросав недалеко от опасного места горку из несколько камней и веточек, Версоцкий поспешил вернуться. Впереди еще было много дел, и перво-наперво следовало обезопасить людей от таких дурацких опасностей, как обычные аномалии. Да и спасти всех зомби – как оставшихся от кукловода, так и брошенных на время Зюзей. Как расправляются с зомби сталкеры, Версоцкий видел не раз и не сомневался, что бандиты поступят точно так же. А зомби еще были нужны.

36

Оказалось, что у Хантера тоже были виды на обнаруженный поезд. И если бы вопрос решался по сталкерским обычаям, то, несомненно, вся эта невероятная добыча принадлежала его команде. Но Версоцкий не был сталкером, да и банду под предводительством Хантера сталкерами не считал. Поэтому профессор не стал вступать с главарем в прения на предмет дележа добычи, а сразу же предложил как можно быстрее восстановить поезд до такого состояния, чтобы тот смог передвигаться по Зоне.

– Я, конечно, не машинист, – сказал он озадаченному его деловой хваткой Хантеру, – но физику в школе изучал достаточно хорошо, чтобы понять: вот это – не тепловоз.

– Как не тепловоз? – удивился Хантер. – Ты, прохвессор, блин, зенки протри! Как же не тепловоз? Ну, вон же, кабина, колеса, труба…

– Мой дорогой спаситель, – вежливо сказал Версоцкий, в очередной раз наблюдая, как млеет от этой маленькой лести Хантер, – не кабина и труба определяют тип устройства. Это не тепловоз потому, что внутри у него не дизель. А это значит, что соляра ему не нужна. Перед нами старый-престарый, но чудесным образом сохранившийся паровоз. В условиях Зоны это означает полную автономность, поскольку дрова и вода здесь имеются в достаточном количестве повсюду.

– Тепловоз, паровоз – какая разница? – начал было Хантер, но оборвал себя на полуслове и уже заинтересованно сказал: – Как ты сказал? Соляра не нужна?

– Не нужна, – подтвердил профессор.

– И ты молчал? – возмутился Хантер.

– Я вас не пойму, – сухо сказал Версоцкий. – Почему я «молчал», если только что все и весьма подробно объяснил.

– Я не про сейчас, – отмахнулся Хантер. – Вот год назад ты сидел в сарае и не мог мне подсказать, что есть чудесные тепловозы, которым нужны только дрова?

– Во-первых, я не виноват, что вы в школе не учили физику, а за пределами школы не смотрели исторические фильмы. А во-вторых,

даже если бы я зачем-то вам это сказал, что бы вы сделали? Где бы взяли паровоз, если последние из них много лет назад отправили в музеи?

– А это что? – возразил Хантер, тыча пальцем в черный бок паровоза.

– А про «это» – не знаю! – отрезал Версоцкий. – Похоже, прямиком из музея к нам сюда и попал, вместе с гусеничной техникой на платформах и с большим количеством каких-то вещей в товарных вагонах.

– Иди ты! – не поверил Хантер.

– Это очень просто проверить, – развел руками Версоцкий.

Несколько следующих часов профессор имел редкую возможность наблюдать счастливейшего человека на свете. Хантер бегал от вагона к вагону и оглашал окрестности радостными воплями всякий раз, как видел снаряды, патроны или коробки с тушенкой. Его люди тоже выглядели так, словно были уже миллионерами со своими собственными яхтами и виллами. Даже Версоцкого, которого Хантер считал обязанным себе за спасение от кукловода, было торжественно обещано вывести за пределы Зоны, как только представится возможность. Взамен тот, как «самый яйцеголовый братан в бригаде», обещал разобраться в управлении паровозом, благо, по его собственному заявлению, паровая машина не превосходила по сложности даже то, что профессор собирал своими руками в детстве.

Общая идиллия закончилась ближе к вечеру, когда к поезду вышел еще один кукловод и тоже в сопровождении достаточно большой группы зомби. Услышав беспорядочную стрельбу, Версоцкий оторвался от изучения паровой машины и выглянул из кабины паровоза. Новый кукловод, почти точная копия того, что пробовал собрать для себя добычу днем, уже успел обездвижить большую часть банды, а те, кто еще осмеливался по нему стрелять, практически сразу также превращались в истуканов.

Версоцкий мысленно окликнул Зюзю, и, только убедившись, что тот не спит и готов оказать поддержку, вышел из кабины паровоза на общее обозрение. Как и утром, кукловод мгновенно бросил в сторону наглого человека ментальную удавку, но в этот раз ситуацию полностью контролировал куда более мощный телепат. Легко сбив все потуги противника взять под свой контроль Версоцкого, Зюзя без

особого напряжения взял под полный контроль самого кукловода. И начал медленно сжимать ментальные тиски, собираясь полностью раздавить сперва сознание, а затем и мозг мутанта.

«Подожди, – сказал ему мысленно Версоцкий. – Не убивай его, а попробуй лучше подружиться, но без полного захвата».

И кукловод обмяк, хотя и продолжал оставаться на ногах. Люди же, напротив, начали шевелиться, но полного освобождения так и не получили, и поэтому с беспокойством смотрели на Версоцкого, в нескольких метрах от которого закрепленный на специальном станке стоял зенитный пулемет.

Но профессор занимался в этот момент решением совсем других задач. Мысль о том, что гораздо проще управлять всей этой массой людей, не полностью убивая в них разум, а лишь подавляя и заставив для них транслировать команды такое существо, как кукловод, родилась у него в тот момент, когда он увидел мутанта. Это позволило бы, не сильно отвлекаясь, иметь под рукой множество послушных солдат, не перегружая возможности Зюзи. И каких солдат! Не тупых зомби, только и способных под прямым управлением ходить на противника в лобовую атаку и дергать за спусковой крючок автомата, а настоящих бойцов, убежденных в данный конкретный момент времени, что они воюют за какую-то очень хорошую и важную награду.

И он подключился к мощному захвату Зюзи, стараясь найти в сознании кукловода слабину, через которую смог бы полностью подчинить его своей воле. Мутант затрепетал всем телом, точно рыба, выброшенная на берег, сделал отчаянный ментальный рывок, чтобы освободиться, и Версоцкий поразился той мощи, которой обладало в ментальном поле это неразумное создание. Если бы не Зюзя, кукловод наверняка сбросил бы захват и сумел сбежать. А то и нанес бы встречный удар, как это было днем. Но теперь, когда сознание монстра оказалось надежно зафиксированным для тщательного изучения, Версоцкий мог не только попробовать сделать для себя послушного раба, который контролировал бы нужным образом несколько десятков людей, но и утолить любопытство исследователя.

Минута за минутой куда-то в прошлое утекало время. Накрапывал мелкий дождь. Множество людей стояли неподвижно, не в силах даже

пошевелиться, но прекрасно понимая, что между человеком и кукловодом идет борьба не на жизнь, а на смерть. И ждали развязки.

Им еще предстояло узнать, что Зона снова поглумилась над ними, сперва поманив богатством и тут же отняв его вместе со свободой. А может, даже и с жизнью. Но теперь, когда каждый из них верил, что Версоцкий борется за их общую свободу, от всех этих людей исходил прекрасный ментальный фон, помогающий более комфортно препарировать сознание кукловода. И Версоцкий не спешил разочаровывать тех, кто считал его своим защитником.

37

Они стояли неподвижно, а уже второй за день кукловод собирался поджарить им мозги. И помощи ждать было просто неоткуда. Тем более что за спиной у твари стояла толпа совсем свежих зомби, и почти у каждого имелось оружие. Даже когда старикан совершенно неожиданно сцепился с кукловодом, Хантер сперва не чувствовал даже тени надежды. Ведь всего за несколько часов до этого очкарика самого пришлось спасать от предыдущего кукловода.

Совершенно незаметно начался дождь. Сперва он чуть слышно шуршал где-то наверху, в кронах деревьев, потом осторожно прошелся ледяными иглами по голове и шее и, наконец, уверенно забарабанил по вагонам, зашлепал тяжелыми каплями по земле и камням. Ни руки, ни ноги не слушались, но Хантер все видел, слышал и чувствовал. А главное – прекрасно отдавал себе отчет в том, что происходит, и от этого каждая секунда ожидания превращалась в пытку. Гораздо лучше было бы, чтобы кукловод сразу уничтожил сознание своих жертв, но вместо этого монстр отчего-то продолжал возиться со стариканом.

Внезапно показалось, что прямо в голове раздался пронзительный звук, похожий на быстрое расстегивание металлической молнии. И почти сразу пришло понимание, что все самое плохое уже позади. Хантер сумел пошевелить головой, а потом с удивлением уставился на руки. Они двигались! Они слушались его снова!

Радости лысого не было предела. Рядом приходили в себя люди из его команды, и на всех без исключения лицах можно было видеть выражение счастливого недоумения. Потом они обнимались и радостно кричали в честь своего спасителя, а старикан только по-доброму улыбался и кивал им с паровозной площадки.

А потом возникла необходимость как следует поработать. Ведь только подготовившись к борьбе, можно было отстоять свою свободу и независимость. И Хантер вместе со всеми принялся наводить порядок в товарных вагонах эшелона, на котором старикан был главным. Для этого пришлось перевернуть в них все сверху донизу, выбросить лишнее и правильно сложить все самое необходимое. Например, обнаруженные снаряды требовалось перенести на открытые

платформы, где люди, пришедшие со вторым кукловодом, затаскивали их под брезент, под которым стояла какая-то гусеничная техника. Сам кукловод, кстати, тоже был здесь, принимая самое деятельное участие в общем процессе – видимо, старикан пощадил даже такую никчемную тварь и дал ей шанс искупить свою вину честным трудом.

Работа спорилась, и жизнь казалась наполненной смыслом обретения свободы. Лишь одна подлая мысль крутилась в голове, не давая целиком отдаться ощущению эйфории: за какую именно «свободу» следовало бороться и «независимость» от кого завоевывать, Хантер так и не понял. Правда, мысль, несколько отравляя существование, в целом работе нисколько не мешала, а глядя на счастливые и одухотворенные лица своих товарищей, вожак и вовсе забывал о странных сомнениях. Но стоило ему остаться одному, как неприятная, как червяк, мысль вновь начала глодать его уже с утроенной силой.

Наконец, не выдержав этой войны с самим собой, Хантер забрался в один из вагонов, спрятался за грудой ящиков, обхватил себя руками за плечи, зажмурился и попытался понять, о чем именно ему тревожно шепчет внутренний голос. Сначала ничего не происходило, лишь на душе становилось все тревожнее от того, что все его друзья работают на благое дело, а он один отсиживается в темном уютном вагоне.

Потом пришло отрезвление. Да так быстро и страшно, что Хантер даже завыл от ужаса, понимая, что кукловод все-таки победил старикана и теперь по неясной причине заставляет людей выполнять идиотскую работу. Немного отлежавшись и выбросив из головы остатки дурмана, бандит начал понимать, что вагон, в котором он находится, насквозь пропитан влагой, а от стен и пола идет неприятный запах. К тому же инстинкт самосохранения требовал немедленно бежать. Или, если вдруг получится, попробовать убить кукловода и снова всех освободить, как и несколько часов тому назад.

Но стоило ему выглянуть из вагона, как он лицом к лицу столкнулся со стариком. За его спиной стояли люди, которых Хантер еще совсем недавно считал членами своей команды, и целились в бывшего главаря из самого разнообразного оружия.

– Вы чего, мужики? – слабым голосом сказал Хантер, окончательно теряя связь с реальностью. – Это же я, Хантер! Проф,

неужели и тебя до сих пор контролирует…

– Не стрелять, – сказал старикан людям Хантера, и те послушно убрали оружие.

– Проф, че за дела? – спросил Хантер, обводя взглядом обступивших его людей.

– Я удивлен, как ты сумел выйти из-под двойного контроля, – сказал старикан, с любопытством разглядывая Хантера. – По-хорошему, уже за одно это тебя следовало бы пристрелить.

Хантер с недоверием уставился на старикана. Все, что тот сказал за последние несколько секунд, никак не укладывалось в голову. Старик же, глядя на дикую мимику одноглазого лысого человека, вдруг развеселился и даже смахнул набежавшую от смеха слезу.

– У меня есть слабость, – сказал он, продолжая давиться смехом. – Я чертовски ценю оттенки чувств, которые еще в состоянии испытывать. И потому я очень сентиментален. Не стану тебя убивать. Будешь при мне навроде карманной собачки. Своими ужимками и гримасами ты поднимаешь мне настроение.

– Что? – пролепетал ошалевший Хантер. Он готов был услышать что угодно, но «карманная собачка» его шокировала не меньше, чем понимание, что старикан стал кукловодом.

– Ты свободен бегать, где угодно, и делать, что угодно, – пояснил старикан. – Но в безопасности будешь себя чувствовать только рядом со мной.

– Я могу… уйти? – осторожно спросил Хантер.

– Да, я тебя ничем не ограничиваю, – сделал легкий взмах рукой старикан. – Только в паровозе гадить не разрешаю, а так – беги, выполняй свои собачьи обязанности… орошай деревья и обнюхивай своих дружков!

Он засмеялся жутким дребезжащим смехом, от которого у Хантера спина покрылась мурашками. Но самое худшее случилось потом. Ему действительно захотелось бегать, и он побежал, не в силах побороть закипающую внутри бешеную энергию. И бегал вокруг поезда до тех пор, пока не выбился из сил и не упал совсем рядом с микроскопической аномалией, немедленно попытавшейся втянуть в себя руку неосторожного человека.

Только в этом состоянии Хантер смог отдавать себе отчет в происходящем. И этот отчет его пугал настолько, что он решил во что

бы то ни стало сбежать из-под контроля страшного старика. Стараясь не давать волю желанию снова подняться и побежать вдоль насыпи, Хантер медленно протянул руку в сторону аномалии и, ощутив, как натянулась кожа и защелкали суставы в пальцах, стремясь поскорее присоединиться к «тянучке», крепился до тех пор, пока боль не стала нестерпимой. А потом резко поднялся на ноги и рванул в лес.

Бандит бежал, не разбирая дороги, с ужасом ожидая, что зомби с автоматами сейчас развернуться в его сторону и откроют ураганный огонь. Но все было тихо, и, кроме его собственного тяжелого дыхания и хруста веток под ногами, ни единый звук не нарушал больше первозданную тишину. Поезд быстро скрылся из виду, кругом возвышались деревья, за которыми можно было спрятаться от преследователей, а дальше и вовсе начинались заросли кустарника, в которых беглеца не смогла бы отыскать любая по численности банда зомби.

Хантер остановился, осмотрелся и в изнеможении рухнул прямо на землю. Он был свободен! Даже не верилось, что удалось так легко уйти от мерзкого кукловода. Несколько минут одноглазый чувствовал себя просто замечательно. До того самого момента, как внезапно ощутил первый укол страха.

Он не был сталкером и никогда не ходил по Зоне в одиночку, а это значило, что, куда бы он теперь ни пошел, везде его ждала опасность, похожая на игру в рулетку, где единственной ставкой была его собственная жизнь. С учетом того, что многие аномалии оставались незамеченными, даже «наградив» человека летальной дозой радиации или яда, было вполне возможно даже лежа здесь, в совершенно безопасном месте, уже медленно становиться покойником.

В испуге поднявшись на ноги, Хантер вдруг вспомнил, что в лесах Зоны водится множество самых разных мутантов, не говоря уже про кукловодов, которые сегодня тянулись к эшелону, точно мухи к меду. Нервно оглядевшись по сторонам, бандит понял, что не может доверять спокойствию, которым, казалось, просто дышала местная флора.

Страх становился все сильнее, а желание вернуться к поезду, где были хоть и немножко зомбированные, но все-таки свои товарищи с оружием, – все навязчивее. Обливаясь холодным потом, Хантер еще

несколько минут боролся сам с собой, а затем, подвывая от ужаса, бросился бежать обратно.

Когда он, весь в грязи и сухих листьях, выбежал к вагонам, на него никто даже не обратил внимания. Лишь старикан, которого он быстро нашел и опустился рядом в изнеможении, ощущая, как отступает страх, рассеянно погладил его по лысой голове.

Именно в этот момент Хантер вдруг ощутил жгучий стыд. Его, главаря серьезной банды, готовой еще год назад брать власть на большей части Зоны и принуждать к выгодному для себя сотрудничеству все крупные сталкерские кланы, человека, способного спланировать похищение крупного государственного чиновника, превратили в самое обычное домашнее животное. Такое оскорбление прощать было нельзя!

Ярость охватила все его существо. Старикан должен был умереть за такое унижение. И Хантер поднялся, оскаленный и страшный в гневе, готовый убивать голыми руками и грызть, если надо, зубами. Старикан обернулся, посмотрел на него в полном изумлении, но не испугался, а только сказал строгим голосом:

– Фу! Плохая собака!

И ноги понесли Хантера прочь.

* * *

Остаток дня он, страдая от всех возможных страхов и недобрых предчувствий, мечтал только об одном: вернуться поближе к старикану, в обществе которого чувствовал себя так спокойно. Но, как ни пытался, не мог подойти к нему ближе чем на сотню метров.

А потом началось и вовсе самое страшное. Сумерки все ближе подбирались к поезду, и в какой-то момент все люди, что занимались самыми разными делами, вдруг все побросали и двинулись в сторону двух открытых вагонов в центре состава. Не имея возможности подойти поближе, Хантер с ужасом наблюдал, как людская масса покорно лезет в товарные вагоны и запирает изнутри тяжелую дверь. Куда делся старикан, бельмастый не заметил, но вдруг ощутил, что ноги снова слушаются его, и немедленно, подстегиваемый настоящим животным ужасом, устремился к поезду.

Но двери вагонов были уже закрыты, и сколько он ни кричал, сколько ни молотил в сырые доски, никто открывать ему не спешил. А вокруг продолжала сгущаться непроницаемая чернота ночной Зоны. И

в этой чернильной темноте вдруг страшно и протяжно завыла какая-то тварь.

Ноги у Хантера подломились, и он осел на землю. Под руку ему попалось что-то холодное, он рефлекторно сжал пальцы и вдруг понял, что стал обладателем пистолета. Видимо, один из зомби, которых привел кукловод, выронил свое оружие, но даже не заметил этого. Окрыленный этой находкой, Хантер сделал единственное, что ему пришло в голову: быстро забрался на открытую платформу, нырнул под брезент и залез в открытый люк танка.

Страх при этом никуда не делся, но понимание того факта, что снаружи его ждет верная ужасная смерть, заставило его практически неподвижно сидеть на жестком неудобном сиденье всю ночь. Иногда он проваливался в странные сновидения, в которых старикан был его пленником и униженно просил не трогать какого-то Зюзю, но при этом хитро улыбался и зловеще подмигивал.

Среди ночи снаружи начал доноситься неясный шум и рычание, затем кто-то пронзительно закричал, и все сразу стихло. А еще через какое-то время Хантер услышал мерные приближающиеся удары, словно кому-то вздумалось идти вдоль поезда и лупить по бортам палкой. Пожалуй, именно в этот момент бандит дошел до той точки, когда люди от ужаса начинают сходить с ума. И тут он вспомнил, что все это время при нем было самое надежное средство от изнуряющего страха. Поэтому, когда очередной удар пришелся по броне танка, в котором он сидел, Хантер вздрогнул и вставил ствол пистолета в рот. Только вот нажать курок не смог. Так и сидел с пистолетом во рту. А потом, по всей видимости, уснул. Но и во сне страх не отпускал его.

Проснувшись утром от очередной серии кошмаров, Хантер обнаружил, что за ночь исцарапал пистолетом все нёбо и десны. Наверное, только саднящая боль не дала ему выстрелить, как только он вспомнил, где находится. Осторожно вынув ствол пистолета изо рта, он потрогал языком ссадины и от ощущения полной безысходности даже пустил слезу.

Особого выбора у него не было. Обреченно вздохнув, Хантер принялся выбираться из танка, чтобы найти старикана. Ведь только рядом с ним можно было хоть чуть-чуть отдохнуть от бесконечных волн страха, вновь принявшихся накатывать одна за другой.

Но когда он выбрался наружу, оказалось, что проклятого яйцеголового нигде нет. Зато зомби уже повылазили из вагонов и вовсю хозяйничают на платформах. Столкнувшись с одним из созданий, пришедших вместе с кукловодом, Хантер с отвращением оттолкнул в сторону начинающее разлагаться, но все еще подвижное тело и, в очередной раз испугавшись до слабости в ногах, побежал прятаться.

Забравшись между вагонами, он решил, что будет сидеть там до последнего. Тем более что сил бегать и даже просто бояться у него больше не было. Когда же прямо напротив него остановился человек, которого он считал повинным во всех своих несчастьях, Хантер испытал настолько сложное смешение самых разных чувств, что чуть было не лишился рассудка.

38

– Выходит, всеми здешними зомби заправляет старик-кукловод, который когда-то был у тебя в плену? – изумленно спросил Костя, сложивший, наконец, воедино всю картинку. – Но вряд ли у тебя могло быть два таких старика. А значит, это Версоцкий! Но это невозможно!

– Я без понятия, как его там зовут, – сказал Хантер и настороженно покосился на Костю здоровым глазом: – А ты откуда все это знаешь?

– Связист рассказывал, – отмахнулся погруженный в хаос собственных мыслей Опер.

– Ты знаешь Связиста? – Хантер сказал это таким жутким голосом, что Костя моментально забыл обо всех попытках разобраться с Версоцким и уставился в черную гипнотизирующую дырку ствола пистолета, направленного ему прямо в лоб.

– Хантер, опусти оружие, – попросил он, холодея от мысли, что ненависти главаря бандитов к Связисту окажется достаточно, чтобы за одно упоминание его имени открыть стрельбу. – Да, я знаю Связиста. Я же тебе говорил, что оказался здесь только из-за тебя.

– Это я оказался здесь только из-за тебя!

– Отлично, но если бы я не оказался здесь из-за тебя, то ты не оказался бы здесь из-за меня, – рассудительно сказал Костя, стараясь, чтобы голос его звучал примиряюще.

– Прекрати играть словами, урод! – рявкнул Хантер. – Рассказывай, откуда ты знаешь Связиста?

– Год назад в Зону был отправлен поезд экспедиции института по исследованию аномальных явлений Зоны, – со вздохом начал Костя. – На борту поезда был важный правительственный чиновник и съемочная группа столичного телеканала. И все было хорошо, пока одному полоумному бандиту не приспичило стать хозяином бронепоезда, чтобы потом считать себя хозяином всей Зоны.

– Это был отличный план! – резко сказал Хантер. – Но при чем здесь ты и откуда ты знаешь Связиста?

– Какой же ты дурак! – в сердцах воскликнул Костя, не обращая внимания на пистолет. – Я был оператором этой съемочной группы, а

Связист – охранником на поезде. Хоть и познакомились мы уже в финале той истории.

– Ты ехал на моем бронепоезде? – поразился Хантер и опустил руку с пистолетом. – А баба, что с тобой вчера была?

– Она тоже ехала, – терпеливо сказал Костя. – Поскольку руководила нашей съемочной группой. А тот мужик, которого ты держал у себя в заложниках еще вчера, оказался не просто большой шишкой из министерства энергетики, но и бывшим сталкером. Именно он помог нам не сдохнуть. И после всех испытаний, что мы прошли вместе, я не смог больше вернуться к обычной жизни и остался в Зоне. Прошел обучение и получил кличку Опер, поскольку в «прошлой жизни» был оператором. Конечно, мне пригодились все знакомства, и, конечно, я сошелся ближе со Связистом. Все теперь понятно? Надеюсь, ты себя чувствуешь в достаточной мере жалким и безмозглым бараном.

Хантер смотрел на него, выпучив глаза, с выражением самого настоящего ужаса на лице. Потом вдруг открыл рот и быстрым движением сунул в него ствол пистолета.

Костя среагировал мгновенно. Схватив потенциального самоубийцу за руку, он ударил его головой в лицо. Пистолетный ствол выскочил у Хантера изо рта, развернулся вверх, и в этот момент грянул выстрел. От грохота у Кости заложило уши, но он не отпустил руку с пистолетом, а выкрутил ее и отпустил только тогда, когда пистолет выпал из ослабевших пальцев Хантера.

– Это у тебя теперь единственное средство от всех проблем? – бешено сверкая глазами, спросил Костя и, неожиданно даже для себя, отвесил бандиту оплеуху.

Хантер покорно принял удар, но ничего не ответил, а продолжал сидеть, свесив голову на грудь и слабо всхлипывая.

– Нам сейчас не ссориться надо и не стреляться, – сказал Костя успокаивающим голосом. – а думать, как выбраться из этой ситуации.

– Отличные слова, юноша, – раздалось откуда-то справа.

Костя резко повернул голову и обнаружил, что под вагон заглядывает человек, которого он видел мельком год назад. Правда, тогда человек этот был связан, и лицо его искажали судороги, но после всего рассказанного Хантером сомнений не было – на Костю смотрел профессор Версоцкий.

Бандит тут же отбросил в сторону руку Кости и быстро, почти по-собачьи, пополз на четвереньках в сторону Версоцкого. Костя мазнул взглядом по сторонам, но обнаружил, что со всех сторон видит ноги людей, стоящих справа и слева от вагона. Взгляд его упал на пистолет Хантера.

– Не делайте глупостей, молодой человек, – добрым голосом произнес Версоцкий, похлопывая по голому затылку подползшего Хантера. – Оставьте свое оружие там, где оно лежит, и вылезайте. Мне кажется, я вас где-то видел раньше. И это вместе с ответом на вопрос, откуда вы здесь взялись, вызывает у меня неподдельный интерес.

Оценив свои шансы, Костя, стараясь не делать резких движений, медленно выбрался из-под вагона.

Версоцкий оказался высоким худощавым стариком, одетым в новенький военный мундир странного покроя и цвета. Костя не сразу сообразил, что профессор просто надел чистую немецкую форму, найденную в одном из вагонов. Лицо Версоцкого могло показаться добрым и открытым, если бы не холодное выражение глаз, не оставляющее сомнений: при необходимости, ради достижения своей цели профессор не задумываясь убьет, кого угодно.

Версоцкий тоже с любопытством рассматривал Костю. Иногда лицо его кривилось, словно от какого-то внутреннего усилия, и тогда Костя начинал чувствовать, как наливается тяжестью голова, но больше ничего особенного не происходило.

– Странно, – сказал, наконец, Версоцкий. – Хоть я и уверен, что никогда не встречал вас раньше, лицо ваше мне кажется знакомым. Как вас зовут?

– Константин, – сказал Костя. – А вы – профессор Версоцкий, верно?

– Я же говорил, что лицо ваше мне знакомо! – обрадовался Версоцкий. – И где же мы встречались? Хотя нет, не отвечайте, я вспомнил.

Он помрачнел, а сидевший до этого у его ноги Хантер вдруг с визгом шарахнулся в сторону.

– Вы – тот самый человек, который разрушил все мои планы.

Несколько секунд Костя стоял в немом изумлении, а потом начал смеяться.

– Как? И ваши планы я тоже порушил? – спросил он, отсмеявшись под вопросительным взглядом Версоцкого. – «Собака» ваша, вон, тоже считает, что я ее к мировому господству не допустил.

– Мда? – задумчиво вопросил Версоцкий, оглядываясь на Хантера. – Очень интересно. Хантер, ты что, тоже планировал захватить весь мир?

– Как вам удалось сбежать из психушки? – внезапно понимая, что ни капли не боится Версоцкого, спросил Костя.

– Кто хочет – тот добьется, – пожал плечами тот. – Но что же мне теперь с вами делать? Это ведь неспроста, что вы здесь объявились одновременно с Хантером. Значит, убивать вас пока будет неверным решением. А отпускать – просто опасно…

Слабый булькающий звук привлек внимание обоих. Припадая на одну ногу, но все-таки достаточно уверенно, к ним двигался молодой парень с признаками запущенной душевной болезни на лице. Тело его содрогалось от внутреннего возбуждения, перекошенное лицо старалось изобразить какое-то чувство, а скрюченный палец показывал в сторону Кости.

– По-моему, Зюзя вас тоже опознал, – с усмешкой отметил Версоцкий. – Он мне много раз показывал ваше лицо, каким оно было за секунду до того, как вы его ударили прикладом автомата. Ладно, чтобы нам не терять времени даром…

Он не закончил предложение и повернулся к Косте спиной, направляясь в сторону Зюзи. И хотя не было никакого сигнала или команды, Опер вдруг ощутил, как его кто-то крепко хватает за левую руку. Повернув голову, он обнаружил, что один из зомби намертво вцепился в его запястье. Теперь сомнений не оставалось: Версоцкий оказался кукловодом.

– Это у вас такие наручники? – весело крикнул Костя в спину профессору.

– Это чтобы вы глупостей не наделали, – ответил тот, не оборачиваясь. – Зюзя, мальчик мой, не плачь. Да, я понял, это тот самый плохой дядя, который тебя больно стукнул. Ну, хочешь – схвати его за голову, сделай ему также больно, как он сделал тебе. Не хочешь? Боишься? Ну ладно, ладно. Больше плохой дядя ничего нам не сделает.

– Что вы собираетесь делать? – громко спросил Костя. – Чего добиваетесь?

Версоцкий обернулся, посмотрел долгим взглядом, но ничего не сказал. Однако зомби, ставший для Кости надзирателем, решительно потащил его в сторону двух вагонов, стоящих позади паровоза. Сталкер сперва пробовал сопротивляться, но зомби был холоден и равнодушен к ударам, а выкрутить ему руку не получилось – мышцы создания налились твердостью, напоминавшей больше трупное окоченение. Когда же Костя поставил ему подножку, они вместе рухнули на землю, но своего арестанта зомби так и не отпустил, а вот тот больно ударился спиной и перепачкался землей.

Еще один шок ждал Опера впереди. Во время рассказа Хантера он как-то не обратил внимания на описание транспорта, на котором приехал Версоцкий. Теперь же, обнаружив позади паровоза две платформы, груженные рельсами, и два очень знакомых бронированных вагона, Костя просто остановился в ступоре, и через пару секунд зомби снова тащил его за собой, как предмет мебели.

– Откуда это здесь? – вслух спросил Костя, но зомби не мог ответить ему, даже если бы очень сильно захотел. – Откуда?!

39

Обзорная площадка на крыше складского вагона, куда зомби приволок Костю, практически не изменилась с того времени, как он побывал на ней последний раз около года назад. Скамейки, металлические стулья с гнутыми спинками, станок для пулемета, металлические трубы ограждения – все осталось прежним. Теперь, когда многое прояснилось, Костя не чувствовал ни страха, ни какого-то особого желания бежать от странного профессора. Можно было, конечно, попробовать убить зомби и разогнуть его пальцы на своем запястье, но внутри непонятно откуда копилась уверенность, что этот шаг либо ничего не даст, либо приведет к еще худшим последствиям. И Костя временно смирился со своим пленом.

Сверху открывался удивительный вид на странно притягательный в своем диковинном контрасте пейзаж, в котором нашлось место и военному эшелону, прибывшему прямиком из начала сороковых годов прошлого века, и сумрачному лесу Зоны, и совершенно голым деревьям, принесенным неведомыми силами из какого-то зимнего времени года. Добавим к этому современные бронированные вагоны, осмысленно блуждающих в самых разных направлениях зомби, кукловода, скромно устроившегося в ближайших кустах, аномалии, серое небо и многое другое, становившееся заметным по мере того, как сознание привыкало к дикому смешению, какое еще час назад невозможно было себе даже представить.

Ходить по обзорной площадке зомби совершенно не мешал, послушно следуя в нужную сторону, стоило лишь осторожно потащить его за собой. Решив не терять времени даром, Костя переходил от борта к борту и внимательно изучал открывавшиеся виды.

Удивительно, но позади вагона-склада рельсы представляли собой довольно жалкий огрызок длиной никак не более сотни метров. А там, где они заканчивались, исчезала и железнодорожная насыпь. Причем там, почти на границе видимости, заслоненная деревьями, виднелась какая-то штуковина, показавшаяся сталкеру перевернутой пушкой. Потом его внимание привлекло оживление на платформах эшелона. Зомби принялись перетаскивать на платформы с танками хорошо

узнаваемые деревянные ящики со снарядами. На глазах у изумленного Кости в каждый танк загружался боекомплект. Но на этом процесс не завершился. Вскоре внутрь танков стали забираться зомби, еще недавно ходившие под началом Хантера. По их уверенным движениям было понятно, что разум бандитов не уничтожен полностью, как это делал обычно кукловод, а, по всей видимости, взят под плотный контроль. Ни о чем подобном Костя раньше не слышал.

Вскоре башни танков начали поворачиваться. Эшелон ощетинился стволами пушек. Впечатленный масштабами происходящего, Костя даже сразу не сообразил, что именно происходит, когда от жуткого грохота у него непроизвольно подогнулись ноги в коленях, уши заложило, а эшелон с обоих бортов окутался дымом. По вагонам прошла судорога, хороша различимая по лязгу сцепок, и только тогда Костя понял, что Версоцкий каким-то непостижимым образом устроил «салют» из всех орудий, имеющихся в его распоряжении.

Новый залп заставил Костю сесть на лавку. Только зомби, изображающий из себя наручники, продолжал стоять как ни в чем не бывало.

Зачем Версоцкому такая огневая мощь и что он с ней собирается делать дальше, понять было решительно невозможно. Вряд ли профессор решил сменить род деятельности и заняться тем же, о чем мечтал долгое время Хантер. Может, он просто опасался, что в любой момент поезд может перетащить куда-то в другое место, где может оказаться не так спокойно, как здесь?

Танки между тем сделали еще один залп. Вагоны раскачивались, словно огромные железные волны. Во все стороны летели длинные белые щепки, а кое-где, взмахнув напоследок пушистыми кронами, начали падать деревья. На этом, впрочем, артподготовка оказалась завершена. Зато рядом с платформами появились зомби, подтаскивающие к танкам новые ящики.

И в этот момент на обзорную площадку поднялся Версоцкий.

Костя ожидал, что он сразу начнет допрос, но профессор подошел к ограждению и замер, разглядывая свой поезд, точно полководец – армию перед битвой. Серый мундир давным-давно уничтоженной армии сидел на нем как пошитый по индивидуальному заказу.

– Наверное, мне стоило бы вас убить, – сказал Версоцкий, не оборачиваясь. – Но есть что-то более высокое, чем наши желания и

мечты. Я не могу дать этому определения, но именно оно заставляет меня пока не трогать вас. Странно, да?

Он повернулся и пронизывающим взглядом холодных, блекло-голубых глаз словно заглянул Косте в самую душу, да так, что, казалось, кровь застыла в жилах. Но ощущение пришло и ушло, а вместо замораживающего взгляда на Костю смотрел обычный усталый старик.

– Не знаю, – пожал плечам Опер. – Хотя ваше решение меня очень даже устраивает.

– С одной стороны, – словно не слыша его, продолжал Версоцкий, – из-за вас эксперимент Ломакина не был доведен до конца, а все мои планы оказались порушены. С другой – на обломках старого родилось новое, да такое, что мне впору на руках вас носить. Как вас зовут, молодой человек?

Странно, но называть свое имя этому человеку совершенно не хотелось, и Костя, почти не задумываясь, представился своей сталкерской кличкой:

– Опер.

– Интересное прозвище, – отметил Версоцкий. – Знаете, Опер, а ведь Зюзя до сих пор вас боится. Вот какое вы произвели на него впечатление обычным ударом приклада по лбу.

– Если скажу, что сожалею, – поверите? – чуть насмешливо спросил Костя.

– Нет. Разумеется, нет. Но из этого я могу сделать выводы о вашем характере.

– Как вам удалось заставить зомби стать танкистами? – с любопытством спросил Костя. – Насколько мне известно, кукловод даже примитивную стрельбу с помощью этих биороботов не может организовать.

– Я же не кукловод, – несколько рассеянно отозвался Версоцкий.

– Но все-таки?

– Скажу, если объясните, откуда у вас такая стойкость к ментальному воздействию, – неожиданно предложил профессор, словно возвращаясь из глубокой задумчивости.

– Я не знаю, – честно признался Костя. – Возможно, это из-за ночного шептальщика.

– Не понимаю, – резко сказал Версоцкий.

– Это не точно, конечно, – замялся Костя. – У сталкеров есть поверье, что если человек встретился лицом к лицу с ночным шептальщиком и убил его, тот отдает ему часть своей сущности, и этот человек потом может не бояться кукловода. А я год назад как раз убил ночного шептальщика до того, как он успел взять меня под контроль.

– Что за псевдонаучная чушь? – раздраженно спросил Версоцкий. – Как можно верить в такую чепуху? Здесь причину и следствие следует поменять местами: обладая устойчивостью к ментальным атакам, ты не поддался на воздействие и успел применить оружие.

– Я не думал об этом в таком ключе, – честно сказал Костя.

– Современное поколение вообще думать не гораздо, – с горечью констатировал Версоцкий.

Они помолчали. Со стороны раздалась раскатистая очередь танкового пулемета.

– Ваша очередь, профессор, – осторожно напомнил Костя. – Как вам удалось превратить зомби в соображающих солдат?

– Ничего особенного, – глухо сказал Версоцкий, снова отворачиваясь в сторону эшелона. – Я вдруг подумал, что не обязательно выжигать разум, если хочешь заставить человека подчиниться. Достаточно взять под плотный контроль, чтобы не пытался думать о чем-то другом, кроме основной задачи, а потом внушить, что все это он делает ради чего-то очень важного, но абстрактного. Спроси у кого угодно, хочет ли он быть свободным? Нужна ли ему свобода? И всякий скажет, что да, свобода самоценна, и ради нее можно сделать почти что угодно. Люди, что были у этого лысого бандита, Хантера, – не зомби в обычном понимании. Они просто искренне верят, что действуют во имя свободы. Но ведет их все тот же кукловод, которого держит под плотным контролем Зюзя, которого, в свою очередь, направляю я. Получилась надежная, продублированная система управления.

– А с танками как же?

– Еще проще, – отмахнулся Версоцкий. – Один из людей Хантера служил когда-то танкистом и сумел разобраться в системе управления этих старых машин. Ну а уж транслировать его знания напрямую в голову другим людям особых проблем не составляет.

– Вы можете иметь армию любых специалистов, используя готовые чужие знания? – поразился Костя.

Версоцкий посмотрел на него с любопытством и одобрением:

– Вы хорошо схватываете, юноша. Мне будет жаль, если в конце этого длинного пути придется вас убить.

Костя вздрогнул и перевел взгляд на зомби, который продолжал стоять рядом и держал его за руку. В принципе Версоцкий может в любой момент отдать мысленный приказ, и зомби с той же силой и неотвратимостью автомата сожмет холодными руками не запястье, а горло.

– Что дальше? – спросил Костя. – Куда поедем? Учтите, я с той стороны пришел, где еще есть рельсы. Там дальше плотное аномальное скопление, куда я даже пешком идти не решился. Не пройдет там поезд. Да и некуда там ехать, скорее всего.

– Об это я даже не думаю, – ответил Версоцкий. – Все будет устроено не нашими силами. И будет сигнал. Тогда поедем и возьмем все, что нам потребуется.

Судя по всему, у дедушки капитально «сносило крышу». Костя решил некоторое время помолчать, чтобы не спровоцировать приступ душевного нездоровья.

– Спускайся и жди моей команды там, – внезапно повернулся к нему Версоцкий, причем Костя даже не понял, кому был отдан приказ.

Послушно спускаясь по лестнице вслед за зомби, он тешил себя надеждой, что идет только потому, что сам так решил.

40

Приближение главного момента Версоцкий ощутил загодя. Если вся его лихорадочная деятельность по захвату неведомо откуда взявшегося военного эшелона диктовалось беспричинной в общем-то уверенностью, что это просто необходимо сделать как можно быстрее, то начало чего-то грандиозного он почти видел, хоть и не глазами. Следовало немедленно отправляться в дорогу, ведь светящиеся линии путей снова пришли в движение, готовясь соединить то, что пока никаких возможностей для соединения не имело.

Уже почти привычным усилием воли Версоцкий приказал кукловоду заставить людей забираться в поезд, а сам отправился в кабину паровоза, где его ждали двое с равнодушными бессмысленными взглядами. С ними он занимался сам на протяжении несколько часов, лишь изредка привлекая Зюзю для закрепления в пустых сознаниях набора рефлекторных движений в ответ на определенные команды. Версоцкому нужно было иметь управляемый поезд, а без машиниста паровоза и помощника, который поддерживал бы горение огня в топке, это было попросту невозможным.

Огонь уже вовсю бушевал, манометры, показывающие давление в котле, сотрясались от напряжения, нетерпеливо подрагивая стрелками рядом с красными секторами. Все было готово к тому, чтобы трогаться в путь. Куда именно ехать, сомнений не было: темное пятно со светящимися линиями путей буквально притягивало взгляд, хотя глаза его увидеть и не могли.

Вскоре кукловод прислал сообщение, что вся еда находится в странных домах. Версоцкий коснулся сознания машиниста тепловоза. Человек заученным движением взялся за рычаги. Паровоз выбросил струю пара, качнул эшелон в одну сторону и тут же взялся толкать в другую. Оказался он при этом почти в самом конце состава, между эшелоном и двумя вагонами с платформами, на которых в точку рандеву прибыли Версоцкий и Зюзя.

Куда ведет дорога и не может ли случиться, что проехать по ней будет нельзя, Версоцкого не волновало. Он верил, что сила, которая спасла его после коварного удара установки Ломакина, поможет ему и

теперь. Зачем это самой силе – Версоцкий старался не думать. Ведь все, что ему было нужно – добраться до установки. И сила, похоже, стремилась ему в этом помочь. А зачем и почему – неважно.

Состав медленно двигался вперед, оставляя позади целые груды выброшенных на землю вещей и пустые ящики от боеприпасов. Паровоз пыхтел, словно был живым, и толкал из последних сил огромный эшелон. Мимо проплывали деревья и скромные поляны, на которых, словно крохотные гейзеры, трудились, выбрасывая пар и дым, небольшие аномалии.

Корректирующая команда – и машинист принялся остервенело дергать за рычаги. Паровоз какое-то время никак не реагировал, потом вдруг обиженно свистнул и заметно прибавил ход. Темное пятно, перекрещенное полосами светящихся путей, стало отчетливей и ближе. Значит, все шло так, как и должно было идти.

По сторонам от эшелона замелькали совершенно черные деревья без листьев, вокруг которых было много бурой грязи, затем они сменились белыми березами в шапках ярко-зеленой листвы и кустами, усыпанными желтыми цветочками. Справа и слева все чаще появлялись аномалии, причем располагались они все и ближе к насыпи, и вскоре в деревянные стенки вагонов застучали камешки и куски земли, сдвинутые с места проходящим составом и попавшие прямиком в объятия ловушек.

Вскоре, получив огненный удар справа, задымил один из первых вагонов. Причем открытого огня видно не было, но дымило достаточно сильно. А еще через пару минут с обеих сторон разом появились мощные «тянучки», и борта вагонов принялись выгибаться в сторону этих гравитационных аномалий. Ловушек становилось все больше, и уже вскоре с жутким треском из стены первого вагона выдралась доска.

Слева от вагонов поднялся крохотный вихрь и принялся «обстреливать» синими молниями колеса вагонов. Что-то невидимое ударило справа, опасно качая первые вагоны и с диким треском вышибая из них доски так, что во все стороны полетела щепа. Но поезд продолжал уверенно двигаться вперед, а разрядившиеся аномалии больше не могли ничего противопоставить все новым и новым вагонам, въезжающим в их границы.

Слева появился большой заснеженный участок с голыми деревьями, на границе которого с обычной землей Зоны оказалась аномалия с отрицательным гравитационным потенциалом и большим градиентом. Фонтан снега, летящий вверх, смотрелся нарядно и совсем не страшно. А справа, на большой поляне, откуда ни возьмись возник степной ковыль. Мелькнули белесые пушистые волны и остались позади. Пошел мокрый снег вперемешку с ледяным дождем. Над головой кружили желтые листья, сорванные ветром с высоких берез. Пронзительно раскаркалась ворона. Версоцкому было все равно. Его вела вперед главная цель.

Состав уже набрал вполне ощутимую скорость, когда впереди появилась стена серебристого тумана. Первые вагоны влетели в него на полном ходу, и в этот момент Версоцкий понял, что черное пятно в перекрестиях светящихся линий попросту исчезло. Несколько секунд он искал его в тревожном недоумении, а потом и паровоз погрузился в блестящее месиво.

Несколько секунд вокруг не было видно ровным счетом ничего, кроме серебристого влажного тумана, а затем эшелон вырвался на открытое пространство. Вагоны мчались по огромной дуге, плавно поворачивая влево. И там, на самом дальнем краю этой рельсовой дуги, медленно двигался до боли знакомый бронепоезд.

Версоцкий счастливо рассмеялся и даже помахал едва ползущим бронированным вагонам рукой. Все равно вряд ли его кто-то мог заметить, а если бы даже и заметили – это уже ничего не решало. Несмотря на то что оба поезда двигались в одном направлении, военный эшелон имел приличную скорость и неуклонно настигал свою цель.

Какого-то особого плана действий у Версоцкого не было. Его интересовала только установка. Поэтому, когда с бронепоезда начали подавать световые сигналы, а затем его тепловоз неожиданно быстро начал набирать ход, пусть и ненадолго задерживая неизбежное, Версоцкий сперва удивился, а потом и рассердился.

– Не хотите по-плохому, – буркнул он сам себе под нос, – значит, будет по очень плохому!

41

Поезд снова двигался вперед. Ломакин следил за показаниями датчиков на экране компьютера. Кудыкин стоял рядом и ждал главного вердикта о возможности запуска установки.

Торцевую часть вагона заделали по краям подручными материалами, оставив в центре большое отверстие, затянутое пленкой. С началом движения эта пленка начала колыхаться и хлопать под напором ветра, как заправский парус.

– Товарищ полковник, – сказала рация на поясе у Кудыкина. – Мы наблюдаем нечто странное.

– Кажется, я начинаю привыкать к таким докладам, – с иронией сказал Кудыкин и нажал тангету: – Что там у вас опять случилось?

– Наблюдаю примерно в километре позади состава большое количество тумана. Такой странный туман, блестящий.

Полковник с тревогой посмотрел на Ломакина:

– Ваши шуточки, профессор?

– Если только какой-то побочный эффект, – растерянно забормотал тот, несколькими нажатиями на клавиатуре выводя на экран изображение с задних камер наблюдения, установленных на тепловозе.

На фоне уплывающей назад стены леса действительно медленно расплывались серебристые клубы.

– Не нравится мне это, профессор, – сказал Кудыкин, разглядывая уползающую вправо картинку. – Откуда там этот туман? Меня беспокоит, что он появился там, где мы совсем недавно были. Вы уверены, что мы находимся там, где должны находиться?

– Вот смотрите, мы на поворот выходим, и если камеры немного довернуть, можно будет на источник тумана посмотреть несколько сбоку, – забормотал Ломакин, настраивая камеры.

Картинка стала четче, приблизилась, в хаотичном бурлении серебристых клубов наметилось какое-то движение, замаячило темное пятно. Кудыкин и Ломакин наклонились к экрану поближе, чтобы разглядеть странное образование. И непроизвольно отпрянули назад,

когда из хаотичного молочно-серебристого месива вдруг вырвался товарный вагон. А за ним еще, и еще, и еще.

Невозможность происходящего на несколько секунд словно парализовала и профессора, и полковника. Не в силах оторваться от экрана они видели, как вагон за вагоном, платформа за платформой из расползающегося серебристого облака появляется огромный военный эшелон. И лишь оценив его скорость, Кудыкин рявкнул в рацию:

– Боевая тревога!

Потом переключил канал и быстро сказал:

– Эй, на тепловозе! Иваныч! Нужно быстро набрать скорость! Срочно! Потом все объясню, быстро разгоняйся! А то нам сейчас устроят самое настоящее крушение.

– Есть, товарищ полковник, – прохрипела рация.

– А если впереди что-то с рельсами? – испуганно спросил Ломакин.

– Тогда будет очень неприятно, – хмыкнул Кудыкин. – Но если мы не наберем скорость, нам гарантирована настоящая катастрофа.

– Откуда вообще это взялось?

– А разве не вы должны ответить на этот вопрос? – язвительно поинтересовался Кудыкин. – Готовьте оборудование и людей к возможному столкновению. Думаю, у вас есть минут десять, не больше. Если угроза столкновения будет велика – я подам общий сигнал.

Отдав еще несколько необходимых распоряжений, Кудыкин вручил сержанту Ложкину мощный фонарь и ракетницу, взял бинокль и поднялся на обзорную площадку штабного вагона. Здесь встречный холодный ветер чувствовался гораздо сильнее, чем в лаборатории.

– Сигналь! – приказал полковник Ложкину, поднимая к глазам бинокль.

– Что-то передавать или просто привлекать внимание?

– Просто сигналь. И ракеты пускай. Сомневаюсь я, что наши сообщения найдется кому разбирать и обдумывать.

Потом Кудыкин замолчал, поскольку увиденное потрясало всяческое воображение. Самый настоящий военный эшелон, груженный немецкими танками, настигал бронепоезд, точно пытался его не просто догнать, но и поймать. Правда, и тепловоз уже ощутимо добавил скорости.

Ложкин выстрелил из ракетницы и принялся сигналить фонарем. Но сколько Кудыкин не осматривал вагоны чужого поезда, ни малейших признаков того, что их сигналы замечены, он так и не заметил.

– Какой-то «летучий голландец», – сказал он с раздражением и вызвал по рации Ломакина: – Профессор, а не может так случиться, что это тоже мираж какой-нибудь?

– В принципе все возможно, но утверждать наверняка было бы затруднительно… – забубнил в ответ Феоктист Борисович.

– Ясно, – не стал дослушивать Кудыкин и снова взялся за бинокль.

Дорога в очередной раз начала поворачивать, давая возможность лучше рассмотреть догоняющий их эшелон. Кудыкин ахнул и подался вперед, буквально вжимая бинокль в лицо.

Позади допотопного паровоза, усердно выбрасывающего клубы дыма и пара, отчетливо виднелись две платформы, груженные рельсами, и два бронированных вагона. Те самые платформы и вагоны, что еще недавно были частью его собственного бронепоезда. А на обзорной площадке вагона склада стоял, вцепившись в перила, высокий и худой старик.

Кудыкин опустил бинокль. Сомнений больше не осталось.

– Профессор, – сказал он по рации, – а ведь это снова Версоцкий. И боюсь, в этот раз ваша установка нам уже не поможет.

Что ответил Ломакин, полковник уже не услышал: чужой эшелон вдруг озарился серией ярких вспышек. Скорее инстинктивно, чем осознанно, полковник схватил сержанта Ложкина за рукав и бросил на пол. В следующий миг над бронепоездом словно раскололось небо.

Разрывы снарядов наполнили воздух раздирающим уши грохотом и воем рикошетирующих осколков. Судя по гулким металлическим ударам пара снарядов попали прямо в бронированные борта. Вагон ощутимо качнуло.

– Вот и дожили до настоящей войны, – с досадой сказал Кудыкин, подталкивая Ложкина в сторону люка. – Давай быстрее, сержант. Они сейчас повторят.

И правда: стоило им закрыть за собой люк, как снаружи загрохотали разрывы, а чуть позже накатило и гулкое эхо от далеких выстрелов.

– Артиллерийским расчетам приготовиться к бою! – скомандовал Кудыкин в рацию и почти бегом направился в лабораторию.

– Вы видели своими глазами? – встретил его вопросом Ломакин. – Там действительно Версоцкий?

– Ни малейших сомнений. Самое главное, профессор, вы не забыли, что мы приближаемся к тому месту, где ваша установка должна быть, наконец, включена на полную катушку?

– У меня все готово, – заверил его Ломакин. – Более того, я уверен, что мы сможем осуществить запуск установки прямо на ходу. А значит – действуйте без оглядки на мои дела. Разбирайтесь с Версоцким, а я займусь остальным.

– Спасибо! – с чувством сказал Кудыкин.

42

Самая странная гонка, что когда-либо видела Зона, продолжалась, но развязка уже была близка. Посмотрев еще раз через камеры заднего вида на далекий пока, но медленно надвигающийся, наполовину разбитый товарный вагон, идущий первым в чужом эшелоне, Ломакин взялся за последние приготовления к запуску эксперимента.

Снаружи время от времени доносились гулкие выстрелы артиллерийских установок бронепоезда, да изредка гудела от прямых попаданий броня. Ломакин демонстративно не обращал на это никакого внимания, подавая этим пример своим сотрудникам.

Все расчетные данные уже были введены. Осталось добавить показатели оптической проницаемости воздуха в текущий момент времени, поскольку первичная оболочка для основного излучения установки генерировалась в оптическом диапазоне и могла получать серьезные искажения из-за пыли или даже присутствия в воздухе малозаметных газов. По счастью, в Зоне не так часто случались пылевые бури, а воздух был чист при достаточно стабильной влажности.

Тем не менее по команде с компьютера на внешней стене вагона-лаборатории открылся контейнер, из которого выдвинулся на полметра в сторону датчик оптического контроля параметров среды. Несколько минут Ломакин не обращал на его показания никакого внимания, будучи уверенным, что увидит те же цифры, что и всегда. А когда все-таки посмотрел, то сдавленно охнул, посидел несколько секунд в прострации, а потом начал лихорадочно переключать камеры наблюдения на один экран.

Но, что бы он там не надеялся увидеть, все его ожидания пошли прахом: поезд на большой скорости приближался к стене серебристого тумана. И это значило, что он категорически не успевал запустить установку до того момента, как туман снаружи блокирует нормальную работу установки.

– Скорее, надо успеть! – тем не менее закричал Ломакин, и несколько сотрудников в лабораторных халатах заметались в каком-то

хаотическом диком танце, пытаясь сделать за две минуты то, на что им ранее было отведено целых десять.

– Быстрее! – отчаянно кричал Ломакин. – Еще быстрее!

Но они не успели. Поезд влетел в блестящее марево, и запуск установки мгновенно превратился из повторения научного эксперимента в лотерею с неизвестным результатом.

– Стоп! – скомандовал Ломакин. – Подождем. Надолго это не затянется.

Бронепоезд продолжал пронизывать тяжелую серебряную вату, но, вопреки предсказаниям Феоктиста Борисовича, все никак не выезжал на чистое и открытое пространство. Расчетный курсограф рисовал на экране маршрут, нагло утверждая, что именно в данный момент поезд проезжает то самое место, где год назад профессор неосмотрительно проводил свои безответственные эксперименты. И это значило, что еще немного, и запускать установку уже будет просто бессмысленно.

– Что же это такое?! – в отчаянии завопил Ломакин. – Почему нам так не везет?! Все, ждать больше нельзя, придется рисковать. Запускаем!

Дополнительные излучатели, встроенные в борта вагона, засветились голубым. Главный излучающий элемент – стержень в оболочке лазерных модулей – выдвинулся на манипуляторе в центр коридора. Вокруг него появилось легкое зеленое гало. Ломакин решительно нажал на кнопку, и серия белых вспышек возвестила, что большая часть накопленного заряда ушла сквозь открытую стенку вагона в нужном направлении.

Ломакин буквально впился глазами в параметры датчиков, которые регистрировали ответную реакцию на посланный импульс. С каждой секундой лицо профессора становилось все бледнее. Наконец, он просто отвернулся от экрана и сгорбившись уставился в пол.

В этот момент открылась дверь, и в лабораторию быстро вошел Кудыкин. С первого взгляда оценив ситуацию, он осторожно спросил:

– Что-то пошло не так, профессор? Наблюдатели доложили, что ваша установка отработала, но…

– *Все* пошло не так! – резко сказал Ломакин. – Вы туман видели? Он затянул все пространство вокруг того места, где надо было осуществить запуск. Если бы мы сделали это издалека, туман не имел

бы ни малейшего значения. Но мы «стреляли» прямо из самого тумана. Если коротко – результат не достигнут. Или, если хотите, результат будет отличаться от расчетного.

– Так давайте повторим, как только покинем это место? – предложил Кудыкин.

– Надо заново копить энергию и каким-то образом разворачивать установку, – печально сказал Ломакин. – Если бы не Версоцкий, мы могли бы просто развернуть поезд на том старом разъезде, что скоро будет впереди. Но он не даст нам развернуться. Или вы остановили его?

– К сожалению, нет, – мрачно сказал Кудыкин. – Все, наоборот, идет к тому, что это он нас остановит. Дорога идет прямо, а стрелять через вагоны не получается. У него же первые вагоны почти полностью разрушены и два танка стреляют прямо через них в наш тепловоз. Тепловоз у нас, конечно, бронированный, но…

– Товарищ полковник, это тепловоз! – прохрипела рация. – Мы горим!

– Только не это! – простонал Кудыкин. – Только не это!

– Быстро доставайте огнетушители! – закричал Ломакин сотрудникам.

Один из людей подскочил к стене и нажал большую красную кнопку пожарной тревоги.

– Тушите, чем можете! Сейчас пришлю помощь! – крикнул полковник в рацию, а затем бегом устремился к выходу из вагона. Следом за ним ринулись сотрудники Ломакина с огнетушителями в руках.

По вагонам прокатился неприятный пульсирующий и вибрирующий звук.

Вскоре стало ясно, что затушить своими силами бушующее снаружи пламя, экипажу бронепоезда не по силам. Тем более что, когда люди полезли с огнетушителями наверх, по ним тут же ударил пулемет с эшелона Версоцкого.

Выскочив из тепловоза в соседний вагон, красный от полученных ожогов машинист выпалил:

– Отцеплять надо, товарищ полковник! А не то рвануть может. Или просто так загорится, что дальше огонь перекинется!

– Значит, отцепляй! – решительно приказал Кудыкин. – Только поставь его на торможение, чтобы мы от него отъехали на какое-то расстояние.

– Есть отцеплять!

– Сомов, – сказал в рацию Кудыкин. – Гранатометчика на крышу срочно. Мы сейчас отцепим тепловоз. Мне надо, чтобы боец его гранатой на брюхо положил. Глядишь, эти идиоты со всей дури в него впишутся.

– Понял.

– Профессор, – позвал по рации Кудыкин. – Сколько там до разъезда?

– Уже подъезжаем, – после короткой паузы ответил Ломакин.

– Отлично, – мрачно сказал Кудыкин. – Если хитрость получится, увидим дивное крушение до разъезда.

Он прошел в штабной вагон и поднялся на обзорную площадку как раз вовремя, чтобы увидеть, как отцепленный машинистом тепловоз, пылающий, словно огромный костер, медленно отстает. Вокруг медленно проплывали многочисленные пути старого железнодорожного разъезда. Вдали, за все больше разгорающимся тепловозом, виднелся чужой эшелон, и не было понятно, собирается ли он притормаживать.

Солдат с гранатометом на плече уже стоял на крыше и целился в тепловоз, видимо, не решаясь стрелять, пока расстояние до цели не увеличится хотя бы еще немного. Бронепоезд по инерции катился вперед, все дальше уходя от брошенного тепловоза, и уже практически миновал сложное переплетение рельсов, выкатившись на одну из веток.

Наконец, гранатометчик решил, что расстояние позволяет стрелять достаточно безопасно. Гулкий звук выстрела сменился грохотом взорвавшейся гранаты. Тепловоз, горящий уже как огромный пионерский костер, подпрыгнул и резко осел вниз бесформенной грудой раскаленного металла, окончательно блокируя пути.

Несмотря на то что ситуация не слишком способствовала лирическим настроениям, Кудыкин почувствовал, как сжимается сердце, а на глазах невольно наворачиваются слезы. Все то, чему он посвятил последние годы своей жизни, превращалось в груду металлолома прямо на глазах. Немного утешало то, что теперь они

оказались в относительной безопасности, и оставалось лишь поставить пулеметы на крышу, чтобы отстреливать всех, кто попытается пешком пробраться к вагонам вдоль насыпи.

– Не переживайте, полковник, – мягко сказал за спиной Ломакин, неизвестно когда успевший подняться на крышку штабного вагона. – Мои сотрудники уже выводят излучающий элемент наружу через боковой монтажный люк и развернут его в нужную сторону. А генерирующие модули дают столько энергии, что нам не только хватит все вернуть на круги своя, но и обеспечит отрасль весьма щедрым финансированием. В этом я уверен. Так что, построят нам новый бронепоезд.

Кудыкин с удивлением посмотрел на ученого.

– Что-то в этой жизни решительно идет не так, – сказал он, слабо улыбаясь. – По идее, это я вас сейчас утешать должен.

Огрызок бронепоезда продолжал катиться по рельсам, постепенно замедляя ход. Огромная масса бронированных вагонов обладала значительной инерцией, благодаря чему и догорающий тепловоз, и маячащий за ним военный эшелон оставались все дальше позади.

– Что теперь, полковник? – спросил Ломакин. – Я надеюсь, вы не вынашиваете в голове все эти глупые планы про оставление бронепоезда и выход из Зоны пешком? Я вас сразу предупреждаю: без моей лаборатории я никуда отсюда не уйду. Хоть на ремни меня режьте.

– Зачем загадывать, Феоктист Борисович? – сказал Кудыкин. – Спасатели здесь давно уже быть должны, но их нет. Значит, опять над нами Зона посмеялась, опять обманула. И не на кого нам больше надеяться, кроме как на самих себя. А без тепловоза нам отсюда не выехать, и вы это прекрасно знаете.

– Я готов закрыться в лаборатории… – запальчиво начал Ломакин.

– …в которой нет одной стены, – закончил за него Кудыкин.

– У нас полно сталкеров. Они за пару дней дойдут до Периметра и вызовут подмогу, – продолжал гнуть свою линию Ломакин.

– Знаете, что меня больше всего удивляет, профессор, – внезапно сменил тон Кудыкин. – Вовсе не ваша готовность пожертвовать собой во имя науки, а то, что у нас все повторяется, как и год назад. Когда я собирал эту экспедицию, мне казалось, что теперь предусмотрено абсолютно все и ни одна из прежних проблем нас больше не коснется.

Ерунда! Все вышло точно так же, а то и похуже. Где я ошибся? Откуда эта повторяемость ситуации? Если Зона и впрямь обладает сознанием, как говорят сталкеры, то что она хочет нам всем этим сказать?

Ломакин молчал, не зная, как ответить на неожиданное откровение Кудыкина. Замолчал и полковник. Вагоны теперь двигались не быстрее пешехода, и уже можно было прикинуть, где окончательно остановится их разбитый бронепоезд.

– А эти что там задумали? – встрепенулся вдруг Ломакин, тыча пальцем в сторону поезда Версоцкого.

Кудыкин поднял к глазам бинокль. Несколько человек, неуклюже возились чуть в стороне от догорающего тепловоза.

– Не разберу, – с тревогой сказал Кудыкин. – Что-то поднимают или двигают.

Впрочем, загадка очень быстро разрешилась. Вражеский эшелон начал потихоньку двигаться, и вскоре первые вагоны миновали груду дымящегося железа, бывшего когда-то тепловозом бронепоезда.

– Они перебросили стрелку и вышли на параллельный путь, – сказал Кудыкин. – Вот это номер. Не подумал я о таком. Надо было раньше от тепловоза избавляться.

Чужой поезд тем временем все больше вытягивался на параллельной ветке. До него было сейчас не больше полукилометра, и теперь стало ясно, каким огромным огневым преимуществом он обладает. Множество танков на открытых платформах разворачивали башни, готовясь открыть огонь по бронепоезду.

– Думаю, нам лучше спуститься, – твердо сказал Кудыкин.

– Все не так страшно, как может показаться, полковник, – мотнул головой Ломакин. – Между насыпями железнодорожных путей наверняка сформировалось мощное аномальное поле. Поверьте, я большую часть жизни все-таки провел рядом с Зоной. Разбираюсь в этом вопросе немного.

– Думаете, танковая пушка не сможет прострелить прямой наводкой область над аномалиями? – с сомнением в голове спросил Кудыкин. – Про пулю – понятно, но у снаряда совсем другая энергия.

– Аномалиям безразлично количество энергии, – отмахнулся Ломакин. – Если ее много, аномалия просто будет ее быстрее поглощать, только и всего. Поэтому – да, я почти уверен, что опасность не настолько велика. Однако, когда я вижу столько

пушечных стволов, направленных в мою сторону, мне хочется как можно быстрее последовать вашему совету и спуститься в вагон.

– Не отказывайте себе в этом маленьком капризе, – слабо улыбнулся Кудыкин и сделал приглашающий жест рукой в сторону люка.

43

Лишенный возможности передвигаться, бронепоезд превратился в беспомощную мишень. Но не беззащитную.

Бронированные стены вагонов ощетинились стволами тяжелых пулеметов. Люди с автоматами равномерно распределились по всем вагонам, имея на руках приличный запас патронов и гранат. Два артиллерийских бронеколпака, занятые орудийными расчетами, были изготовлены к стрельбе осколочно-фугасными снарядами. А полковник Кудыкин, впервые за долгое время имевший перед собой вполне зримого и понятного противника, чувствовал себя как рыба в воде.

Прикрытые бронированной тушей бронепоезда, в разные стороны разошлись поисковые группы, благо сталкеров у полковника было не меньше, чем солдат. В их задачи входило разведать обстановку позади бронепоезда, попробовать обойти поезд Версоцкого с флангов, а также вести наблюдение с целью выявления таких же поисковых групп со стороны противника.

Наблюдатели разглядывали в бинокли и камеры наблюдения длинный эшелон напротив, пытаясь обнаружить хоть какое-то движение и предугадать дальнейшие действия Версоцкого. Но ни малейшего движения на поезде противника заметно не было.

В лаборатории, куда полковник пришел после отдачи всех распоряжений, царило тихое уныние. Сотрудники неподвижно сидели в ожидании указаний начальства, а Ломакин мрачно водил карандашом по листу бумаги, изображая угловатую некрасивую гусеницу.

– Профессор, – решительно сказал Кудыкин, усаживаясь напротив, – нельзя сдаваться. Во-первых, ваша установка сработала, и не исключено, что скоро все нормализуется.

– Вот не надо, полковник, – резко сказал Ломакин. – Все вероятности у меня на листке расписаны были еще вчера. Вот, полюбуйтесь. Нарушение ориентации излучающего элемента установки снизило вероятность благоприятного исхода в шесть раз! Это значит, что еще день-два, и процессы станут необратимыми!

– Тем не менее шансы есть, – мягко сказал Кудыкин. – С другой стороны, если мы сделали это один раз, почему бы не попробовать сделать и второй? Разверните свою установку, накопите энергию, и произведем выстрел прямо отсюда.

– Вы так легко ко всему относитесь, – с горечью ответил Ломакин. – Развернуть установку – это вам не довернуть излучающий элемент. На это время нужно. Много времени!

– Ну, со временем у вас порядок, – с кривой улыбкой вставил Кудыкин.

– Но главное, это энергия! – сказал Ломакин. – Дизеля должны теперь работать непрерывно до завтра, чтобы накопить нужный заряд в конденсаторных батареях.

– И что? – спросил Кудыкин.

– Версоцкий все это время сидеть просто так не будет!

– И что?

– Как «и что?»?! Что «и что?»?! – завопил Ломакин, поднимаясь с места и пытаясь нависнуть над Кудыкиным. – Как вам объяснить все мое отчаяние, когда после тяжелой и серьезной работы все разрушается из-за нелепой случайности? Как рассказать, чтобы вы услышали, каково это – быть марионеткой, чья жизнь зависит от чьего-то каприза? Вы понимаете, что такое научный эксперимент и сколько сил он требует? Вы понимаете, что любой разрыв снаряда в момент освобождения от демпфер-захватов и разворота излучающего элемента установки может разрушить его совсем? Вы понимаете…

– Заткнитесь, профессор, – очень вежливо, но жестко сказал Кудыкин и этим разом оборвал словесный поток Ломакина. – Зачем вы мне рассказываете, что все это очень трудно и рискованно? Выбора нет, делать все равно придется. Если вы устали и более не способны осуществлять научное руководство экспедицией – идите в штабной вагон и пишите рапорт об увольнении по собственному желанию.

– И что? – агрессивно спросил Ломакин. – Назначите другого начальником, и жизнь наладится оттого, что кто-то будет выполнять ваши идиотские приказы?

– Нет, я просто уничтожу ваш рапорт и отправлю вас обратно работать. Но зато вы ощутите себя действующей силой, а не марионеткой в руках судьбы.

Ломакин, растерянно посмотрев на него, сел, явно обескураженный и даже пристыженный.

– Соляры не хватит, – сказал он наконец гораздо более спокойным голосом. – На расчетное время работы генераторов нам просто не хватит топлива. Часть соляры была в складском вагоне. Основной резерв – в баках тепловоза. Ни того, ни другого у нас больше нет.

– Вот это уже другой разговор, профессор, – сказал Кудыкин. – Давайте думать, чем мы можем заменить соляру. Сейчас озадачу людей – думаю, что мы найдем немало горючих жидкостей, которыми можно заправить наши всеядные дизели.

– А вы сможете продержаться еще почти сутки, полковник? – спросил Ломакин.

– Мы, профессор, сможем еще и не такое, если никто из нас не станет предателем только потому, что у него не останется надежды. Когда человек теряет надежду, он должен пойти и застрелиться. Потому что если он начнет стенать на разные лады, то этим самым он будет убивать способность совершать невозможное в тех, кто его окружает.

Ломакин помолчал несколько секунд, потом совершенно по-детски шмыгнул носом и сказал:

– Замечательные слова, полковник. Идите и делайте свою работу. А я сделаю свою.

Но не успел Кудыкин, вернувшись в штабной вагон, даже сесть за свой стол, как его вызвала одна из поисковых групп и доложила, что в лесу, недалеко от бронепоезда, задержаны два диверсанта.

– Ведите их сюда, – распорядился Кудыкин, немного подумал и, сделав несколько шагов, устало опустился на диван.

Последние сутки, насыщенные событиями, истощили все душевные и физические силы. Но даже те несколько минут спокойствия, что подарили ему обстоятельства до прихода плененных диверсантов, Кудыкин не мог провести в праздном отдыхе. Мысли вновь вернулись к прошлогодней экспедиции и тому объемному багажу всевозможного опыта, который он максимально использовал для подготовки новой экспедиции, но оказался в итоге еще в более худшем положении, чем год назад. Он перебирал в голове событие за событием и все более отчетливо понимал, что не допустил в своих действиях не одной серьезной ошибки, предусмотрел все, что вообще

мог предусмотреть, но обстоятельства всякий раз разворачивались столь непредсказуемым образом и приводили к таким масштабным последствиям, что все заготовленные полковником запасные козыри в лучшем случае лишь смягчали очередной удар судьбы.

– Товарищ полковник, задержанных привели, – доложил один из солдат от двери.

– Ведите, – приказал Кудыкин и поднялся с дивана.

Какого же было его удивление, когда в штабной вагон вошли мужчина и женщина, чьи лица ему сперва показались лишь смутно знакомыми, а потом…

– Роман Андреевич, вы ли это? – ахнул Кудыкин, присматриваясь к грязному, изможденному, но удивительно бодрому человеку. – Марина! Я не верю своим глазам!

Он шагнул навстречу задержанному и обнял его.

– Очень рад тебя снова видеть, полковник, – весело оскалился Топор. – Хотя мы с Маринкой тоже сперва своим глазам не поверили, когда наш поезд здесь увидели. Да еще в таком состоянии.

– А я и вовсе словно домой вернулась, – устало и радостно сказала Марина, опускаясь в ближайшее кресло. – Пусть даже наш домик немножко разрушен. Совсем хорошо теперь стало, жалко лишь, что Кости с нами нет.

– Это просто невероятно, – сказал Кудыкин. – Солдат! Быстро сюда еды, воды, чистую одежду. Это не диверсанты, а самые что ни на есть союзники.

Потом подумал, как-то по-новому посмотрел на Топора и Марину и добавил:

– Наверное.

44

Через час, приведя себя в порядок и пообедав, Топор и Марина слушали рассказ Кудыкина о событиях последних суток. Свою историю они уже успели рассказать в общих чертах, причем послушать ее приходил даже Ломакин, с которым Марина на радостях даже обнялась. Потом Ломакин, делавший по ходу рассказа Топора какие-то пометки в блокноте, вдруг извинился и быстро вышел за дверь, а полковник, выслушав доклады и отдав новые распоряжения, взялся объяснить, как снова оказался на почти том же поезде в почти том же месте.

– Вот это мы нашли безопасное место, – весело сказал Топор, когда Кудыкин, завершив рассказ, предложил полюбоваться военным эшелоном Версоцкого через окно.

Кудыкин собственноручно приоткрыл бронированный ставень, прикрывающий стекло от прямых попаданий, и в штабной вагон хлынул дневной свет. Марина и Топор подошли поближе и долго смотрели на длинный состав с хорошо различимыми профилями немецких танков на открытых платформах.

– Даже не представляю, что за медленная катастрофа происходит, раз такое стало возможно, – сказал потрясенный Топор. – Я своими глазами вижу настоящие немецкие танки! Сомнений нет – увлекался в отрочестве сильно этим делом.

– А до того, значит, все было в пределах нормы? – с иронией произнесла Марина.

– Интересно, если вещи с этого поезда начнут расходиться по рукам, не вызовет ли это каких-либо разрушительных последствий? – риторически спросил Топор.

– Ого, уж не мелко ли жульнические наклонности просыпаются в большом начальнике? – Марина повернулась в сторону Кудыкина. – Осторожно, товарищ полковник. У вас на поезде появился настоящий мародер.

– Эх, не по назначению поезд попал! – со смешком сказал Топор. – Его бы Хантеру – вот было бы счастье бандиту. Помните, был такой Хантер, который атаковал нас со своей бандой год назад?

– Еще как помним, – сказал Кудыкин. – Жалко, что так и не сумели его изловить и как следует допросить. Этой тварюке очень бы пошла тюремная роба.

– А я вдруг вспомнила, КТО Хантера тогда нанял. Как вы снова доверились Ломакину, полковник? А я с ним только что, главное, еще и обнималась!

– Вот из-за того, что Хантер сбежал, это обвинение профессору предъявить как раз и не сумели, – сказал Кудыкин. – Так что, сидел профессор за неосторожное обращение с оружием. Так ему квалифицировали убийство после того, как рассмотрели влияние на жертву со стороны кукловода Версоцкого.

– Ладно, – сказал Топор. – Я не знаю зачем, но Зона снова нас собрала в одном месте и даже на том же самом поезде. Значит, что-то мы не доделали в прошлый раз. Или сделали неверно. Я в полном твоем распоряжении, полковник. А вот Маринка пусть отдохнет.

– Хотела бы гордо возразить, – сказала Марина, – но я и впрямь валюсь с ног от усталости. Можно я где-нибудь тут свернусь калачиком на коврике у входа?

– Ну что вы, Марина, – сказал Кудыкин. – Для вас найдется превосходное спальное место в моем купе.

Когда за Мариной закрылась дверь спального отсека, Топор прошел к дивану, плюхнулся на его мягкие подушки и сказал:

– Я тебя правильно понял, полковник: дела похожи на задницу в анфас?

– С очень худыми ягодицами, – в тон ему пошутил Кудыкин.

– Я так и не врубился, чего хочет этот самый Версоцкий? Как он вообще здесь оказался и где сумел найти людей?

– А этого никто пока не понял, – сказал Кудыкин. – Перестал стрелять из пушек – и на том спасибо. Но с того момента всякая жизнь на его поезде словно вымерла. Пробовали ему сигналить фонарем и ракетами – бесполезно. Вот думаю, что надо бы попытаться выслать парламентера.

– Ну, а в конце концов, – сказал Топор, – соберем манатки, подорвем установку и уйдем пешком. Опыт свой сталкерский я за сутки освежил, народу с оружием много, поезд караулить уже незачем, все равно не уедет. Так что за несколько дней выберемся.

– Только при Ломакине это не говори, – неожиданно переходя на «ты», доверительно сказал Кудыкин. – Старичок скорее помрет на своей установке, чем оставит ее здесь своему главному конкуренту. А со сталкерами у нас порядок на этот раз. Специально набирал охрану в обедневших сталкерских кланах.

– Погоди, – сказал Топор, – у тебя здесь полно сталкеров, а ты думаешь, чего дальше делать? Давай отнимем поезд у Версоцкого. Штурманем вечером, вырежем его отряд, прицепим паровоз к нашим вагонам и вернемся домой. Может, еще и профессору дадим напоследок побаловаться его установкой. Нас же отсюда ничего кроме Версоцкого не гонит.

– Ты готов штурмовать эшелон с танками, которые стреляют прямой наводкой? – удивился Кудыкин.

– А чего нет? – в свою очередь удивился Топор. – Танковые пушки и пулеметы смертельны в чистом поле, но у нас здесь не поле. Здесь у нас – аномальное скопление, зажатое между двух железнодорожных насыпей. Значит – с высокой плотностью мощных и старых аномалий. Вот скажи: с тех пор, как вы тут встали, он вас часто обстреливал?

– Да почти и не обстреливал, – слегка растерялся Кудыкин.

– Ну вот, все верно. Он же смотрит на результат, а результата нет. Либо в «тянучку» ухнул, либо снизу удар получил и в небо ушел. Считай, что между нашими поездами прозрачная непробиваемая стена. Но пехота сквозь нее пройдет.

– А раз его пехота не идет, – развил мысль Топора Кудыкин, – значит, пехоты у него мало.

– Прежде всего, это значит, что пехота его по аномальным скоплениям ходить не готова. Необученная она просто. А у нас – обученная.

– А в обход он не может пойти? Может, мы никого не видим потому, что он свой отряд на захват в обход отправил?

– Это же бывший железнодорожный узел, – пожал плечами Топор. – Значит, везде насыпи, значит, везде скопления. Тут в обход – еще опаснее. Я тебе так скажу: в Зоне все самое опасное концентрируется вокруг мест, где больше всего наследил человек.

– И что? Сталкеры выйдут и просто начнут открыто пересекать поле аномалий? – спросил Кудыкин. – Положим, их сразу не перебьют. Но потом-то?

– Потом будет «мертвая зона» для танков, – весело сообщил Топор. – И можно будет схлестнуться врукопашную.

Кудыкин в задумчивости принялся ходить по свободному пространству.

– Нет, не получится, – сказал он наконец. – Версоцкий сейчас обладает теми же возможностями, что и любой кукловод. А этот его псих, которого он за собой таскает, похоже, еще сильнее. Все, что ему нужно будет – посмотреть в окошко. Визуальный контакт через аномалии проходит без проблем. А потом наши же сталкеры вернутся и возьмут штурмом нас.

– Не подумал, – признал Топор.

– Но есть и еще одна угроза, – сказал Кудыкин. – Вот те странные люди, о которых я тебе говорил, что прошлой ночью пытались нас вырезать… Это же не люди были. Но что это было – неясно. Как непонятно и то, не придут ли они ночью снова. К сожалению, все у нас уперлось в энергию. Если бы мы успели накачать установку сегодня и запустить ее до наступления ночи, может, они бы к нам и потеряли интерес. Мне кажется, что они именно запуском установки интересовались.

– Погоди, – сказал Топор. – А что, другие варианты, помимо дизелей и генераторов, не рассматривались?

– Какие другие? Есть предложения?

– А ну, давай сюда Ломакина, поговорим, – уверенно приказал Топор.

Через несколько минут они втроем открывали один из верхних шкафов-антресолей в лаборатории. Сотрудники Ломакина бестолково крутились рядом, давая бессмысленные советы и помогая держать короткую стремянку.

– Ну что же ты, Феоктист Борисыч, про такую нужную в хозяйстве холеру забыл, – с упреком, но весело говорил Топор, извлекая складную решетчатую конструкцию, рулон медной ленты в прозрачной пластиковой оболочке и бухту кабеля. – Мы же из этой штуковины год назад в Зону и заезжали фактически.

– Да знаете, – ядовито огрызался Ломакин, – все как-то времени не было. То бандиты нападут, то мутанты. А то и коллеги. Лучше скажите «спасибо» вот этим ребятам, что за целый год они сюда слазить поленились и выбросить это все.

– Ничего и не поленились, – сразу сказал один из сотрудников. – Мы просто знали, что там лежит очень ценное научное оборудование, – вот и не трогали.

– Ладно, сказочник, принимай у Романа Андреевича второй комплект. А вы чего встали? Там еще два должно быть. Берите и выносите на улицу.

Вскоре на узкой полосе земли между бронепоездом и аномалиями, что расположились вдоль железнодорожной насыпи, сотрудники Ломакина уже собирали конструкции, похожие на телевизионные антенны, обмотанные зачем-то красивыми лентами медного цвета. Толстые провода в твердой изоляции тянулись куда-то под вагон-лабораторию.

Ломакин ходил вдоль состава возбужденный, радостный и встревоженный одновременно. Когда он остановился рядом с Топором, к ним присоединился Кудыкин и попросил вкратце объяснить, с чем связаны столь бурные ожидания.

– Это экспериментальные модели устройств, способных генерировать электрические мощности за счет энергии аномалий, – пояснил Топор. – Министерство энергетики давно курировало эти работы, а Феоктист Борисович, как я узнал позднее, являлся одним из научных руководителей разработки.

– Скажем прямо, – сказал Ломакин, – для меня это была проходная задача, даже не в первой двадцатке по важности. Но тем не менее руку приложил, это да.

– Вот эти штуковины могут работать как генераторы, но без соляры? – уточнил Кудыкин. – И помогут быстрее зарядить конденсаторы?

– Не так грубо, но если примерно и с рядом оговорок…

– Ты все верно понял, полковник, – сказал Топор и широко улыбнулся. – Профессор по своей научной привычке все ставит под сомнение. Думаю, что даже в сортире он не до конца уверен в авторстве работы своего организма.

Ломакин с негодованием посмотрел на Топора, но тот только рассмеялся.

– Вы сейчас кинете эти штуки в аномалии, и конденсаторы станут заряжаться быстрее? – требовательно спросил Кудыкин. – Прошу

воздержаться от шуточек и неясных ответов – вопрос предельно серьезный.

– Если модели верны… – начал Ломакин.

– Да, все верно, – сказал Топор. – Профессор, у вас нет прав на сомнения. До завтра мы тут с вами вряд ли доживем. Это я вам как сталкер, который провел почти сутки в Зоне, говорю.

– Товарищ полковник, – сказала рация. – Наблюдаю движение.

– Иду, – сказал Кудыкин и быстро полез в штабной вагон.

Следом за ним отправился и Топор.

Через пару минут они уже разглядывали на мониторах необычайное оживление рядом с вражеским поездом. Десятка три вооруженных людей осторожно входили в аномальные скопления, явно намереваясь пересечь пространство между поездами.

– Что за ерунда? – с недоумением риторически вопросил Кудыкин. – Куда эти идиоты собрались? Прямо под мои пулеметы?

– Думаю, они рассудили точно так же, как и мы рассуждали до этого, – сказал Топор. – Аномалии их смогут защитить на дальней дистанции. А на ближней они попробуют прорваться в «слепую зону».

– И что потом? – спросил его Кудыкин. – Возьмут сверла и будут сверлить броню?

– С торцов поезд открыт, – пожал плечами Топор. – К тому же они не знают, сколько тут человек. Так что запросто могли рискнуть пойти на лобовой штурм.

Пока они говорили, почти все люди на той стороне вошли в аномальные скопления и теперь медленно перемещались в сторону бронепоезда характерными сталкерскими движениями – с частыми остановками, приседаниями, поворотами, смещениями вправо или влево. Позади два человека тащили третьего, одетого почему-то в длинную серую шинель.

– Знаешь, что странно, полковник? – сказал Топор. – Они все двигаются одинаково. У каждого сталкера есть свой неповторимый стиль, который складывается из массы мелочей. Опытный глаз может просто по характерным движениям определить знакомого сталкера. Это как радиопочерк у радиста. Вот все эти люди идут каждый своим маршрутом, но так, словно каждый из этих маршрутов проходит один и тот же человек.

– И как это можно объяснить? – спросил Кудыкин. – А главное, как это можно использовать?

– Не знаю, – развел руками Топор. – Просто поделился наблюдением.

– А сколько им потребуется времени, чтобы до нас дойти? – задал новый вопрос полковник. – Прикинь наметанным глазом.

– Думаю, минут через двадцать будут уже где-то поблизости, – немного подумав, сказал Топор. – А еще меня занимает вон тот человек, которого буквально тащат под руки. Может, это сам Версоцкий?

– Смысл?

– Как обычно – покрыт мраком.

Кудыкин немного помедлил, потом позвал сержанта Ложкина и отправил его к пулемету, установленному в противоположном конце штабного вагона.

– Заряди трассером, сержант, – велел он. – Хочу посмотреть, правда ли они так хорошо аномалиями защищены.

Топор перешел к окну и рычагом приподнял бронеставень, желая все видеть не на экране, а «живьем». Пока Ложкин возился с пулеметными лентами и клацал затвором, Кудыкин по рации отдал команду по усилению охраны на крайних вагонах поезда.

– Готов, – сообщил Ложкин.

– Огонь! – приказал Кудыкин, вглядываясь в «картинку» на мониторе.

Пулемет оглушительно загрохотал, стремительно втягивая из коробчатого магазина ленту с патронами. В сторону зомби на открытом пространстве рванулся светящийся пунктир из трассирующих пуль и рассыпался бессильными брызгами, словно попадая в сверхпрочную невидимую броню. Ложкин, не отпуская гашетку, повел ствол вправо. Часть светящихся штрихов пролетела на несколько метров дальше, но тут же устремилась в небо. Еще движение ствола вправо, и трассер оборвался прямо в десятке метров от поезда, причем было хорошо видно, как пули под прямым углом устремлялись к земле.

– Абсолютная защита, – уважительно сказал Кудыкин. – А если пожестче?

Несколько команд по общей связи, томительная пауза, и полтора десятка стволов разом обрушили мелькающую мешанину трассирующих очередей на спокойно пробирающихся сквозь аномалии людей. На этот раз эффект получился более впечатляющим.

Проникая на разную глубину в аномальные скопления, трассеры устроили на поле между поездами настоящее огненное шоу. Звук срабатывающих аномалий утонул в грохоте пулеметов, но и так было видно, что активизация ловушек, реагирующих на попадание пуль, сильно обеспокоила зомби-сталкеров на поле. Многие из них растерянно остановились, некоторые принялись судорожно метаться из стороны в сторону, а когда случайная пуля, сумев не попасть ни в одну из аномалий, отбросила одного из них, точно полено, началась самая настоящая паника.

– Прекратить огонь! – скомандовал по общей связи Кудыкин, наблюдая, как спешно двинулись в обратном направлении рассеянные по полю фигуры.

Впрочем, отступление противника длилось недолго. Уже вскоре, словно повинуясь одной общей команде, все люди, только что торопливо бредущие обратно, остановились, постояли несколько секунд и снова зашагали вперед.

– Их плотно держат под контролем Версоцкий и его кукловод, – уверенно сказал Кудыкин.

Дверь открылась, и в вагон вошел Ломакин. Лицо его буквально светилось от восторга.

– Работает! – сказал он возбужденно. – Модули в аномалиях дали напряжение! Мы можем преобразовать его к нужным показателям и начать зарядку конденсаторов!

– Прекрасно, – сказал Кудыкин. – Как скоро сможете запустить процесс зарядки?

– Достаточно четверти часа, – торжественно сказал Ломакин. – Но главное заключается не в этом. Энергии вырабатывается очень много. По предварительным расчетам, мы сумеем зарядить конденсаторы за пару часов.

45

Медленно, но неуклонно противник подбирался все ближе к бронепоезду. Кудыкин запретил стрелять до особого сигнала, и поэтому, если что и угрожало пока зомби Версоцкого, то это только пристальные взгляды.

– Сомнений практически нет, – сказал Топор, отрываясь от бинокля. – Это люди из разных команд. Точнее, зомби. Слишком велика разница. Вон там, возле поезда, такое тело само стоит, словно его из могилы достали. Похоже, Версоцкий уже давненько отловом людей в Зоне промышляет.

– Это невозможно, – рассеянно сказал Кудыкин, разглядывая карту местности и расставляя на ней карандашом какие-то значки. – Версоцкий сюда приехал вместе с нами.

– Да? Очень странно, – сказал Топор. – Значит, он сумел убить кукловода и переподчинить его добычу. Хотя обычно считается, что кукловоды друг у друга зомби уводить не могут.

Через вагон от одного входа к другому прошли два сотрудника Ломакина, нагруженные бухтами кабеля.

– Что там у вас, запустили накачку своих батареек? – спросил у них Топор.

– Запустили, – ответил один из них, не останавливаясь. – Постараемся все сделать даже раньше, чем обещали. Феоктист Борисович сегодня в ударе.

Включилась рация, лежащая на столе.

– Товарищ полковник, с огнеметами закончили.

– Хорошо, – ответил Кудыкин, нажав тангенту.

– Все-таки не оставляет меня ощущение, что мы ожидаем совсем не то, что приготовил нам противник, – сказал Топор.

– Меня тоже, – буркнул Кудыкин, – но это не значит, что не надо готовиться к очевидным угрозам. Людей я разместил так, чтобы хорошо простреливались все подходы к поезду. Если эти сумеют войти в мертвую зону – получат из огнеметов. В крайних вагонах – усиленные команды. А главное – все наблюдают. Каждое движение противника сейчас изучают десятки людей.

Топор тяжело вздохнул, как бы признавая, что все действия противника предусмотрены, но оставаясь при своем мнении.

– И еще вон тот тип в шинельке меня занимает, – сказал он Кудыкину. – Зачем его так закутали? Почему тащат аж вдвоем? У вас не было кого-то, кто мог попасть Версоцкому в плен? Может, сейчас поближе подтащат, продемонстрируют живого пленного и потребуют что-нибудь за его жизнь?

– Нет, у нас никого вроде бы не пропадало, – сказал Кудыкин. – А если потребуют, то это же замечательно. Будет возможность поторговаться, а заодно и выяснить, какими ресурсами они располагают.

– Похоже, начинается финальная часть, – сказал Топор, глядя в монитор. – Ну-ка, посмотрю своими глазами.

– Всем приготовиться, – сказал Кудыкин по рации и вслед за Топором подошел к окну.

Зомби с повадками сталкеров стояли уже совсем недалеко от бронепоезда и больше не двигались. Видимо, Версоцкий счел, что именно здесь проходит последний безопасный рубеж, где его «пехота» остается неуязвимой для оружия противника. Двигалась только странная троица с человеком, закутанным в шинель, посредине.

– Внимание, – сказал Кудыкин. – Всем смотреть в оба. Это какая-то провокация, и мы должны распознать ее до того, как она нанесет нам вред.

Наконец, закутанного в шинель человека вытащили даже немного дальше того уровня, на котором остановились нападавшие. Двое сопровождающих отпустили его, после чего взялись за полы и рукава шинели и замерли.

– Да что ж так нагнетать-то?! – не выдержал Топор. – Стриптиз, что ли, собрались показывать?

Словно услышав его, зомби распахнули шинель, полностью стащили ее и бросили на землю, одновременно отступая назад. А взорам защитников бронепоезда предстал кукловод.

Пародия на человеческое тело с длинными спутанными волосами, серой кожей, отвисшим животом и тонкими ногами появилось настолько внезапно, что у все, кто в этот момент наблюдал за происходящим, замерли, не в силах оторваться от жуткого зрелища. Застыл у окна с биноклем в руках Топор, замер у экрана камеры

наблюдения полковник Кудыкин, окаменели десятки людей у бойниц и окон во всех вагонах. И только несколько секунд спустя стало понятно, что вовсе не обычное удивление заставило людей замереть неподвижно, точно им вздумалось поиграть в популярную детскую игру.

Марина, которая как раз в этот момент внезапно проснулась и вышла из спального отсека штабного вагона, обнаружила странную картину, хотя и не сразу сообразила, что происходит что-то странное.

– Привет, вояки, – сказала она легкомысленно. – А что, никто не сварит проснувшейся мадаме, например, кофе? Можно без сливок, но сахару – не жалеть!

Оценив упорство, с которым ее игнорировал даже любимый муж, не говоря уже про Кудыкина, Марина с любопытством подошла поближе, чтобы посмотреть, что же так заинтересовало полковника. Внезапно слабый сипящий звук привлек ее внимание. Она повернулась и обнаружила, что сержант Ложкин, застывший у пулемета, медленно поворачивается в ее сторону с красным от напряжения лицом. И только в этот момент Марина испытала первый укол страха.

– Что происходит? – громко спросила она. – Что случилось?!

– Не смотри… в экран… – с трудом просипел Ложкин. – Не смотри… в окно.

Вот теперь Марину накрыло страхом по-настоящему. Она испуганно прижала руки к лицу, боясь даже повернуть голову вправо или влево.

Хотя, если бы она все-таки осмелилась посмотреть в окно, то обнаружила бы, что зомби-сталкеры, стоявшие до этого неподвижно, вдруг снова пришли в движение и принялись медленно преодолевать последние аномалии, отделяющие их от бронепоезда.

46

Сидя на стеллаже складского вагона, Костя сперва терзался неизвестностью, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи, но скоро странная апатия взяла свое, и он погрузился в тягучую болезненную дрёму. Зомби по-прежнему стоял рядом и держал его за руку. Снаружи доносились то пулеметные, то пушечные выстрелы, поезд то замедлял ход, то ускорялся, пару раз даже останавливался, чтобы через несколько минут вновь тронуться вперед. Косте было все равно. Ничего поделать он всяко не мог, а любая попытка сопротивления закончилась бы тем, что Версоцкий приказал бы зомби удавить пленника. Тем неожиданней для Кости стало стремление зомби потащить его куда-то за собой.

С трудом сбросив оцепенение, Костя поднялся со стеллажа и послушно двинулся вслед за конвоиром, который, как ни странно, вновь поднимался по лестнице на крышу вагона.

За те несколько часов, что он провел внизу, обзорная площадка заметно изменилась. Со одной стороны ее обложили мешками и ящиками, взятыми, очевидно, со стеллажей склада, так что образовалась стенка высотой в рост человека, поставили стол и несколько стульев и даже выложили целый диван из мягких вещей, закрыв их сверху одним большим куском черной ткани.

За столом, совершенно непринужденно, словно у себя в кабинете, восседал Версоцкий. На «диване», подобрав под себя ноги, но все равно продолжая выглядеть неуклюжим и нелепым, расположился Зюзя. Больше никого на площадке не было, но, судя по звукам, доносящимся со стороны эшелона, профессору для организации работы больше никто и не был нужен.

При виде Кости Зюзя немедленно уныло загундел и принялся понемногу отползать в сторону.

– А вот и наш сталкер! – сказал Версоцкий, отрываясь от какой-то бумаги, лежащей перед ним на столе. – Не стесняйся, проходи, садись. Думаю, что здесь удобнее, чем в качестве припаса на стеллаже.

Видимо, это был юмор. Костя вежливо улыбнулся, прошел к столу и сел на стул. Зомби, так и не отпуская руку, встал рядом. Несмотря на

то что левая рука теперь все время была на весу, Костя даже начал привыкать к молчаливому провожатому.

– Зюзенька, не переживай, плохой дядя больше тебя не обидит, – засюсюкал Версоцкий, а Костя, пользуясь случаем, пока на него не обращали внимания, огляделся.

Эшелон никуда не двигался, причем, судя по металлическому грохоту со стороны открытых платформ, стоянка предполагалась длительной. С той стороны, которая не была загорожена мешками, совсем недалеко от поезда виднелся лес. Позади в серое небо поднимался черный столб жирного дыма.

– Может, отпустите меня? – спросил Костя. – Убивать не собираетесь, для делишек ваших я непригоден, так зачем таскать лишний балласт?

– Тронут твоей заботой обо мне, – усмехнулся Версоцкий, – но я предпочитаю оставаться в твоем обществе. Во всяком случае, пока.

– Тогда, может, раскроете планы? В фильмах злодеи всегда раскрывают планы перед тем, как их кто-нибудь грохнет, – с иронией сказал Костя. – Давайте попробуем? Вдруг, как только вы откроете карты, за мной прилетит вертолет со спецназом?

– Дразнить старших – некрасиво, – нисколько не раздражаясь, ответил Версоцкий. – А планы расскажу, поскольку ничего злодейского в них нет. Я держу тебя на случай, если мне понадобится парламентер.

– Парламе… кто? – удивился Костя. – Я что-то пропустил, и спецназ на вертолете уже прилетел?

– Нет. Это скорее мы с тобой прилетели кое к кому в гости. Можешь встать и посмотреть за эту баррикаду. Только будь осторожен – случайная снайперская пуля не разбирает, чья голова у нее попалась на дороге, злодейская или парламентерская.

Костя пожал плечами, встал и, увлекая за собой «двуногие наручники», подошел к стене из мешков. Увиденное ошеломило его и заставило сердце биться учащенно.

Неизвестно откуда на параллельных путях в нескольких сотнях метрах от эшелона стоял бронепоезд. Точнее, то, что от бронепоезда осталось. Во всяком случае, теперь было понятно, что слева на путях догорает тепловоз. Но остальные вагоны выглядели достаточно

целыми, а когда со стороны бронепоезда ударил пулемет, стало понятно, что и живые люди в нем тоже есть.

– Что происходит? – резко спросил Костя Версоцкого. – Вы не оставили своей маниакальной идеи захватить установку Ломакина?

– Не оставил, – спокойно подтвердил Версоцкий.

– А еще говорят, что талант и злодейство несовместны, – хмыкнул Костя. – Неужели дурацкая идея о превращении в суперчеловека до сих пор не покинула вашу ученую голову?

Версоцкий с удивлением воззрился на него, помолчал немного и лишь потом сказал:

– А с чего ты взял, что у меня была такая идея?

– Ну, мне рассказывали, – смутился Костя, – что вы именно для этого пытались захватить установку год назад.

– Ааа… – протянул Версоцкий. – Нет, все немного не так. Хотя отрицать не стану: ради того, чтобы заполучить работающую систему, я готов на все.

– И зачем же она вам?

– Чтобы вернуться домой, – спокойно ответил профессор.

Костя глупо захлопал глазами, полностью потеряв и нить рассуждений, и смысл разговора.

– Пояснить можете? – наконец сумел выдавить он.

– Садись, – кивнул на стул Версоцкий. – Конечно, могу. И даже хочу. Возможность побеседовать с живым нормальным человеком в последнее время выпадает мне, к сожалению, слишком редко.

Костя послушно вернулся за стол, ведя за собой зомби.

– Может, снимите наручники? – спросил он, усаживаясь так, чтобы не уставала рука, которую держал его безмозглый конвоир.

– Нет, – отрезал Версоцкий. – В этом случае я не смогу тебя контролировать, а мне неожиданности ни к чему. Если я смогу захватить бронепоезд, то, возможно, отпущу тебя.

– Хорошо, – сказал Костя. – Так каким же образом вы собрались лететь на установке Ломакина домой?

– Я не говорил, что собираюсь лететь, – неожиданно улыбаясь, сказал Версоцкий. – Я сказал «вернуться».

– Непонятно.

– Год назад я закрылся в лаборатории и включил установку Ломакина. Так? – спросил Версоцкий.

– Так, – подтвердил Костя.

– Потом рабочие взломали бронированную дверь и нашли за ней меня, но уже свихнувшегося. Так?

– У нас вечер риторических вопросов? – поднял бровь Костя. – Конечно, так. Вы закрылись и пытались стать суперчеловеком. Но ошиблись и сошли с ума… – он запнулся, заметив насмешливый взгляд Версоцкого, и закончил: – Ну, точнее, все решили, что вы сошли с ума. Не понимаю, зачем все это спрашивать?

– А затем, что закрылся в лаборатории один Версоцкий, а выкурили из лаборатории совсем другого.

– Я в это должен поверить? – изумился Костя.

– Я не говорю, что ты должен поверить, а сообщаю факты. Факты же таковы: профессор Версоцкий много лет назад совершил ряд прорывных открытий, жертвой которых и стал в конце концов. Главная ошибка, которую я допустил в исследованиях времени, заключалась в контакте с самим собой.

– Вы сделали машину времени? – глупо спросил Костя.

– Я открыл принцип, согласно которому перемещения во времени мало чем отличаются от перемещения в пространстве, – начал объяснять Версоцкий. – Но есть одно небольшое условие: нельзя допускать парадоксов. Мелкие, вроде раздавленной в прошлом бабочки, проходят достаточно безболезненно, а вот крупные, например уйти в прошлое и убить своего дедушку, порождают серьезные коллизии с появлением петель альтернативной реальности времени. Так вот: встреча с самим собой в любом времени – это недопустимый и невозможный парадокс. Который, в свою очередь, образует сразу несколько альтернативных петель одного времени.

– Я ничего не понимаю, – пробормотал потрясенный Костя, которому даже в голову не пришло, что Версоцкий может его обманывать.

– Машину времени нельзя взять и построить где угодно, – со вздохом сказал Версоцкий. – Когда-то два молодых ученых, Версоцкий и Ломакин, нашли в совершенно невозможном по обычном меркам месте, называемом Зоной, такие аномалии, сочетание которых в ряде случаев позволяет обойти некоторые фундаментальные законы природы. И разработали установку, способную использовать эти нарушения. Если хочешь, могу назвать это созданием машины

времени, хотя оно и не совсем так. Потом Версоцкий решил уйти от своего туповатого коллеги, но место для создания машины времени было одно-единственное на всей планете. Тогда у Версоцкого еще были какие-то глупые ограничивающие принципы, и он не стал убивать глупого коллегу, хотя и стоило бы. Он просто имитировал потерю интереса к экспериментам со временем и стал рассказывать, что теперь будет заниматься исключительно влиянием пси-аномалий на мозг человека в условиях активации их деятельности с помощью установки. Даже нанял молодого сталкера якобы для экспериментов с ним. А сам, втайне от Ломакина, попробовал перемещаться во времени.

– Вы перемещались в будущее? – с недоверием спросил Костя.

– В будущем, – не обращая на него внимания, продолжал Версоцкий, – он обнаружил, что Зона все еще существует и уникальное место – тоже. Но от их бывшей с Ломакиным лаборатории остались только жалкие развалины. Тогда он стал брать с собой Зюзю, – так звали молодого сталкера, – и вдвоем они худо-бедно восстановили лабораторию как смогли. И даже смонтировали там копию установки. Имитация же работы с настоящими пси-аномалиями привела к определенным мутациям у обоих, только они об этом тогда еще не знали. Но главное, однажды Версоцкий допустил ошибку и во время смещения вдоль времени наткнулся на себя и Зюзю, возвращавшихся откуда-то. Это был первый парадокс, о котором он, то есть я, пожалел слишком поздно. Он породил массу петель альтернативного времени, которое то и дело вторгается в основной поток, создавая события, похожие на те, что уже раньше происходили. И каждая моя встреча с самим собой из альтернативной петли порождает новые петли. Как-то раз мне довелось видеть разом семь собственных дублей. Сколько там накопилось в итоге коллизий – представить страшно.

– У меня голова кругом идет от ваших откровений, – признался Костя. – Скажу вам честно: я рад, что вся эта дребедень меня не коснулась.

– А с чего ты взял, что не коснулась? – удивился Версоцкий. – Хотя сейчас, может быть, действительно еще не коснулась. Не встречал еще никого похожего на себя? Не чувствовал, как начинает

вокруг формироваться точно такая же ситуация, какую ты уже проходил? Это первые признаки альтернативных петель времени.

– Ну, пугайте меня, – попросил Костя. – А то я сейчас займусь поисками признаков альтернативных петель в своей жизни и непременно их найду, даже если их еще нет. Лучше расскажите, что было дальше.

– Потом Версоцкий решил, что надо ликвидировать такую угрозу, как Ломакин, который, кажется, начал о чем-то догадываться. Забрал самые важные детали и чертежи, подстроил так, чтобы коллегой занялись спецслужбы, и ушел вместе с Зюзей в будущее, в свою лабораторию, где ему уже никто не мог помешать. Если бы я знал, что у Ломакина хватит ума построить свою установку, то просто убил бы его сразу.

– А вас добрым не назовешь, – схохмил Костя, пытаясь привести мысли в порядок.

– В будущем, – продолжал Версоцкий, – я решил поставить более глобальный эксперимент с перемещением во времени. Единственным ограничением стал тот факт, что я мог перемещаться в пространстве недалеко от того места, где находились аномалии. И даже попадая в прошлое, где этих аномалий не было вовсе, все равно был ограничен в пространстве несколькими километрами от этого места. Мне нужно было такое время, чтобы никому не было дела до эффектов, которыми сопровождаются темпоральные смещения. И я нашел такое время, тем более что оно мне всегда было интересным. Великая Отечественная война!

Версоцкий протер лицо рукой, точно стирая неприятные воспоминания.

– Я сместился по линии времени до того момента, когда в окрестностях появились войска и начались бои. Заякорил там опорную точку, куда можно было бы смещаться без риска провалиться дальше. Наставил еще таких точек по линии времени с интервалом в пятнадцать-двадцать лет. Получилась вполне стабильная трасса. По счастью, никому не было дела до скромного бетонного бункера, который вдруг появился в самой глухой части леса. Ни во время войны, ни после нее.

– Вы смещались вместе с бункером? – поразился Костя.

– Разумеется, юноша, – сухо подтвердил Версоцкий. – Настраивать излучатель так, чтобы он забирал только человеческое тело, – настолько нетривиальная задача, что ее вряд ли решат еще лет двести. Перемещения шли вместе с грунтом и бетонным основанием – это во многом упрощало ситуацию. А потом этот кретин Ломакин создал свою установку, втайне от всех запустил ее ночью на станции, когда бронепоезд еще даже не ездил в Зону, и полностью разрушил мой отлаженный маршрут скольжения вдоль линии времени. Вкупе с линиями альтернативной реальности времени это привело к тому, что во время очередного перехода в прошлое я оказался в одном времени, а установка с бункером – где-то в другом. И всякий раз, когда Ломакин включал свою установку, не только я невольно начинал смещаться вдоль линии времени, но и моя установка вместе с бункером – тоже! А каждый переход это не шутки. Это такой удар по мозгам, что сперва наступает кратковременная амнезия. К тому же мы с Зюзей еще успели нахвататься всякого в пси-аномалиях… Собственно, Зюзю это, в конце концов, доконало совсем.

– А как вы оказались в плену у Хантера? – спросил Костя, полностью захваченный рассказом.

– Я не думаю, что я там оказывался, – смущенно признался Версоцкий. – Хотя помню все отчетливо. Похоже, там был «другой я» из альтернативной петли времени. Ведь я помню слишком многое из того, что со мной вроде бы случилось, но на что мне явно бы не хватило времени. Но уверенности нет, честно говоря.

– Слушайте, какое совпадение! – возбужденно сказал Костя, озаренный новой мыслью. – А ведь заказчики, из-за которых начались мои неприятности, тоже искали какой-то бункер. А потом исчезли вместе с ним.

– Вот как? – удивился Версоцкий и с любопытством уставился на Костю. – Все-таки я начинаю склоняться к убеждению, что ничего случайного в этом мире не бывает. Возможно, именно я нанял этих людей, чтобы найти свой бункер с установкой. То есть не я лично, а тот, альтернативный я, которого тоже кидало куда попало и как попало и который надеялся вернуться домой, в будущее. Неужели он нашел установку раньше меня? Нет, тогда бы я это наверняка помнил.

– Там было трое людей, похожих, как братья-близнецы, но после всего, вами сказанного, я начинаю подозревать, что это был один и тот

же человек, тоже попавший в петлю времени.

– Запросто, – пожал плечами Версоцкий. – Что-то такое я смутно припоминаю, хотя это вряд ли было со мной. Какие-то люди из спецслужб сумели меня выследить и даже наладить сотрудничество, пока меня снова не выдернуло оттуда. Если предположение верно, то в тот момент, когда ты их привел к бункеру, началось самопроизвольное смещение установки с бункером в прошлое. Они тоже попали в процесс переноса, но не в основной линии, а в альтернативную петлю времени уже для альтернативной петли. Их утащило до последней опорной точки, то есть до того времени, когда шла война. Интересно, говорил ли хоть один из них по-немецки?

– Я совсем запутался, – честно признался Костя. – Зачем тогда они пытались меня убить пару дней назад?

– А ты уверен, что это были именно они? – вкрадчиво спросил Версоцкий.

– Вы что-то знаете про мое будущее? – встревожился Костя.

– Нет, я просто уточнил, откуда проистекает твоя уверенность.

– А то, что сейчас творится с Зоной, – это тоже ваших рук дело? – просил Костя, меняя тему.

– Это смотря что ты имеешь в виду, – нахмурился Версоцкий. – Переносы целых территорий с места на место, из времени во время? Это не может делать установка. Слишком велики энергии. Если бы я верил в разумность Зоны, то сказал бы, что ей понравилась игра с переносами и она пытается копировать эти процессы. Но поскольку я пока себя все-таки считаю ученым, то предлагаю принять такую формулировку: работой установок запущен некий колебательный процесс, распространяющийся во времени и пространстве. Как только установка перестанет включаться, а петли альтернативного времени распадутся сами собой, колебательный процесс начнет снижать амплитуду, и через некоторое время все встанет на свои места.

– Значит, тот Версоцкий, что включил установку год назад, ушел куда-то вдоль линии времени, а взамен него туда выдернуло вас? – спросил Костя, собирая воедино все сказанное профессором.

– Нас с Зюзей, – уточнил Версоцкий. – Причем это было третье или четвертое перемещение кряду. Как мы совсем не померли в тот момент – непонятно. Очень сильно повезло. А когда я пришел в себя,

то не стал выдавать, что обрел разум снова, а то бы меня быстро нейтрализовали.

– А теперь…

– А теперь я хочу вернуться домой, найти свою установку и навсегда покончить с экспериментами во времени.

– Послушайте, – возбужденно сказал Костя, – так давайте я все это расскажу полковнику Кудыкину, если он там? Он разрешит вам воспользоваться установкой…

– Ах, какой глупый юноша! – тихо рассмеялся Версоцкий. – Во-первых, никто меня к установке не пустит, особенно если поверят во все, что я рассказал. Во-вторых, установку здесь вообще надо бы уничтожить – тогда есть шанс, что альтернативные петли времени начнут распадаться сами. Поверь, это страшная штука. Я не рассказал тебе и десятой доли того, чем они чреваты. А в-третьих, в договорах нет ни малейшего смысла. Скоро бронепоезд будет моим и так.

– Сомневаюсь, – трезвея после очарования истории Версоцкого, сказал Костя. – Полковник Кудыкин имеет достаточно ресурсов и опыта, чтобы не дать себя в обиду. В крайнем случае, он просто подорвет установку.

– Я это предусмотрел, – торжествующе усмехнулся Версоцкий. – Никто ничего не сможет подорвать. Зомби вообще склонны слушать только своих хозяев.

– Зомби?!

– Можешь посмотреть, – гордо сказал Версоцкий. – Это миг моего триумфа. То, что начиналось как прикрытие для экспериментов со временем, превратилось в отдельное направление для исследований.

Костя вскочил с места и поволок за собой медлительного конвоира к стене из мешков. А вслед ему летел торжествующий голос Версоцкого:

– Обычно кукловод может подчинить себе человека только при зрительном контакте и на небольшом расстоянии. Я придумал более совершенную схему получения контроля над слабым человеческим разумом.

Даже с такого расстояния Костя видел, что перед бронепоездом стоит кукловод. А справа и слева от него через аномалии медленно пробираются люди Хантера.

– Кукловод, – вещал сзади Версоцкий, – выступает как передающее и усиливающее звено. Основную мощь обеспечивает Зюзя. А я управляю процессом, не отрываясь от разговора с тобой. Сейчас на бронепоезде осталось всего несколько человек, способных двигаться. Но и они наверняка подойдут к окнам, чтобы посмотреть на причину, заставившую всех замереть в полной неподвижности. И всякий, кто смотрит на кукловода, открывает свой разум для меня и Зюзи. Вот, еще один сотрудник Ломакина только что попался. А это, кажется, машинист.

– Вы берете их под контроль прямо сейчас? – в ужасе спросил Костя.

– Ну да, – подтвердил Версоцкий. – А те, кто не попадется в мою ловушку, уже не будут представлять особой угрозы. Их просто перебьют за четверть часа.

– Прекратите! – закричал Костя и рванулся в сторону Версоцкого, но тот невозмутимо смотрел на Зюзю и улыбался.

Напрасно Костя рвался изо всех сил и колотил кулаком правой руки по голове и груди своего конвоира – тот держал его за запястье не хуже цепи, вбитой в стену, и не давал сдвинуться с места ни на шаг.

– Ого, да там и женщина есть, – продолжал комментировать Версоцкий. – Боится, дурочка, в окно посмотреть. Ну, значит, с ней и так разберутся.

Сердце гулко билось в груди, но это было все, что Костя мог в данной ситуации предпринять. Зомби держал руку жестко, не давая возможности сделать даже лишний шаг.

– Ну, вот и все. Думаю, минут через двадцать можно будет менять поезд, – сказал Версоцкий. – Можешь начинать радоваться, юноша. Если все и дальше пройдет столь же гладко, я отпущу тебя. Наверное.

– Отпустите их тоже, не убивайте, – попросил Костя. – Я могу помочь отвести их в лес подальше – они не будут вам мешать.

– Ну нет, – качнул головой профессор. – Экипаж бронепоезда вместе с самим бронепоездом после моего отбытия домой останется в награду моей милой собачке Хантеру и его людям. Они заслужили, что ни говори. За это они еще и уничтожат потом установку.

Сердце снова гулко бухнуло в груди, словно стараясь привлечь внимание Кости к чему-то важному. И вдруг он понял, на что намекал ему умный внутренний орган. Он изнутри пытался коснуться рукояти

того пистолета, который Опер еще вчера сунул во внутренний карман, да так ни разу он о нем и не вспомнил. И не беда, что в пистолете один-единственный патрон. Главное, что он уже в стволе!

Понимая, что в действиях против кукловода смертельно опасно обдумывать детали, Костя резко сунул руку за пазуху и выхватил пистолет из внутреннего кармана, одновременно снимая большим пальцем с предохранителя. Версоцкий все-таки успел среагировать: пистолет смотрел прямо ему в лицо, когда зомби резко дернул Костю назад. Ствол пошел в сторону, грохнул выстрел, и Версоцкий с криком полетел на пол. Почти в тот же миг пальцы зомби разжались, и Костя освободил уже почти ничего не чувствующую левую руку.

Версоцкий корчился на полу, зажимая ладонью расплывающееся кровавое пятно на плече. Зюзя страшно выпучился и даже протянул в сторону Кости бледную лапку. Голову вдруг точно стальным обручем сдавило. И тогда Костя, бросив ненужный пистолет, схватил за спинку ближайший стул и со всей силы запустил им в слюнявого монстра.

Голову тут же отпустило, а Зюзя, получив плюху увесистым предметом мебели, зашелся в нестерпимом для ушей визге. Зомби вдруг снова начал двигаться: заслонив собой Версоцкого и Зюзю, он медленно потянул из-за пояса свой пистолет. Видимо, Версоцкий сумел справиться с первым приступом боли и готовился расправиться с Костей руками этой бездушной куклы.

– Чтоб вы сдохли, уроды! – сплюнул сталкер и быстро сбежал по лестнице вниз.

47

Всех отпустило как-то сразу и совершенно внезапно. Охнул и осел на пол Топор. Обессиленно лег грудью на стол Кудыкин. Тяжело вздохнул, но устоял на ногах сержант Ложкин.

Марина бросилась к мужу и помогла ему добраться до дивана. Затем подхватила под руку Кудыкина и тоже буквально дотащила его до кресла. Вернувшись за Ложкиным, она обнаружила его выгребающим из открытого сейфа белые цилиндры, украшенные двумя красными полосками и большим проволочным колечком.

– Сержант, – осторожно сказал Марина, но он слепо прошел мимо нее и, шатаясь как пьяный, двинулся вверх по лестнице на крышу.

Оглянувшись на приходящих в себя Топора и Кудыкина, Марина решительно поднялась следом за сержантом.

На свежем воздухе Ложкину явно полегчало. Он несколько раз глубоко вздохнул, подошел к самому краю платформы и посмотрел вниз. Туда, где кружил на месте, словно потерял зрение, кукловод.

Дернув кольцо на одном из цилиндров, Ложкин запустил его в сторону кукловода. Немного не долетев до цели, цилиндр отвесно рухнул на землю. В тот же миг из него повалил ядовито-желтый дым, а Ложкин уже выдернул кольцо из следующего цилиндра и бросил его чуть левее. Следующий цилиндр полетел правее. Несмотря на то что дым прихотливо извивался, подчиняясь неумолимой силе аномалий, кукловод постепенно погружался в его клубы.

Марина быстро оглядела поле боя. Те люди, что сумели просочиться сквозь аномалии, теперь растерянно бродили вдоль вагонов и, казалось, даже не понимали, где они находятся и что тут делают. Те, что не успели выйти к бронепоезду, бестолково шарахались между аномалиями, иногда попадая в них и беспомощно размахивая руками до тех пор, пока ловушка не поглощала свою жертву. Причины таких разительных перемен были неясны.

Кукловод тем временем наглотался желтого дыма и принялся верещать.

– Прекрасная песня! – с ненавистью сказал Ложкин.

Марина содрогнулась и снова осмотрела пространство между двумя поездами. К ее удивлению, от вражеского эшелона в сторону бронепоезда двигался еще один человек.

– О, да у нас подмога! – злобно процедил Ложкин. – Сейчас спущусь, и пообщаемся поближе.

– Погоди, – сказала Марина, не веря своим глазам. – Это же… Костя! Рома! Костя нашелся!!!

Она сорвалась с места и побежала вниз по лестнице.

– Какой еще Костя? – подозрительно спросил Ложкин.

* * *

К тому времени, когда Костя, едва не угодив несколько раз в коварные ловушки, добрался до бронепоезда, кукловод уже перестал подавать признаки жизни, а желтый дым рассеялся без следа. Оставив серую тушку в десятке метров справа, Опер вышел из аномального скопления на железнодорожную насыпь и замер, тяжело дыша. Давно ему не приходилось преодолевать настолько сложные и длинные скопления аномалий в таком высоком темпе.

Но уже через несколько секунд он увидел машущих руками с крыши штабного вагона Топора и Марину и вдруг понял, что, от облегчения, усталость как рукой сняло.

В штабном вагоне его встречали так, словно он был космонавтом и вернулся домой после долгого полета. Топор и полковник Кудыкин обнимали его и хлопали по спине, Марина расцеловала, а потом вдруг расплакалась. Апофеозом же стало появление Ломакина, который при виде Кости сперва онемел, а потом долго тряс сталкеру руку и радостно смеялся.

– А теперь рассказывай. Можно без подробностей, – потребовал Кудыкин, уже явно отошедший от ментальной атаки.

И Костя рассказал все по порядку, но не особо вдаваясь в детали.

– Молодец, Константин! – сказал Кудыкин, выслушав, и крепко пожал Оперу руку. – Сказал бы мне кто год назад, что вон там худенький оператор всю экспедицию спасет – ни за что бы не поверил.

– Ну, ты даееешь! – протянул пораженный Топор и снова полез обниматься.

– Значит, этот негодяй не оставил идею завладеть моей установкой? – громко возмутился Ломакин, гневно тряся жидкой бороденкой.

– Он просто хочет вернуться домой, – осторожно напомнил Костя.

– Да он наврал вам с три короба, Константин! – не терпящим возражения голосом объявил Ломакин. – Кого вы слушали? Это же враль сто… нет, двестипроцентный! Ну ничего. Через час у нас будет достаточно энергии, чтобы закончить этот балаган. Для начала я запулю весь его дурацкий поезд куда-нибудь на Луну!

Это заявление было встречено общим смехом, и атмосфера несколько разрядилась.

– А не найдется ли чего пожевать? – спросил Костя. – И пить хочется. Очень.

Правда, спокойно поесть у него так и не получилось. Едва он сунул в рот ложку тушенки из банки, заботливо открытую ему Топором, наблюдатель доложил по рации, что видит активизацию действий на поезде Версоцкого. Наученные горьким опытом, Топор с Кудыкиным договорились, что сперва посмотрит один из них. Но все оказалось проще и непонятней, чем новая атака кукловода: зомби, высыпавшие в большом количестве из вагонов, возились с открытыми платформами.

– По-моему, – сказал Кудыкин, которому выпало первым смотреть на вражеский состав, – они готовятся к массированной стрельбе прямой наводкой.

– Не может быть, – не поверил Топор. – Аномалиям все равно, массированный обстрел или не очень.

– Поддержал бы тебя, если бы уже не ошибался сегодня насчет Версоцкого.

– Но сейчас-то какие варианты? – удивился Топор. – Ну хотя бы один?

– Нет у меня вариантов, – признался Кудыкин.

Ответ, впрочем, не заставил себя ждать. На глазах у пораженных людей, часть ландшафта между поездами покрылась легким туманом, смазалась, точно искаженная потоками горячего воздуха, и растаяла, оставив густой кустарник в редких березках и зеленую траву высотой около полуметра.

– Это что-то невероятное, – покачал головой Кудыкин, глядя в монитор, и вызвал по рации лабораторию: – Феоктист Борисович, вы это видели? Тут только что огромный кусок земли исчез вместе с аномалиями, а взамен появилось обычное поле!

– Мне все равно, что там появилось, – неожиданно резко ответил Ломакин. – Я эту гниду через полчаса самого куда-нибудь перенесу.

Обескураженный, полковник посмотрел на рацию и осторожно сказал:

– Я и не думал, профессор, что вы такими словами пользоваться умеете. Вы что же, намекаете, что Версоцкий это сознательно делать научился?

– Да быть не может, – встрял Топор. – Хотя допускаю, что научился чувствовать, как такое происходит.

– Знаете, полковник, – ответил по рации Ломакин, – иногда ситуация вынуждает говорить не только странные слова, но и делать странные дела.

В этот момент дверь открылась, и в штабной вагон вошли несколько растерянных сотрудников лаборатории.

– Я блокировал входную дверь, полковник, – продолжал Ломакин, – предварительно выпустив своих людей. Со мной остался лишь один доброволец. Не пытайтесь взломать дверь и даже не думайте забраться в лабораторию со стороны дыры – там ваши люди мне успели поставить два огнемета, и будьте уверены: рука моя не дрогнет залить все огнем, если я увижу, что ко мне кто-то лезет.

– Успокойтесь, Феоктист Борисович, – быстро сказал Кудыкин. – У всех нас сейчас будут очень большие неприятности, поскольку поезд наш хоть и бронированный, но не предназначен для ведения боевых действий против танков.

– Я прекрасно это понимаю, полковник, – ответил Ломакин. – И даже предвижу дальнейший ваш шаг. Вы предложите отдать Версоцкому установку, лишь бы от нас отстал.

– Да и в мыслях не было, Феоктист Борисович!

– А что было?

Сильный удар снаружи в броню раздался почти одновременно с гулким раскатом пушечного выстрела. Марина взвизгнула, Костя выронил кусок хлеба, а сотрудники Ломакина рефлекторно присели.

– Вот это нам вмазали… – сказал впечатленный до глубины души Топор.

– Мы теперь как мишень, – мрачно буркнул Кудыкин. – И соотношение стволов категорически не в нашу пользу.

– Я рекомендую всем покинуть бронепоезд, – сказал по рации Ломакин. – Через пятнадцать минут я включу установку, но за последствия не ручаюсь. Поэтому вам лучше в этот момент находиться где-то подальше от нее.

– Не глупите, профессор! – рявкнул в рацию Кудыкин, но ответом ему стало лишь презрительное молчание.

– Я тоже думаю, что нам лучше уйти, – сказал Топор.

Серия жутких ударов обрушилась на бронепоезд. Снаружи теперь доносилась непрерывная канонада. Топор схватил Марину и оттащил ее к выходу. Сотрудники Ломакина попадали на пол. Кудыкин, вцепившись руками в спинку стула, с бессильной яростью смотрел на чужой эшелон, озаряемый вспышками выстрелов артиллерийских орудий.

Внезапно наступила тишина. Враг явно давал осажденным время как следует подумать.

Кудыкин вдавил кнопку селектора общей связи и объявил:

– Внимание! Приказываю личному составу бронепоезда покинуть вагоны! Старшим вагонов доложить об исполнении.

Наверное, только Костя видел, как трудно дались полковнику эти слова.

Не прошло и десяти минут, как все они стояли среди деревьев метрах в тридцати позади бронепоезда. Справа и слева из вагонов в лес уходили солдаты из охраны и обслуги бронепоезда. А потом Версоцкий вновь начал обстрел.

Грохотали танковые пушки, с металлическим звоном лопалась броня и летели во все стороны осколки. Полковник Кудыкин стоял несколько в стороне от всех, и на глазах его наворачивались слезы.

Внезапно над вагоном-лабораторией возникло легкое зеленое свечение. Пушечные выстрелы моментально прекратились. Свечение стало сильнее, вверх от вагона протянулся тонкий зеленый луч, едва видимый, но все-таки вполне различимый. Вдалеке вновь загрохотали танковые пушки, но теперь создавалось впечатление, что все они стреляли только по вагону-лаборатории. Лавина огня, обрушившаяся на бронированный лучше прочих вагон, заставила его угрожающе раскачиваться.

А потом случилось что-то невообразимое. Под вагоном вдруг словно надулся и вылез во все стороны чудовищных размеров

мыльный пузырь, за прозрачными стенками которого происходило стремительное стирание железнодорожной насыпи, но начинала проглядывать… водная гладь. Зеленый луч превратился в раскрывшийся веер зеленого света. В броню вагона продолжали лупить со страшной силой танковые снаряды, но по сравнению с той энергией, что ощущалась в «пузыре», это уже не казалось даже заслуживающим внимания.

А потом пузырь лопнул, моментально лишив мир абсолютно всех звуков.

Огромный бронированный вагон подбросило вверх, словно футбольный мяч. Как завороженный, Костя смотрел на плывущую по небу лабораторию, которую страшная сила поворачивала с легкостью урагана, несущего над землей пустую картонную коробку. Расходящийся широким веером зеленый луч с каждым поворотом вагона обегал землю, уходил вверх и тут же возвращался, показывая, куда в данный момент попадает излучение злополучной установки. Там, где широкий зеленый луч касался земли, пространство мутнело, наливалось серебристыми блестками и вдруг становилось чем-то другим, отчетливо отличимым от того, что находилось вокруг. Словно широкие мазки кисти, стирающие с картины краски, чтобы обнаружить под их слоем совсем другой рисунок.

Вот зеленая кисть мазнула по дальней стене леса, мгновенно проложив в ней широкую просеку, вот коснулась чужого военного эшелона, разом слизнув десятка два вагонов и щедро насыпав взамен снег и глыбы льда, вот поднялась в небо, оставляя за собой шлейф неизвестно откуда взявшейся воды. И вдруг надвинулась, став опасно близкой и закрывая зеленой прозрачной пленкой весь мир вокруг.

Лишь в последний миг Костя понял, что кувыркающаяся в небе лаборатория развернулась излучающим элементом установки прямо в сторону группы людей, прячущихся в лесу. В глаза плеснуло зеленым, мир сделался игрушечным и очень ярким, потом все смазалось, как краски на палитре, и пришло абсолютное спокойствие и умиротворение.

«Так вот она какая – смерть», – подумал Опер, прежде чем растаять во всепоглощающем мраке.

48

Костя открыл глаза и долго смотрел в серое небо. Он не чувствовал тела, но нисколько не жалел об этом. Ему было хорошо. Мысли, легкие, словно мотыльки, скользили где-то по краю сознания, нисколько не омрачая внутреннего состояния. И если бы не противный ноющий звук, сталкер нипочем не стал бы поднимать голову и осматриваться по сторонам, а лежал бы целую вечность, глядя в спокойное хмурое небо.

Но звук не просто мешал наслаждаться покоем, он требовал что-то сделать, куда-то пойти и непременно завершить какое-то дело. Понимая, что особого выбора нет и вставать все равно придется, Костя медленно повернулся на бок, а потом и приподнялся на локте.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирался лес. Высокие сосны, густой, но низкорослый подлесок, веселые молнии, с легким треском прыгающие между нескольких кочек, узловатые корни, торчащие отовсюду из засыпанной хвоей земли. Все было как обычно, кроме одного: Костя помнил только свое имя. Ни кто он такой, ни как здесь очутился… Что интересно, это не пугало, а скорее удивляло.

Звук исходил от бесформенной кучи тряпья, при ближайшем рассмотрении оказавшейся человеком. Костя нахмурился, пытаясь уловить мелькнувшее воспоминание. Женщину, что тихо плакала и этим не давала ему насладиться покоем, он уже где-то раньше видел. Как и мужчину, который вяло ворочался с боку на бок поодаль.

Несколько минут он размышлял над этой непосильной задачей и уже собирался просто спросить у женщины, откуда он ее знает, как вдруг вспомнил ее имя. Женщину звали Марина. Наверняка Марина, поскольку никакого другого имени в голову не приходило.

– Эй, мужик, – тихо позвал Костю кто-то сзади.

Костя медленно повернул голову и увидел человека в военной форме, который глупо таращился на него.

– Мужик, я тебя знаю, – сказал военный, – вот только не помню откуда.

– Я думаю, что все мы были вместе и с нами что-то случилось, – сказал Костя медленно. – И мне кажется, что память уже начинает

возвращаться.

Движения вокруг становилось все больше. Все новые и новые люди поднимались из травы и очумело смотрели друг на друга.

– Топор! – громко сказал Костя, увидев рядом с Мариной задумчиво морщившего лоб человека. – Марина! Я здесь!

Марина подняла заплаканное лицо, посмотрела на Костю, перевела взгляд на Топора и вдруг снова зарыдала, правда, уже явно от облегчения.

Костя оказался прав. Память постепенно возвращалась. Вскоре практически все начали припоминать страшное зеленое свечение, отправившее их в беспамятство, а также события, что произошли накануне. Но ничего похожего на открытые пространства вокруг железнодорожных путей рядом не наблюдалось.

– Нас явно переместило куда-то в сторону, – сказал полковник Кудыкин, когда люди более-менее вспомнили все самое важное и собрались вместе, чтобы решить, что делать дальше. – Но это Зона, тут даже гадать не приходиться. Аномалии вполне определенно это доказывают.

– Тогда и говорить особо не о чем, – решительно кивнул Топор. – Надо обойти все вокруг, покричать на случай, если кто-то в стороне оказался, и выдвигаться. Надеюсь, никто не хочет остаться жить в Зоне?

Он улыбнулся, и люди заулыбались в ответ, радуясь даже такой простенькой шутке. Стараясь сдержать улыбку до ушей, в которую сам собой пытался растянуться рот, Костя вдруг подумал, что это очень здорово – умереть, а потом снова воскреснуть.

Несмотря на активные поиски, никого больше, кроме тех, кто очнулся компактной группой, найти не удалось. Среди двух десятков человек пятеро оказались сталкерами из охраны поезда, поэтому особых трудностей по выходу из Зоны не предвиделось. Тем более что оружия на руках оказалось достаточно.

Они выдвинулись в случайно выбранном направлении, поскольку все равно было неясно, куда их занесло. Растянувшись длинной цепочкой, небольшой отряд несколько часов двигался без привалов. Первым шел один из сталкеров из роты охраны, а следом за ним Топор, Кудыкин и Костя.

– Хотите, я расскажу вам подробно все, о чем мне говорил Версоцкий? – спросил Опер. – Это все имеет непосредственное отношение к происходящему. То есть происходившему, я надеюсь.

– Конечно, рассказывай, – кивнул Топор. – Тем более что я пока вообще ничего не понимаю. Может, прояснится как раз.

И Костя принялся рассказывать. Вскоре к ним подтянулась Марина, и Косте даже пришлось говорить громче, чтобы слышно было всем.

– Слушайте! – внезапно сказал Топор, останавливаясь и поднимая руку.

Вся процессия тут же остановилась и замерла, вслушиваясь в тишину Зоны. Вдалеке отчетливо прогудел сигнал тепловоза.

– Мы где-то рядом со станцией, – сказал Кудыкин. – Теперь уже точно доберемся.

С мыслью о том, что уже скоро они окажутся в нормальном мире, идти стало намного веселее. Люди переглядывались и даже начали улыбаться. Вскоре впереди наметилось светлое пространство, и Топор снова поднял руку.

– Надо сперва разведать обстановку, – сказал он. – Костя, полковник, пойдемте посмотрим, куда нас кривая дорожка вывела.

Втроем они прошли еще метров двести и достигли наконец края леса. К разочарованию Кости, ни малейших признаков близости Периметра – границы Зоны заметно не было. Впереди лежало большое открытое пространство. И ни малейшего следа станции, увидеть которую они очень рассчитывали.

В недоумении посмотрев друг на друга, Топор и Кудыкин почти синхронно взялись за бинокли. А Костя смотрел влево, где вдалеке, в нескольких километрах, по открытому пространству что-то двигалось.

– Не может быть, – сказал Кудыкин, тоже глядя на это «что-то» в бинокль. – Это же бронепоезд! Что же получается, мы попали куда-то вперед по линии времени? В будущее?

– Там едет бронепоезд? – осторожно спросил Костя, боясь поверить в услышанное. – Такой же, как у нас?

– Ну, немного другой и с одним бронеколпаком для орудия, а не с двумя, как у нас, но проект явно тот же, – сказал Кудыкин.

Бронепоезд тем временем приближался, и теперь отдельные его части стало видно даже невооруженным глазом.

– Смотрите, – сказал Костя, прищуриваясь, – там люди на крыше!

– Ну да, так и есть, – сказал Кудыкин. – На обзорной площадке туристы. Только…

Раскатистая очередь из пулемета заставила всех вздрогнуть. Неожиданно сильное для открытого пространства эхо многократно повторило резкий звук.

– Совсем одурели, что ли? – с досадой сказал Кудыкин. – Уже сафари на поезде проводят вместо научных экспедиций.

– Я думаю, нам лучше залечь, – сказал вдруг сиплым голосом Топор и первым лег в траву.

– А что такое? – обеспокоился Кудыкин, но тоже быстро растянулся на земле.

Костя немедленно последовал их примеру, опасливо поглядывая на несущийся мимо состав.

– Я там увидел кое-кого, – пояснил Топор. – И хотя расстояние большое, не думаю, что нам стоит себя проявлять.

– Кого ты там увидел? – с удивлением спросил Кудыкин, поднимая свой бинокль к глазам.

– Тебя, – огорошил Топор. – И себя. И вот этого лопоуха, – он кивнул на Костю.

– Недопонял, – протянул Кудыкин.

– Что тут непонятного? – спросил Топор, переворачиваясь на спину. – Экспедиция отправляется в Зону. На борту бронепоезда находятся полковник Кудыкин, большая шишка из министерства энергетики Роман Андреевич с двумя телохранителями, губернатор со свитой и съемочная группа столичного телеканала. Вон они все. Едут, веселятся и понятия не имеют, что их ждет в ближайшие часы и дни.

– Мы вернулись на год назад? – тихо спросил Костя.

Топор просто вручил ему бинокль.

* * *

Четверть часа спустя, ошеломленные и подавленные, они вернулись к остальному отряду. Описав примерную диспозицию и повергнув этим всех в самый настоящий шок, Топор напоследок сказал:

– Если я все понимаю правильно, через пару часов мы сможем полюбоваться на возвращение бронепоезда. И знаете, что это будет

означать в свете новой информации, которую Костя получил от Версоцкого?

Два десятка людей смотрели на него с такими мрачными выражениями на лицах, что Топор внезапно махнул рукой:

– Ну что я-то плохим вестником выступаю все время? Давай, Константин, объясняй. Пусть и тебе достанется пара стаканов ненависти.

– Если мы попали в прошлое, – начал Костя, – значит, нам сейчас нельзя возвращаться домой. Если мы встретим кого-то из знакомых, кто может увидеть нас «других» в пределах ближайшего года, могут быть запущены процессы образования параллельных линий времени. Это очень плохо, если коротко.

– Ты намекаешь, что нам придется год жить в Зоне? – сказала Марина. – До того момента, когда мы должны были вернуться?

– Необязательно весь год торчать именно в Зоне, – уточнил Топор. – Но где-то прятаться в течение года придется. Это не наше время, и делать нам здесь нечего. Но мы здесь. Значит, придется минимизировать свое присутствие.

– Давай, Костя, расскажи народу полную версию ожидаемых проблем, – велел Кудыкин. – Торопиться нам все равно теперь некуда…

Через два часа, проводив взглядами возвращающийся на базу бронепоезд, маленький отряд вновь построился в цепочку и двинулся обратно, в глубь Зоны.

49

В тесном блиндаже воняло керосином и застарелым потом, но зато маленькая печка раскалилась почти докрасна, гоня прочь страшную промозглость русской поздней осени. Возможность посидеть в тепле после обхода мерзлых и слякотных окопов искупала все прочие недостатки нехитрого фронтового жилища.

Гауптман вермахта Отто Шухарт прикурил от свечи ужасную солдатскую сигарету и сморщился, словно откусил половинку лимона. Хороших сигарет в этом, уже засыпанном снегом, но все еще сыром лесу было не достать, но к вонючему эрзац-табаку, который остался у солдат, он так и не мог привыкнуть.

Откинув в сторону тяжелый полог из брезента, в блиндаж ввалился обер-лейтенант Пауль Дитль. Даже обернутый вокруг головы шарф не спас его по-мальчишески нежное лицо от холодного ветра с мокрым снегом. Дитль выглядел замерзшим и несчастным.

– Господин гауптман, – сказал он. – Появилась свежая информация касательно происшествия на железной дороге.

– Вы допросили солдата, который уверял, что поезд на несколько секунд исчез, а потом появился уже горящим и разваливающимся на части? – сразу же оторвался от созерцания кончика тлеющей сигареты Отто.

– Да, и он продолжает настаивать на своей версии. Но это может оказаться уже неважным. Мы нашли остатки брандера, которым партизаны взорвали наш эшелон.

– Присаживайтесь, Пауль, – велел Отто, – грейтесь и рассказывайте.

– Пока неясно, откуда русские его пригнали на железнодорожную линию. Возможно, здесь есть разъезды и скрытые в лесу тупики, где этот бронепоезд стоял до сих пор незамеченным.

– Бронепоезд? – удивился Отто. – Вы уверены? Русские, вместо того чтобы расстрелять эшелон пушками бронепоезда, таранили его и взорвали вместе с собой?

– Мы нашли множество фрагментов отличной брони. Надписи на них выполнены кириллицей, – уклончиво сказал Дитль.

– Дикари! Впрочем, я не удивлен. Этот их фанатизм…

– А еще мы взяли пленных, – торжественно объявил Дитль. – Думаю, что мои ребята смогут развязать им языки, и тогда мы будем знать абсолютно все. Господин полковник наверняка оценит скорость, с которой это происшествие было раскрыто.

– Ну, положим, оно пока еще не раскрыто, – буркнул Отто. – Где пленные? Я хочу на них посмотреть.

Дитль легко поднялся на ноги и, откинув полог от входа, отдал приказ солдатам снаружи. Через пару минут в блиндаж втолкнули сразу троих оборванцев. Все трое тряслись от холода и выглядели довольно жалко, хотя от наметанного глаза Отто не укрылась их упитанность. Так хорошо последнее время не питались даже солдаты вермахта.

Один из пойманных оказался высоким и худым стариком в немецком мундире без знаков различия, с неприятным выражением холодных блекло-голубых глаз, которое не изменилось даже после того, как конвойный приласкал замешкавшегося пленника прикладом между лопаток. Правое плечо старика, прямо поверх мундира, было небрежно забинтовано и алело свежим кровяным пятном. Второй – крепкий лысый мужчина в добротных штанах, высоких, прекрасно сшитых шнурованных ботинках и отличной куртке, с бельмом на глазу и недостачей пальцев на руках. Третий – плюгавый дурачок в обносках, трясущийся больше всех, тихо подвывающий и умудряющийся пускать на слабый безвольный подбородок одновременно и слюни, и сопли.

– Где ты нашел это дерьмо, Пауль? – с отвращением сказал Отто. – Еврей, калека и сумасшедший. Ты и правда считаешь, что эта банда жуликов могла подготовить брандер? Расспроси, конечно, но я уверен, что ничего внятного от них все равно не добьешься и только время потеряешь. Да, кстати, когда отправишь их по надлежащему назначению, вели отвести подальше, чтобы трупы не привлекали одичавших собак.

Дитль собрался, по всей видимости, возразить, но в этот момент старик хрипло откашлялся и сказал на хорошем немецком с едва заметным русским акцентом:

– Господа, я уверен, что мы сможем оказаться друг другу полезными. После всего, что произошло, у меня и моих друзей

случилась небольшая потеря памяти, но ваше гостеприимство, кажется, начало все возвращать на свои места.

Старик прищурился и посмотрел на Отто. Потом перевел взгляд на Дитля. И Отто, уже собравшийся было осадить наглеца, вдруг закрыл рот и принял задумчивый вид.

– Пауль Дитль, обер-лейтенант, – сказал старик. – Не женат, но дома ждет красивая белокурая Эльза. Верно?

– Да, господин, – деревянным голосом сказал Дитль.

– Отто Шухарт, гауптман. Жена Ирма, дети, страсть к рыбалке, оружию и жгучее желание иметь собственный «хорьх».

– Да, – через силу подтвердил Отто, не понимая, зачем он это говорит и откуда мерзкий старик все это узнал. Очень хотелось назвать его генералом, но это было выше всех моральных устоев.

– Отлично, господа, – сказал старик, усаживаясь на нары. – Нам с вами по пути. Благодаря нашему сотрудничеству, вы добьетесь всего, к чему только стремитесь в своей жизни. Главное – верить мне. Верьте, и у каждого из вас будет столько денег, земли и славы, сколько пожелаете.

Лысый мужчина в добротной одежде тут же пристроился на утоптанном земляном полу у ног старика.

– Сколько у вас в подчинении людей, гауптман Шухарт? – спросил старик, протягивая одну руку к печке, а вторую опуская на лысую голову мужчины.

– Сто двадцать пять, господин… господин… господин генерал! Это, если считать без поваров, конюхов и прочей обслуги!

– Прекрасно! – патетически воскликнул старик. – Во славу всего хорошего и против всего плохого придется немного поднапрячься. Нам нужно найти в лесу один бункер…